

love_sf

Елена
Тебнёва
<https://coollib.net/a/144361>

Светлячок

Я всегда считала, что светлой ведьме темный маг не пара, а потому, устав от попыток убежденной в обратном матушки устроить мою личную жизнь, ушла из дома. Под чужим именем и личиной, в надежде хотя бы немного пожить в свое удовольствие. Вот только одного я не учла: убегая от старых проблем, рискуешь столкнуться с новыми. И теперь мне предстоит выяснить, почему меня мучают кошмары, что скрывает случайный попугайчик, какие тайны хранит древний замок, отчего незнакомый темный маг кажется близким и родным... и, самое главное, к чему же все-таки снятся драконы.

ru

Кауа

FictionBook Editor Release 2.6.7
19 August 2019
C4BEFDB9-E437-4BA3-89A8-9DEA10C38F6B
1.01

1.0 — создание файла (Кауа)

Елена Тебнёва «Светлячок»
Альфа-книга
Москва
2019
978-5-9922-2930-1

ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5 Т11 Художник А. Клепаков Светлячок: Роман, — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2019. — 282 с.: ил. — (Романтическая фантастика). Заведующий редакцией В. Н. Маршавин Ответственный редактор Т. А. Стельмах Художественный редактор Л. В. Меркулова Технический редактор А. А. Ершова Корректор Я. А. Карелина Компьютерная верстка Л. С. Федерякиной Подписано в печать 24.06.19. Формат 84x108/32. Гарнитура «Петербург». Печать офсетная. Бумага газетная. Усл. печ. л. 15,12. Тираж 3000 экз. Изд. № 8556. Заказ № 6353.

Елена Тебнёва
СВЕТЛЯЧОК

ПРОЛОГ

Поиграй... поиграй со мной...

Легкий и сухой, как осенний лист, шепот летел вперед, отражался эхом от деревьев и возвращался, чтобы дразняще коснуться растрепанных волос Эвана и, насытившись его отчаянием и бессильной злостью, вновь ускользнуть невесомым ветром.

Поиграй... поиграй со мной...

И Эван играл. Раз за разом, стиснув зубы и уповая на удачу. Играл — и неизменно проигрывал. Вот и сейчас он чувствовал, что безнадежно опаздывает. Драгоценные мгновения растворялись в сбившемся дыхании, осыпались пыльным крошевом под торопливыми, но бесшумными шагами. Хотя даже топай он, словно танцующий чечетку дракон, вряд ли бы кто это расслышал. На старом кладбище было весьма оживленно. Заливались опьяненные ароматами цветущих яблонь и черемухи соловьи, мерно рокотали облюбовавшие заросший ряской пруд лягушки, потрескивали в сочной траве невидимые насекомые, из-под невысоких могильных холмиков, заботливо окруженных защитными символами, доносились робкие постукивания. Обычная весенняя ночь на не очень спокойном, но неопасном кладбище.

Пока что неопасном.

Шепот исчез. Вместе с ним замер и Эван. Остановился, точно на стену наткнувшись, и едва удержался на ногах. Неподалеку, под прикрытием разлапистого дуба, зияла разрытая могила, а вокруг кипела ночная жизнь... и не жизнь.

Брезгливо стряхнув с сапога шустро перебирающую высохшими костлявыми пальцами руку, вольготно гуляющую отдельно от остального тела, Эван замер, разглядывая зловеще мерцающий провал, откуда раздавалось шипение, почти теряющееся в сладких соловьиных трелях.

По ноге деликатно постучали и сильно дернули за штанину. Поморщившись, он одним пассажом упокоил чью-то слишком активную и настырную конечность, шагнул было к могиле... но не успел.

Ухнула сова, резко, отрывисто, и на кладбище словно полог набросили — огромный, глушащий все звуки, стирающий четкие очертания и запахи, клонящийся к земле, уничтожающий само время.

Миг. Второй. Растянувшаяся между ними вечность... И невидимая рука сдернула полог, возвращая все на круги своя.

Эван тяжело рухнул на колени, борясь с подступающей дурнотой и головокружением, из-за чего пропустил момент, когда из ямы, пытая и отдуваясь, неловко выбралась тонкая фигурка. Золотистый светляк, вылетевший из ее дрогнувшей ладони, на миг осветил бледное девичье лицо с испуганно расширенными глазами и погас. От неожиданности девушка запнулась о брошенную наземь лопату, выругалась и, подхватив оную, направилась прочь, то и дело вздрагивая от скрежета мощных когтей по ту сторону зачарованных могил, резких криков птиц и подозрительных шорохов, на кои старое кладбище лишенной луны и звезд ночью оказалось удивительно щедро.

Эван даже дернуться в ее сторону не сумел, хотя и очень старался, и лишь когда легкие шаги давным-давно стихли, медленно поднялся с колен. Он снова опоздал. Его снова провели, обыграли. Как сопливого мальчишку! С другой же стороны... Он впервые за все это безумное время увидел ее так близко. Прикрыв глаза, Эван припомнил невысокий рост, ясные голубые глаза, светлые, с золотым отливом волосы. Неполноценный портрет, конечно, но все же, все же...

Глубоко вздохнув, Эван подошел к разрытой могиле, широкой, будто двухместной, прыгнул на дно. Щелчком пальцев вызвав светляка, осмотрелся... И тяжело соглотнул, увидев-таки у противоположной стены то, чего ждал и чего опасался. Он замороженно разглядывал свою

страшную находку, подсвеченную золотистым светом, пульсирующую отголосками чар, и так тяжело было сдержаться, чтобы не протянуть руку и не коснуться ее... Он тряхнул головой, избавляясь от наваждения, поставил вокруг могилы охранный контур, призванный защитить это место от любопытных. Хотел было уже выбираться, но замешкался, резко наклонился, подхватил что-то с земли и, повертев это в пальцах, спрятал в карман. К разрозненным чертам облика неуловимой игруньи прибавилось кое-что посуущественнее. Еще не победа, но уже и не чистый проигрыш. Вновь ухнула сова, а в следующий миг ни в яме, ни рядом с ней никого уже не было. Только по-прежнему звонко пели соловьи да скреблись в тщетной попытке выбраться наружу мертвецы, растревоженные новолунием и свершившимся запретным колдовством.

ГЛАВА 1

Светлой ведьме на ночном кладбище не место! Там грязно, мрачно, страшно и противно. И даже не знаю, что из вышеперечисленного хуже! Хотя нет. Знаю. Остановившись, я недобро покосилась на лопату, глухо звякнувшую об очередной камень. Бросить бы ее прямо здесь, да жалко. Хорошая лопата, крепкая. Тяжелая только зараза... Вздохнув, я продолжила путь, волоча ее за собой. Сказать кому — точно засмеют. Шастаю по ночам, словно какая-нибудь темная и притом окончательно спятившая ведьма, в могилы падаю... Лопаты краду! Но с ней я чувствовала себя увереннее, какое-никакое, а оружие. Сумею ли его применить — уже другой вопрос, узнавать ответ на который не хотелось. А Дейдра наверняка спит и десятый сон видит. Или сидит на кровати в обнимку с кружкой горячего шоколада и интересной книгой. И оба варианта бесили совершенно одинаково.

Улицы были пусты, слава Светлой паре. И позориться, проходя через ворота, не пришлось: я знала не одну лазейку в городских стенах. Пагубное влияние сестрички налицо, но в данном случае я и не думала жаловаться. Как и на знание коротких путей к дому. И больше, чем подозрительных личностей, у коих в данный момент вполне могла сойти за свою, я боялась столкнуться с патрулем. Но патрульные то ли обходили другие улицы, то ли предавались неурочному сну. В общем, повезло мне. Невероятно повезло!

В нескольких шагах от дома я поняла, что то было не везение, а подготовка к крупной пакости. Означенная пакость привалилась к столбику ограды и клевала длинным носом, пытаясь утопить оный в крепко прижимаемом к худосочной груди букете. Букет был тяжел, пышен, невероятно пахуч и совершенно безвкусен. Свет фонаря вызолотил белобрысую макушку и растрепавшиеся кудри пакости, безжалостно подчеркнул грязную полоску на рукаве нарядного светло-бежевого костюма и след от чьего-то ботинка на правой штанине.

Доран в своем репертуаре. Только вот именно этой ночью я концертов не ждала.

Остановилась в замешательстве, решая, удастся ли проскользнуть мимо задремавшей опасности или же лучше обойти дом и перелезть ограду со стороны сада. Рисковать не хотелось, и я осторожно попятилась... совершенно позабыв о демонической лопате!

На сей раз эта поганка лязгнула так, что удивительно, как всех соседей не перебудила. Шансов, что маньяк с цветами не проснется, не было, и я рванула наутек, вот только ободренный неординарной побудкой кошмар оказался шустрее.

— Кайра! — радостно оскалился он, вырастая на моем пути. — Я уж думал, не дождусь!

— Чего тогда не убрался, раз думал? — неприязненно выдала я, попятившись.

— Надежда, как и любовь, бессмертна! — пылко заявил Доран и почти ткнул своим венником мне в лицо — еле отшатнуться успела. — Цветы для цветка! — добил меж тем мой личный кошмар.

Я скривилась от слишком высокой концентрации пафоса и пошлости, неизвестно как помещающихся в щедедушном с виду парне, но цветы взяла. Просто по печальному опыту знала, что иначе будет хуже. Так мы хотя бы наедине, и никто этого представления не видит. А вот если на кошачьи вопли Дорана, обиженного невниманием к его красивым жестам, сбегутся зрители... К демонам! Одного раза с лихвой хватило. И главное, бить это недоразумение нельзя. Сын градоначальника как-никак. Мне-то все равно, но вот мама настоятельно просила рук не распускать. Вот и сейчас пришлось сцепить зубы и выдавить подобие улыбки. Даже

представлять не хочу, как меня перекосило — и это в дополнение к остальному потрепанному вылазкой на кладбище светлому облику! Хотя Дорану, судя по просиявшему личику, понравилось. Похоже, ему нравилось абсолютно все, что бы я ни делала! И как бы я ни выглядела, увы и ах.

Желание забыть о маминых запретах и внушениях, что сын градоначальника более чем завидная партия, становилось невыносимым. Уроненная лопата так и просилась в руки...

— Чудесная ночь, не правда ли? — не унимался тем временем Доран.

Ночь и в самом деле была чудесна. В мягком свете фонарей сияли усыпанные белоснежными цветами яблони, в воздухе витали нежнейшие ароматы. И делить это чудо с Дораном я не собиралась.

— Именно что ночь, — буркнула я, бочком пятясь к калитке. Всего-то пара шагов — и я спасена. — Спать пора. Сладких снов, Дор.

Но закон подлости сработал и на сей раз. Наверное, сыночка градоправителя черемуховым воздухом передышал — ничем иным объяснить такую прыть и наглость я просто не могла.

— Ты мой сладкий сон! — сцапав меня в неуклюжие объятия, выдохнул Доран и не менее неуклюже, зато крепко прижался к моим губам своими.

Светлая пара! Отвратительнее момента я за все свои двадцать два года не переживала!

Рука с букетом взлетела в тот же миг и опустилась на голову вконец обнаглевшего кошмара. Не лопата, конечно, но тоже сойдет! Судя по сдавленному воплю, собственный букет Доран оценил по достоинству.

Теперь пятился он. Я же наступала, разозленная до крайности и уверенная в том, что на пару крепких ударов по пустой черепушке букета точно хватит.

— Кайра, ты чего?! — проныл сыночка градоправителя, выставив перед собой дрожащие руки.

— Я чего?! — подобно потревоженной гадюке прошипела я. — А ты?! С-с-совсем с-с-стыд потерял?!

Еще и букетом для острастки махнула. Дор дернулся, споткнулся об удачно — для меня, разумеется! — подвернувшуюся лопату и с размаху сел на мостовую.

— Госпожа Райна сказала, что тебе понравится! — возопил окончательно сломленный противник, закрывая взлохмаченную голову руками.

Я остановилась, бессильно скрипнула зубами и со злостью шмякнула букет рядом с Дораном.

Надо было сразу догадаться, что без заботливой матушки не обошлось!

— Жаль, она не сказала, чтобы ты с моста спрыгнул, — пробормотала я. — Это бы мне точно понравилось...

— Что? — не расслышал Доран, все еще сидя на мостовой.

— Домой иди, говорю, — повысила голос я. — И, пожалуйста, забудь сюда дорогу. И маму мою не слушай! Иначе в следующий раз я тебя не букетом приласкаю, а чем-нибудь потяжелее! Красноречивый взгляд, брошенный на лопату, оказался решающим. Побледнев, Дор подхватился с земли и, не оглядываясь, припустил вниз по улице.

Устало глядя вслед потрепанному парню, я осознала, что все-таки побила сына высокого начальства. И не испытала ничего, кроме злорадного удовлетворения и сожаления, что не сделала этого раньше.

В дом я вошла уставшая и злая, аки умученный студентами-практикантами демон. Хотелось принять ванну — восхитительно горячую, с пышной ароматной пеной, — выпить сладкого чаю и уснуть. Хорошо бы на сутки, но это уже из области несбыточных фантазий. Мигом позже остальные мои желания плавно переместились туда же.

Невзирая на поздний час, в гостиной горело множество свечей, расставленных прямо на полу. Посреди комнаты на ржавых, крепящихся к потолку цепях покачивался огромный котел, под ним весело плясало магическое ярко-зеленое пламя, не причиняющее вреда начищенному до блеска паркету. Терпкие ароматы полыни, ромашки, мяты и прочей излишне пахучей травы едва не сбили меня с ног — как и средней упитанности летучая мышь, с противным писком устремившаяся в спасительно распахнутую дверь. И я прекрасно ее понимала, сама чуть было не развернулась с намерением унести отсюда ноги, но было поздно — облаченная в темно-серебристый длинный плащ женщина, до сего мига самозабвенно помешивающая в котле булькающее варево, вскинула голову и заметила меня. Капюшон скользнул со светлых волос, на алых губах расцвела довольно-таки хищная улыбка... которая быстро увяла.

Не знаю, на что рассчитывала госпожа Райна Наррай, вот только, разглядев на пороге хмурую дочь, улыбаться перестала, выронила тут же поглощенный варевом черпак и даже ладонь к груди показательно прижала. Я лишь ухмыльнулась. На папу это еще действовало, и то время от времени, на меня и Дейдру — нет.

— Сердце с левой стороны, ма, — прислонив к стене лопату, с которой забыла расстаться на крыльце, просветила родительницу я. — Хотя в твоём случае сомневаюсь, что оно вообще есть. — Да как ты можешь!.. — всплеснув руками и едва не опрокинув котел, оскорбилась женщина, внешне более походившая на мою сестру, нежели на мать.

О ее поведении я предпочитала даже не думать, ибо родителей не выбирают... Детей, впрочем, тоже. Так что, можно сказать, здесь мы были квиты.

— А что насчет тебя? — меланхолично поинтересовалась я, избавляясь от грязных ботинок и куртки. В загадочном мерцании свечей казалось, что то и не грязь вовсе, а самая что ни на есть настоящая кровь. Брр. — Или натравливать на родную дочь неадекватного ухажера — это святой материнский долг?

— Что с Дораном? — уловив зловещие нотки в моем голосе, переполошилась матушка. Она даже о зелье позабыла, и оно булькало все громче и громче, требуя внимания нерадивой ведьмы.

Надеюсь, не взорвется. Хотя...

— Жив, — полюбовавшись на особо крупный пузырь, надувшийся и с противным хлопом лопнувший в котле, хмыкнула я и веско добавила: — Пока. Клянусь, если он опять полезет с поцелуями, я за себя не отвечаю!

— Несчастный мальчик влюблен в тебя, — расслабилась матушка, выяснив, что на сей раз все обошлось. Ну или почти обошлось. Легкий пасс левой рукой — и зелье успокоилось, заставив меня разочарованно вздохнуть. — Я всего лишь посоветовала ему быть настойчивее.

— Да куда уж настойчивее, мама?! — простонала я. — Он меня уже достал! Как и предыдущий твой кандидат! И тот, что был до предыдущего! И все те, что не давали прохода с того момента, как мне исполнилось пятнадцать! Ну когда же ты наконец успокоишься?!

— Когда пойму, что будущее моей дочери определено и о ней будет кому позаботиться! — отрезала матушка и, выловив черпак, излишне энергично пошуровала оным в котле.

— Я сама о себе забочусь, — поморщилась я. — А еще — о тебе, отце и Дейдре! Тебе этого недостаточно?

— О твоём же счастье пекусь! — топнула обутой в изящную туфельку ногой госпожа Райна. На пол полетели ядовито-зеленые брызги, застывшие светящейся россыпью.

— Тогда прекрати подсылать подозрительных личностей, — попросила я, не особо рассчитывая на успех.

— Они не подозрительные! Обеспеченные молодые люди, наделенные сильным магическим даром, — да о такой партии мечтает любая здравомыслящая девушка!

— Темным даром, исключительно темным, — фыркнула я. — Думаешь, я не заметила? И я — не любая!

— Да, я погорячилась, назвав тебя здравомыслящей, — поджала она губы. — Светлая на всю голову, как и твой несносный папаша!

— И горжусь этим! — задрала я нос, за что едва не поплатилась — все же в пылу выяснения отношений, одновременно борясь с одолевающим сном, чревато подниматься по лестнице. Спинай вперед, чтобы не выпустить из поля зрения противника в лице разозленной темной ведьмы, у которой из-за одного досадного недоразумения родилась дочь с сильным светлым даром.

Под недоразумением матушка подразумевала моего отца. История у них была сложная и запутанная, и я до сих пор так и не поняла, как у них вообще смогла на свет появиться сначала я, а потом и моя сестра. Все-таки такие отношения чаще всего заканчиваются не пополнением семейства, а холодным трупом заклятого врага... а то и двумя при удачном исходе. Но мы были семьей. Странной, непонятной, но все же. Я вот даже до своих лет умудрилась дожить и даже не свихнулась. Почти. Хотя меня и угораздило родиться с двумя активными дарами — темным и светлым. В одном человеке они, как правило, не уживались, а потому пришлось выбирать, какой оставить, а какой заблокировать. Естественно, матушка не собиралась дожидаться моего взросления и осознанного решения. Отец был против, они даже крупно поссорились и разбежались, продолжая делить меня. Мама все же победила, и по ее велению мне попытались

перекрыть светлый дар. Пару десятков раз пытались, да. А потом он взбунтовался и выжег оказавшийся более слабым темный.

Ох, как же матушка разъярилась! И, конечно же, обвинила во всем папу. Вот только снова разбежаться не вышло — к тому моменту она ждала второго ребенка. Пришлось маме свыкнуться с тем, что ее дочь наделена столь ненавистной ей светлой силой. Немалым утешением послужило то, что Дейдра родилась темной. Мамина отрада и надежда. В противовес мне, живому напоминанию о ее проигрыше. И пусть проиграла госпожа Райна самой природе, с которой тягаться мало кому под силу, полностью с этим она так и не смирилась. И от мысли, что сможет меня если не исправить, то хотя бы направить на путь истинный, не отказалась.

Светлые, темные... Всего лишь оттенок силы, указывающий, из какого источника мы черпаем магию! Это раньше считалось, что светлые находятся под покровительством Светлой пары богов, а темные — Темной. Когда Темные боги канули в небытие, их подопечные не исчезли, а источники не пересохли. Так что светлые — это не воплощение добра, а темные — не зло во плоти, но в последнее время мне все сложнее в это верить. Мама постаралась на славу, чего уж там.

Мы с Дейдрой с детства были окружены темными личностями. В самом что ни на есть прямом смысле. Мамочка вознамерилась приложить все усилия, чтобы ее дочери не повторили ошибку и не притащили в семью очередного светлого. Дейдру эта забота вполне устраивала, зато я отбрыкивалась от оной, как могла. Но помогало мало. Матушка таскала меня в свою ведьмовскую школу, читала сказки, где главными героями были темные, угрожала... прошу прощения, обещала, что и мой муж будет достойнейшим темным магом или ведьмаком. В общем, сделала все возможное, чтобы у одной светлой ведьмы развилась сильнейшая аллергия на темных. А когда я подросла и ко мне косяком повалили женихи, как на подбор наделенные темным даром... Тут уже не выдержал папа. Не знаю, что именно он сказал маме — из-за плотно закрытых дверей слышались лишь неразборчивые крики и грохот, и, как ни старались, мы с Дейдрой ничего не поняли, — но на какое-то время поток ухажеров иссяк, что позволило благополучно отучиться и даже найти работу. И вот мама вновь принялась за старое!

Едва не свалившись с лестницы под запоздалый мамин возглас: «А где ты, собственно, была и почему так выглядишь?!» — я ретировалась в свою комнату, по пути увернувшись еще от парочки летучих мышей, и, заперев дверь, сползла по ней на пол.

Уф! Иногда я завидовала отцу, целыми днями и ночами пропадающему в своей артефактной мастерской. Жаль, что и я так не могу. Хотя... почему бы и нет?

Странная, но вполне здравая мысль, отчего-то пришедшая в голову лишь сейчас, приободрила и дала сил подняться на ноги и, сбросив одежду, протопать в ванную комнату. Там же, расплетая косу, я обнаружила пропажу заколки — и расстроилась. Наверняка ведь обронила ее на кладбище. Красивая штучка и полезная, росту и здоровью волос способствующая, папин подарок, который я очень ценила. Да за эту вылазку Дейдра со мной не расплатится!

На столь желанную ванну с пеной меня уже не хватило. Быстро приняв душ, я завернулась в мягкий халат, вытащила из кармана брюк туго стянутый у горловины мешочек, приоткрыла дверь и, воровато оглядевшись, выскользнула в коридор. Помялась у комнаты сестры, прислушиваясь к сонной тишине, поняла, что эдак рискую дожидаться матушку, и все же вошла. Погруженная во тьму безлунной ночи комната встретила неприветливо. Ни шороха простыней, ни сладкого посапывания... Ни-че-го! Я хлопком включила свет и скрипнула зубами. Ну, хоть бы куклу какую под одеяло засунула, нахалка малолетняя! И окно бы прикрыла, а то только плаката «Добро пожаловать, воры дорогие!» над ним и не хватает.

Пнув валявшуюся на полу забавную подушку в виде ромашки, я пробралась сквозь привычный бардак и опустилась на кровать. Вот ведь поганка! Не ложилась даже. Наверняка сбежала из дома сразу же после того, как за мной дверь закрылась.

Я вздохнула и растянулась на запровленной постели. Из моей сестрички получилась бы великолепная актриса. А может, это я слишком уж ей доверяю, настолько, что и мысли не возникло, что несчастная больная девочка, шмыгающая красным носом и трогательно хлопающая длинными ресницами, на самом деле вовсе не больна, а талантливо притворяется. И в результате ее глупая старшая сестрица потащила в ночь новолуния на старое кладбище, рискуя свернуть в темноте шею, нарваться на грабителей или нежить... или

же на вооруженного букетом поклонника. Всегда подозревала, что причитающаяся ей доля совести досталась мне, тогда как она получила мое везение.

В открытое окно задувал свежий ветер, и в какой-то момент стало зябко. Я встала, потянулась к створкам — да так и замерла, напряженно вглядываясь в окутавший улицу ночной мрак, ощущая на себе чей-то пристальный и весьма недобрый взгляд. Естественно, никого я заметить не могла, но при этом осознавала, что меня на фоне освещенного окна видно прекрасно, вот только охвативший страх был настолько силен, что даже моргнуть не получалось.

Где-то громко хлопнула калитка, залилась коротким лаем собака, и я отшатнулась, умудрившись одновременно погасить свет и захлопнуть створки. Сползла по стене, пытаюсь успокоить словно взбесившееся сердце. Да что это со мной такое? Неужели прогулка по кладбищу так на нервах сказалась? Ну да, там было страшно, но... Не до такой же степени! Я перевела дух, но с пола так и не поднялась. На толстом ворсистом ковре было тепло и мягко, а подвергать себя новым испытаниям я желанием не пылала. Мало ли что еще примерещится, вдруг после этого и вовсе под кровать забьюсь? То-то Дейдра потешится, когда соизволит домой вернуться. Нет уж. Тешиться буду я! Имею полное право отвести душу за пережитый ужас и за его последствия!

Подтянув колени к груди, прикрыла глаза. Вновь стало неудобно, но я себя пересилила. Нельзя потакать страхам, иначе придется служить им всю жизнь. То, что произошло на кладбище... Возможно, просто почудилось. Все же не стоило туда соваться, ох, не стоило! Как стереть из памяти внезапно накатившую волну вымораживающего ужаса? И чувство полета в разрытую, но пустую — хвала богам! — могилу, во время которого показалось, что я падаю в бездну? Что там, в ее глубинах, поджидает вечно голодная тьма, которой моя светлая сила будет всего на один укус, что я растворюсь в ней, стану бесплотным призраком, обреченным на скитания на грани небытия? Это длилось всего ничего, как я поняла потом, но сначала... О, сначала это показалось вечностью. Слишком высокая цена за мешочек трав. А я слишком наивна для старшей сестры темной ведьмы, которая в свои шестнадцать совершенно распустилась. Пора умнеть и избавляться от излишней жалостливости, решила я, прежде чем меня все-таки сморил сон.

ГЛАВА 2

Неприятности всегда наваливаются разом, сбивают обласканного их вниманием «везунчика» с ног и придавливают немалым своим весом. Одно тянет за собой другое, и ты не успеваешь оглянуться, как перед твоим носом с треском захлопываются двери травяной лавки, в которую ты, между прочим, вложила немало сил и времени.

День клонился к вечеру. Над скамейкой в темнеющем парке тоскливо пищали комары, но проверять, какова на вкус кровушка обозленной на весь белый свет ведьмы, не спешили. Ведьма же, столь неожиданно оставшаяся без работы, попросту не знала, что делать дальше. Еще утром не было никаких сомнений в незыблемости моего маленького и уютного мира, который я любовно выстраивала с первого курса ведьмовской высшей школы. Место в лучшей в Террее лавке целебных трав я заслужила по праву, совершенствуя навыки, экспериментируя с зельями и прочими снадобьями, которые пользовались у горожан невероятным спросом. И вот уже к обеду, после того как к хозяйке наведался круглый, словно шарик сдобного теста, и подозрительно знакомый лысый человечек, затянутый в строгий костюм, я лишилась всего. Хозяйка отводила глаза и что-то неразборчиво мямлила о финансовых трудностях и необходимости сокращения числа работников, и это было жалко и омерзительно настолько, что я даже до конца слушать не стала. Прихватила свои многочисленные вещи, колбочки с экспериментальными зельями и мешочки с редкими травами, которые сама собирала, стремясь улучшить ассортимент снадобий, и ушла. А за порогом некогда бывшей мне чуть ли не родным домом лавки вспомнила, где видела лысого колобка: им был не кто иной, как один из личных помощников господина градоправителя.

Доран, к моему брезгливому удивлению, оказался тем еще слюнтяем. Ну, кто бы мог подумать, что, получив букетом — заслуженно, между прочим, — он побежит жаловаться папеньке? И что папенька, вместо того чтобы научить сына самостоятельно справляться с возникшими

проблемами в личной жизни, подло отомстит за поправное чувство собственного достоинства единственного отпрыска?

И вот этого человека мама прочила мне в женихи. Да от одной мысли, что у меня могло быть что-то общее с ним и его мерзкой семейкой, тошнота к горлу подкатывала!

Всхлипнув и зло вытерев рукавом темно-зеленого форменного платья глаза, я резко встала, распугав спевшихся комаров, и побрела к выходу из парка. Ничего. Сейчас я доберусь до дома, выпью огромную кружку горячего шоколада... и все расскажу маме. Не я первая начала эти детские игры. Папа-градоправитель — это, конечно, сильно, но... темной ведьме он не соперник.

Я застыла, смакуя недостойную, но весьма соблазнительную мысль, и с тяжким вздохом признала, что это не вариант. И не только потому, что некрасиво, просто мама никогда в восторге от моей работы не была и вполне может обрадоваться такому повороту, а то и вообще потребовать, чтобы я Дорану извинения принесла. Нет уж, спасибо, обойдусь как-нибудь. Правда, как именно, я не знала. Ни единой идеи в голове так и не появилось, и к дому я добрела уставшая, злая на себя, на весь мир в целом и на выскочившую за калитку голубоглазую брюнетку в коротком синем платье в частности. Все-таки природа знатно подшутила: я была почти полной копией матушки, в то время как унаследовавшая темный дар Дейдра походила на отца. Жаль только, не характером.

— Где тебя носило?! — возопила сестричка, дернув себя за пышные косы. Значит, и правда переволновалась, в спокойном состоянии она себе такого не позволяет.

— Где носило, там уже нет, — буркнула я, повторив ответ Дей на мой вопрос, заданный сегодняшним излишне ранним утром, когда она все-таки соизволила явиться в свою комнату. Что примечательно, через окно.

— Не будь злокой, Кая, тебе не идет, — поморщилась Дейдра и затараторила, как обычно, не давая ни единой возможности вставить хотя бы слово: — Вот ты обижаешься, а у меня и в самом деле любовь! Он — светлый! А ты знаешь, что мама ни за что не позволит встречаться со светлым магом! А он такой, тако-о-ой! Ой! И нечего пихаться! У меня хотя бы оправдание есть, а у тебя?! Ты должна была вернуться еще час назад! Ты знаешь, что на кладбище труп нашли?! Страшный-престрашный! Говорят, там ритуал был, запрещенный и жутко сильный, до сих пор магический фон нестабилен, и чуть ли не все кладбище поднялось! Папа не пустил, а я так посмотреть хотела... А мама искать тебя рвется, извелась вся, да и гость заскучал, ему ведь тебя обещали, а ты-ы-ы...

— Стоп! — рявкнула я, чувствуя, что начинаю тонуть в бурном словесном потоке, и встряхнула сестрицу за плечи. Голова от ее трескотни уже кругом пошла, еще немного — и вовсе отвалится. — Кому еще меня обещали?!

— А, да не запомнила я, как его зовут, поняла только, что он маг, и довольно сильный... Темный, привлекательный и неженатый, — состроила хитрую мордашку Дейдра. — Он вроде бы по какому-то делу пришел, но мама его как увидела, как оценила... Он остался на ужин. А ты опоздала. И мама, как бы помягче выразиться, в ярости.

Я скрипнула зубами. Да что же это такое, опять матушка все мои слова мимо ушей пропустила!

Мало неприятностей из-за Дорана, так она новую проблему на мою голову навязать хочет!

Подумать только, ее даже совершенно незнакомый маг в качестве зятя устраивает! Был бы у него темный дар, а мелочи вроде морального облика и отсутствие либо наличие за душой злодеяний для госпожи Райны не важны.

Закралась трусливая мыслишка развернуться и сбежать, пока мама не заметила прибытия «главного блюда», а тут еще и Дейдра, азартно сверкая глазами, зашептала:

— Давай через сад, а там в мое окно. Пересидишь у меня, я не выдам!

Искушение было велико, но совершенно не вовремя вспомнилось, что мне в отличие от Дей уже не шестнадцать, что я взрослая и самостоятельная и что сбежать от проблем глупо, все равно рано или поздно догонят. Пришлось глубоко вздохнуть, настраиваясь на боевой лад, и, отстранив растерявшуюся сестру, зашагать к дому.

Ужин матушка вопреки обыкновению накрыла в гостиной. Котла здесь, разумеется, уже не было, как и летучих мышей, и резкого, дурманящего аромата трав, и прочих прелестей темноведьминских ритуалов. Все чинно и благопристойно до такой степени, что даже мне тошно стало. За изящно сервированным столом сидели мама и незнакомый молодой мужчина в строгом сером костюме, смуглый и темноволосый. Отец то ли еще с работы не вернулся, то ли

уже успел сбежать. В ярко-изумрудном, под цвет глаз, платье, с тщательно уложенными светлыми локонами госпожа Райна была чудо как хороша. Еще бы выражение лица поласковее сделала, а то с таким только злостных должников встречать, а не родную дочь. Мужчина при моем появлении неспешно поднялся и слегка поклонился, как и полагается в приличном обществе. Только вот вряд ли наше семейство к этому самому обществу относилось. Я с опаской взглянула на маму, но, невзирая на беснующиеся в глазах молнии, обрушивать на мою голову грозу родительского гнева она не собиралась. Не сейчас по крайней мере.

— А вот и моя любимая дочь! — радостно возвестила мама, одним лишь движением брови пообещав все муки бездны, если я хотя бы попытаюсь сделать что-то не так. — Кайра, счастье мое, что тебя так задержало? Впрочем, не важно, — опомнившись, не дала она мне и рта раскрыть. Весьма благоразумно, кстати. — Главное, ты все-таки здесь. Позволь представить тебе... э-э-э...

Браво, матушка. Даже не запомнила имени потенциального зятя, а все туда же!

— Атон Клайдан, — еще раз поклонился незванный гость.

Я бросила на него настороженный взгляд и с трудом подавила тоскливый вздох. Хорош. Еще как хорош! Уверенный в себе, высокий, широкоплечий, черты лица правильные, мужественные, глаза ярко-синие, волосы черные, густые, собранные в короткий хвост. Сила чувствуется темная, да, но отчего-то она совершенно не отталкивала, наоборот, скрывалось в ней что-то невероятно притягательное. И почему мы не при других обстоятельствах встретились? Как бы я хотела, чтобы на мне было красивое платье, волосы не напоминали воронье гнездо, а лицо не хранило следы недавних слез. И самое главное — оказаться в этот момент как можно дальше от матушки.

А еще — самое-самое несбыточное — чтобы он не был темным.

— Рад познакомиться, госпожа, — между тем улыбнулся объект печальных размышлений, да так, что и мои губы помимо воли дрогнули в ответной улыбке.

Еле удержать успела.

— Взаимно, — смущенно пробормотала я, под умиленным матушкиным взором протягивая руку.

К счастью, гость ограничился осторожным пожатием моих дрожащих пальцев. Но и этого с лихвой хватило! К плечу словно огненная волна прокатилась, сердце сжалось, а в глазах потемнело. Казалось, еще миг — и я не просто сознания лишусь, но и вовсе душа тело покинет. Слава Светлой паре, моя ладонь в ладони Атона Клайдана не задержалась, а мое странное состояние и вовсе никто не заметил. Оно было столь мимолетным, что я и сама уже не могла бы с полной уверенностью сказать, а не показалось ли мне.

— Проходи к столу, — с нажимом сказала мама. — Ты, должно быть, голодна.

— Прошу простить, но у меня был очень тяжелый день, — вежливо улыбнулась я, отступая к лестнице и под внимательным взглядом синих глаз чувствуя себя на редкость неуклюжей. Странно даже, что до сих пор нога об ногу не запнулась. — Боюсь, ни к еде, ни к беседе я не расположена.

— Ничего страшного, — ободряюще кивнул господин Клайдан. — Мне пора уходить, я и так воспользовался гостеприимством госпожи Наррай сверх положенного.

В его голосе я уловила нестерпимое желание сбежать от моей матушки. Не знаю, зачем именно он приходил, но спорить готова: уже раз сто за вечер пожалел, что не обошел наш дом стороной.

Не дожидаясь реакции мамы, я неловко попрощалась и едва ли не вприпрыжку, до последнего ощущая на себе взгляд странного гостя, удрала вверх. Закрyla дверь, прислонилась к ней спиной... и чуть не спалила собственную кровать, лишь в последний момент впитав едва не слетевшие с ладоней золотистые искры.

— Полегче с чарами, ты же не хочешь остаться единственным ребенком в семье? — недовольно фыркнула Дейдра, с ногами устроившаяся на моей постели. Рядом стояло большое блюдо с печеньем, крошки от которого наверняка придется выгребать с простыни добрых полночи.

— Заманчиво, — буркнула я, стряхивая с пальцев оставшиеся искры. — Ты как сюда попала? Точно помню, что Дейдра в дом не входила.

— Двери для скучных слабаков, — изрекла сестрица и цапнула печеньку, а я задумалась, где же так накосячила с воспитанием этой девицы. И только ли я. Матушка всегда была против ремня как последнего аргумента, а зря.

— Я заметила, что ты у нас очень сильная и веселая личность, — нахмурилась я. — Скоро совсем разучишься дверями пользоваться. Заодно и моего доверия лишишься.

— Ты обиделась, да? — сжевав еще одну печеньку, хлопнула пушистыми ресницами Дейдра. — Честное слово, я думала, что вернусь раньше и ты ничего не узнаешь.

— То есть ты сожалеешь не о своем возмутительном поведении, а о том, что я все узнала?! — вскипела я.

Сестру мое возмущение ничуть не смутило. Кажется, еще и позабавило. Она притянула блюдо ближе и, захватив целую горсть печенек, расплылась в блаженной улыбке:

— Видела бы ты себя! Щеки красные, глаза блестят... Бери этого, Кая, не беда, что темный, — перевоспитаем. Тобой!

И прежде, чем я в полной мере осознала услышанное, под кровать нырнула, пакость мелкая! Сил выуживать сестру не было, я опустила на пол, скрестила ноги и закрыла глаза. Вдох. Выдох. Спокойнее, Кайра, спокойнее. Если на каждую выходку Дей реагировать — никакого здоровья не хватит.

— Ну, он же тебе понравился, — вместе с веселым хрустом донеслось из-под кровати. — Признай, что понравился!

— И что это меняет? — мрачно спросила я, поняв, что не реагировать не выйдет, отвертеться от вопроса — тоже.

То есть можно просто встать и уйти, но, во-первых, это моя комната, во-вторых, в коридоре есть риск наткнуться на маму, а в-третьих... Да, нужно признаться хотя бы себе: Атон Клайдан произвел впечатление. Правда, не уверена, что приятное. Сердце до сих пор сжимается, а по спине мурашки ледяные шмыгают. Если у меня изначально и возникло что-то вроде симпатии, ее основательно придавило непонятным страхом и ощущением, что от этого человека стоит держаться подальше.

— Многое! — воодушевилась не ведающая о моих сомнениях Дейдра. Она даже высунула из-под кровати любопытный нос, уже не опасаясь по нему получить, и заявила: — Если ты его хочешь — он будет нашим!

— Если ты его хочешь, то вспомни, сколько тебе лет, и забудь о своих гениальных планах, пока о них не узнала мама, — хмыкнула я.

Это я была проблемой, с которой необходимо как можно быстрее разобраться, пристроив в надежные руки. С Дейдрой все обстояло иначе. Мама конечно же подберет ей подходящего жениха — по крайней мере постарается, ибо, зная сестричку, более чем уверена, что убедить ее в правильности родительского выбора будет практически нереально, — но позже: Дей предстояло поступление в высшую школу, и мальчики вкупе с прочими развлечениями попали под запрет. Который хитрая девчонка все же умудрилась нарушить. Но с учебой у сестрички до сих пор ладилось, и если она и дальше сумеет соблюдать баланс между личной жизнью и совершенствованием ведьмовских навыков, то все обойдется. Наверное. Лишь бы не разболталась окончательно за летние каникулы, ну да мама не позволит. Но одно дело — сверстники, и другое — взрослый маг, незнакомый и пугающий. Нет уж, такого счастья не нужно ни Дейдре, ни мне.

— Сдался он мне! Для тебя же стараюсь, — надулась сестричка и, окончательно покинув свое убежище, присела рядом со мной.

— Для меня уже мама старается, не нужно усугублять, — поморщилась я. — Расскажи лучше, что на кладбище случилось.

С этого и следовало бы начать. Столько всего навалилось, что о главном едва не забыла. Против смены темы Дейдра не возражала — новостями она делиться любила не меньше, чем лезть в мои дела. Оказалось, что сегодня утром на том самом кладбище, по которому я бродила в поисках трав и с которого прихватила лопату, нашли сына мастера-ювелира Райнека. В разрытой могиле, полностью обнаженным и с вырезанным сердцем. Вокруг искрило так, что пришлось вызывать проклятийников — кто-то провел ритуал из запрещенных, не озаботившись тем, чтобы скрыть следы и снизить риск негативного воздействия остаточной магии. Магии не просто темной — черной, кровавой, с такой мало кто совладать может. Зато вокруг могилы этот кто-то поставил защитный контур, и до появления магов ни один зевака не пострадал. Странно очень. И жутко.

Я вспомнила охвативший меня ночью ужас и, содрогнувшись, передумала злиться на сестричку за обман. То, что я пошла вместо нее, к лучшему. Не уверена, что легкомысленной и не в меру

любопытной Дей повезло бы обойтись без приключений. Там, где я предпочитала отступить, она лезла напролом, не задумываясь о последствиях, и вполне могла столкнуться с ненормальным магом, приносящим людей в жертву.

— Я так поняла, что твой красавчик... ладно-ладно, не сопи, не твой... как раз из-за этого и приходил. Ему вроде бы требуется помощь ведьмы. Темной ведьмы.

Неудивительно тогда, что он к нам пришел. Мама — одна из сильнейших, причем может похвастаться не только богатым опытом, но и обширными теоретическими знаниями, так что в темных ритуалах, даже запрещенных, разбирается.

— Без сопровождения из дома ни ногой, особенно ночью, — строго посмотрела на Дейдру я. Делиться пережитым ночью я передумала окончательно — нечего подбрасывать дров в костер неутомного любопытства, и без того ярко пылает.

— Мама то же самое сказала, и папа, — кисло поморщилась сестра. — Но это же глупо! Сейчас столько суеты и беготни вокруг кладбища, что никакой маньяк в здравом уме туда не сунется.

— А не в здравом? — прищурилась я, но у Дейдры всегда и на все был готов ответ.

— А не в здравом — сунется, и его тут же поймают. Так что ничего мне не... — Она поймала мой ласковый взгляд и запыхтела сердитым ежиком: — Да не пойду я никуда, не пойду!

— И на свидания свои — тоже, — потребовала я, заранее настраиваясь на долгий бой.

— Хорошо, — на удивление легко согласилась Дейдра. Неужто в ней глас разума просыпается? Но проявить излишнюю подозрительность я не успела.

— Ты слишком грустная, — шмыгнула носом Дей и, что-то прошептав, схватила меня за руку.

Мир померк и перевернулся. Дважды. Показалось даже, что лечу в бездну, но, в отчаянии схватившись за тонкое запястье сестры, я обнаружила, что по-прежнему сижу на полу собственной комнаты, жадно глотаю ртом воздух... и вообще ничего не понимаю!

— Ты что творишь?! — прошептала я, возмущенно уставившись на ничуть не испуганную девчонку.

— Ничего, — пожалала плечами та. — Это всего лишь безобидный заговор на удачу и любовь. Его еще «счастливым случаем» зовут.

— Темный заговор! — не впечатлилась благими намерениями сестры я.

— Ну и что? Он и для светлых годится, не переживай, — отмахнулась Дейдра и жадно спросила: — Чувствуешь изменения?

Я определенно чувствовала. Дыхание восстановилось, и сердце бешеным зайцем по ребрам скакать прекратило. Действительно, счастье как оно есть.

— Не расстраивайся, все еще будет, — по-своему истолковав мое скептическое хмыканье, пригрозила Дей.

От ее жизнерадостного тона стало страшно — от темных, как ни крути, я давно уже ничего хорошего не ждала, даже если эти темные мои собственные мать и сестра и желают мне только добра. Осознали бы еще, что под добром мы понимаем совершенно разные вещи.

— Сейчас у меня будет сон, крепкий и без сновидений, — пробормотала я, с трудом вставая на ноги. — У тебя — что угодно, но в пределах этих стен. Спокойной ночи, мелочь.

— Пфф! — фыркнула сестрица, легко поднимаясь с пола. Прихватила с кровати блюдце с жалкой горсткой печенья и скользнула к порогу, обиженно обронив: — Вот увидишь, ты мне еще спасибо скажешь!

— Если жива останусь, — проворчала я и захлопнула за ней дверь.

А теперь — ванна. С пеной, да. И пусть сил уже почти нет, необходимо смыть с кожи липкую сеть неприятностей, не видимую глазом, но ощущаемую всей душой.

После получаса, проведенного в ароматной пенной воде, действительно полегчало. Проблемы, само собой, не исчезли, но хотя бы на время стали несущественными. Над ними можно и завтра подумать, а сейчас — просто насладиться мелкими радостями и осознанием, что я жива. Не свернула шею, падая в могилу, не столкнулась с убийцей, вырезавшим сердце ни в чем не повинного парня. По сравнению с этим даже потеря работы не казалась такой ужасной, как пару часов назад. В конце концов, новую найду. И даже мамино навязчивое желание выдать меня замуж не раздражало так сильно, как обычно.

Из ванной комнаты я вышла уставшая, но умиротворенная, кутаясь в огромный мягкий халат. Разобранная постель в таинственном полумраке спальни манила, обещая желанный отдых, и я шагнула было в ее объятия, когда за окном послышался подозрительный шорох. Я замерла, даже дышать перестала. Кому в этом городе настолько жить надоело?!

Оконные створки томительно медленно распахнулись, разрезав тишину противным скрипом, и на подоконнике, подсвеченном слабым светом уличного фонаря, застыла темная сгорбленная фигура.

ГЛАВА 3

Тело торжественно возлежало на диване в ярко освещенной гостиной. Вокруг него, причитая и кидая на меня убийственные взгляды, суетилась мама. Рядом пародией на похоронный венок валялся истрепанный букет алых роз. Тело прижимало ко лбу пропитанный целебными зельями компресс, страдальчески кривилось и жалобно постанывало, но отдавать богам душу не собиралось.

Зря, как по мне. Некоторых жизнь совершенно ничему не учит.

На нижних ступеньках лестницы сидела облаченная в черную, расшитую серебряными котами сорочку Дейдра. Она увлеченно грызла огромную шоколадку и с интересом поглядывала на очередную порцию зелья, которое мама пыталась влить в невинно, по ее мнению, пострадавшего. Зелье Дей успела незаметно подменить, и мне тоже было интересно, что же в итоге получится. Хотелось бы, чтобы шишка преобразовалась в мозг, но на такие чудеса, увы, даже самое сильное ведовство не способно.

— Чем ты его? — тихо спросил папа, как раз подоспевший к началу представления, то есть к вносу в дом тела и последующим пляскам возле оногo.

Мы жались в дальнем уголке: мне матушка строго-настрого запретила приближаться к жертве, а папе, как всегда, досталось за компанию. Он и не возражал: злить матушку еще больше сейчас никто бы ни рискнул.

— Ботинком, — мрачно призналась я, плотнее кутаясь в халат.

Ну а что? Может, конечно, кто-то и обрадовался бы неурочному гостю, нарисовавшемуся в оконном проеме, и пригласил бы на чай и приятную беседу, но у меня подобное явление восторга не вызвало. Я даже не особо задумывалась над своими действиями. Подняла с пола первое, что попало под руку, и запустила в сопящее на подоконнике чудище. По иронии, импровизированным снарядом оказался тяжелый ботинок, а чудищем — сыночек градоправителя, и без этого визита успевший испортить мне жизнь.

Видимо, недостаточно еще испортил. Ботинок, как выяснилось, ничуть не хуже лопаты. Дорана просто вымело из комнаты, благо под окном кустарник растет. Не перина, конечно, но и не твердая земля, от которой долго пришлось бы отскрести этого ненормального. Шиповник вот только жаль. Красивый был.

— Кайра... — просипело меж тем тело, трагично воздев к потолку свободную от компресса руку, и я вжалась в стену, желая слиться с ней. — Кай... ра...

— Подойди! — зашипела мама, глядя на меня как на источник всех бед в брэнном мире.

— Иди, — ободряюще шепнул папа, — если что, я кину второй ботинок.

И я подошла. Без малейших угрызений совести всмотрелась в бледное лицо и полные страдания и непонимания глаза, покрытые царапинами руки и дрожащие пальцы, покосилась на букет и с трудом подавила желание водрузить этот веник на худосочную грудь жертвы собственной тупости и моей меткости.

— За что? — бескровными губами спросило единственное чадо нашего градоправителя. На лице застывшей рядом матушки читался тот же вопрос.

— Я тебя не узнала и испугалась, — честно ответила я. Мама расслабленно выдохнула — видимо, она таки подозревала злой умысел, — а я мстительно добавила: — Если бы узнала, одним ботинком ты бы не отделался.

— Кайра! — возмутилась мама. — Да что с тобой?!

— Верный способ превратить относительно добрую ведьму в злую — лишить ее любимой работы, — вздернула подбородок я. — Пусть спасибо скажет, что до сих пор в крысу не превратился!

Хотя, судя по азартному блеску глаз сестрички, такой исход вполне возможен.

— Спасибо, — простонал Доран, приподнимаясь. Матушка тут же подложила ему под спину подушку. — Я, к слову сказать, мириться пришел... был не прав, извини! Но и ты была не

совсем права... Я тебя, между прочим, люблю! — с жаром выдохнул он, заглядывая мне в глаза. Наверняка еще и веником своим размахивал бы, сумей до него дотянуться.

Я поморщилась и крепче вцепилась в полы безразмерного халата. Ситуация становилась все бредовее, но народу вроде бы нравилось. Папа тихонько внимал в уголке, надеюсь, с ботинком наготове, Дейдра увлеченно жевала уже вторую шоколадку — и куда только влезает, — матушка же белоснежным надушенным платочком промокала несуществующие слезы. Доран тоже во вкус вошел, даже о том, что не столь давно умирающего изображал, забыл. Сполз с дивана, торопливо поправил истерзанную в неравной борьбе с шиповником одежду и внезапно грохнулся передо мной на одно колено — я чудом в сторону не шарахнулась. Сбила бы с ног маму, такой накал страстей испортила бы!

— Кайра, будь моей женой! — одной рукой по-прежнему прижимая ко лбу компресс, а другой подобрав букет, решительно выпалил Доран.

— Ах! — расчувствовалась мама.

— Э?! — растерялся папа.

— Кхе-кхе! — подавилась шоколадкой Дейдра.

— Засунь свои извинения, а заодно и предложение своему батюшке... в карман! — прошипела я, до глубины души пораженная такой наглостью.

И это после того, как я по его милости работы лишилась! Если он рассчитывал умастить меня фальшивым раскаянием, то допустил серьезную ошибку: ведьмы, пусть даже и светлые, своих горьких слез никому не прощают.

Любой нормальный человек предпочтет держаться подальше от разъяренной женщины, особенно если она ведьма. Но Доран то ли изначально нормальным не был, то ли при падении из окна слишком сильно головой приложился. Вместо того чтобы тихо и мирно скрыться с глаз моих, он вскочил на ноги и шагнул ко мне — уж не знаю, с какими намерениями, но проверять, насколько они чисты и благородны, не тянуло. С меня и одного отвратительного поцелуя хватило.

Букет перехватить оказалось просто. Такой же тяжелый, как и первый, и колючий, как шиповник...

— Кайра! — уже с иными, далеко не восторженно-романтическими интонациями ахнула мама, когда уже дважды ударенный букетом кандидат в ее зятя, не выдержав натиска злобной ведьмы, шлепнулся на диван. И тоненько всхлинула: — Ой...

— Ы-ы-ы!.. — простонала Дейдра, предусмотрительно отложившая недоеденную шоколадку.

— Ботинок тут будет лишним, — жалостливо пробормотал папа.

Доран сидел и потерянно хлопал ресницами. Компресс сполз с его лба, явив миру два рога, пока что небольших, но растущих прямо на глазах. Красивые будут, ветвистые... В дополнение у злосчастного недоженишка порозовел и медленно вытянулся нос, и на нем проклонулись белесые, трогательно пушистые шерстинки. Доран забавно чихнул, изменился в лице и, совершенно не по-мужски взвизгнув, подскочил с дивана, держась при этом за мягкое место.

— О-о-о! — восхищенно выдохнула Дейдра, у которой обзор был гораздо лучше. — Какая прелесть! У него там хвостик! Как у олененка!

Доран побелел, дернул преображенным носом и рухнул в обморок. Хорошо прицелился, прямоком на диван попал. Видимо, неоднократные тренировки сказались.

Дейдра придушенно пискнула и спряталась за перилами. Не знаю, зачем она варила это зелье и чем думала, подсунув его Дорану, но результатом я была более чем довольна. Надеюсь, эффект продержится хотя бы неделю.

Даже и не подозревала, что настолько мстительна! Но в душе не было и тени раскаяния.

Наоборот, разливалось нечто легкое, воздушное, сладкое, от чего хотелось улыбаться.

— Кайра!!! — рывкнула отошедшая от шока мама.

— Что? — приподняла брови я. — Предупреждала же, что в крысу превращу! Это, конечно, намного симпатичнее, так что еще легко отделался!

Осознав, что истинную виновницу появления рогов и хвоста не выдадут, отползающая в свою комнату Дей затаилась, распластавшись на ступеньках, и насторожила любопытные ушки.

— Твои выходки сведут меня с ума! — всплеснула руками матушка. — Да разве так можно?!

— Ну, если ему можно преследовать меня денно и нощно, а также пытаться надавить, лишив работы, значит, и мне позволено чуть больше, чем обычно, — невозмутимо отозвалась я.

— Как только Доран очнется, ты перед ним извинишься, — повелела мама. — И верни ему человеческий облик немедленно!

— Не могу, — скорбно поджала губы я, — сам утратил, сам пусть и возвращает.

Мама схватилась за сердце — вновь не с той стороны — и красиво опустилась в кресло.

— Глен! Скажи своей дочери, что она ведет себя неразумно! — полным скорби голосом воззвала она к отцу, молчаливо созерцавшему сей театр абсурда.

— Дочь моя, ты ведешь себя неразумно, — покорно сказал папа. Задумчиво пригладил темные, щедро посеребренные прожитыми с матушкой годами волосы и от души добавил: — На твоём месте я бы давно отсюда сбежал.

Я застыла, обдумывая заманчивый совет, и, благодарно улыбнувшись отцу, решительно направилась к двери. Прямо как была: в пушистых тапочках и длинном, не по размеру, халате.

— Вернись немедленно! — полетело вослед, и я с удовольствием захлопнула за собой тяжелую дверь, вдохнула полной грудью свежий ночной воздух и почти выбежала за калитку.

Ветерок оказался прохладным. Он бодрил, трепал еще влажные волосы, пробирался под халат, однако возвращаться я и не думала. Мысль уйти появилась давно, вот только воплотить ее в

жизнь я не решалась в основном из-за папы и Дейдры. Сейчас же какая-то часть меня, о существовании которой я прежде не подозревала, очнулась от долгого сна и буквально вытолкнула меня за порог. «Беги, — шептала она, — беги, пока можешь!» И я не захотела ей

сопротивляться. Все прежние отговорки вдруг показались совершенно нелепыми. Отец почти живет на работе, Дей совсем взрослая и тоже здесь не задержится, мама же перешла все

границы — и я не поручусь, что на этом остановится. По-хорошему, следовало бы действовать более обдуманно, а не поддаваться порыву. Дождаться утра, собрать вещи... Но это означало

бы нарваться на мамину истерику с заламыванием рук и заверениями, что порог дома я переступлю лишь через ее хладное тело, которое, конечно же, будет на моей совести. Нет уж,

спасибо, балаганных представлений на сегодня достаточно. И не только на сегодня. Невзирая на

позднее время, мне было куда пойти. А вещи... вещи Дейдра принесет. И к тому моменту

желательно бы определиться, где же в этом мире мое собственное место.

Улицы были пустынные. Мягко сияли фонари, едва разгоняя темноту. Тишину нарушали лишь

трели соловьев. Я шла, погруженная в раздумья, и едва из тапочек не выпрыгнула, когда

раздался странный звук.

Отшатнувшись, я спешно создала золотистый огонек, пригляделась и не сдержала нервный смехок. Посреди цветочной клумбы сидел крохотный котенок, отчаянно рыжий, пушистый и синеглазый. Он пискляво мяукал, не то молясь кошачьим богам, не то проклиная их же. Судя по интонациям, верным было второе.

Придерживая полы халата, я опустилась на корточки. Котенок замолчал и уставился на меня пронзительным, слишком уж серьезным для столь мелкого создания взглядом. Я заморожено протянула ладонь, в которую тут же доверчиво ткнулся холодный мокрый нос, а потом рыжик, окончательно осмелев, и вовсе в нее забрался, будто в колыбель.

Я встала и, осторожно прижимая нежданную, легкую, как пух, добычу к груди, пошла дальше.

Добыча возилась, устраиваясь поудобнее, дрожала и неуверенно мурчала, отчего в душе поселилось что-то теплое и приятное, губы тронула улыбка, а из головы исчезли все тягостные мысли.

Не я одна искала место в жизни. А вдвоем, как ни крути, будет намного веселее.

День не задался. С самого утра, которое наступило слишком быстро, ослепив потоком солнечного света, оглушив грохотом и гулом голосов из распахнутого настежь окна. Пришлось вставать, приводить себя в порядок и выходить из комнаты, как бы ни хотелось вновь вернуться в одеяло и провалиться в сон.

Внизу, в полупустом обеденном зале небольшой гостиницы выяснилось, что то и не утро вовсе, а практически полдень. Немногочисленные постояльцы обедали и делились новостями, главной среди которых оказалось найденное на кладбище тело местного парня.

Эван слушал вполуха. Сейчас его больше занимал горячий суп с острыми приправами, от которых горел язык, а кровь быстрее бежала по венам. Ночью пришлось выложиться по полной, и несколько часов тревожного сна ничуть не помогли восстановиться, напротив, казалось, последние силы отняли. В комнате в сумке с вещами лежал небольшой сундучок с разноцветными пузырьками. Нужно смешать содержимое синего и зеленого с подогретым

вином и выпить залпом. Эффективное проверенное средство, которое при частом применении из лекарства превращалось в яд. Эван вспомнил, когда в последний раз использовал зелья, и приуныл, осознав, что придется обойтись без чудесных снадобий.

Горячий обед, горячее вино. Горячий же шоколад, жирный и сладкий настолько, что даже противно. Не зелья, конечно, но тоже сойдет.

В комнату возвращался сытый и сонный, понимая, что отдыха не предвидится. Тело уже нашли, а значит, сообщили куда следует. Сколько времени осталось? Если судить по прошлому опыту, от силы два дня. Следовательно, нужно действовать немедленно.

Закрыв окно и дверь, Эван сел прямо на пол, положил перед собой найденную заколку и, прикрыв глаза, коснулся ее кончиками пальцев. Пред внутренним взором привычно раскинулись ниточки-пути, оставалось лишь найти единственно верный, что при имеющемся ориентире было легче легкого. Но ни через минуту, ни через полчаса нужный путь так и не обнаружился. Непростым предмет оказался, с защитой, которую и не почувствуешь сразу, но которая к хозяину вещи пробиться не позволит. Если ее не снять.

Защиту Эван взламывал долго, до самого вечера, и безрезультатно. Крутил вещицу и так и эдак, пробовал и мягкое воздействие, и самое грубое, но ничего не выходило. Осыпались, словно шелуха, магические слои, но под ними неизменно были новые. Мастер, изготовивший заколку, постарался на славу.

Выбившись из сил, Эван в сердцах отбросил бесполезную вещь, прислонился к стене и, отогнав желание подремать хотя бы несколько минут, попытался почувствовать игруную. Обычно получалось, но сейчас ничего не ощущалось, будто ее и вовсе никогда в этом городе не было. Игнорируя головокружение и то и дело меркнувший свет, Эван резко поднялся на ноги, шагнул к двери — и тут в глазах окончательно потемнело, пол выскользнул из-под ослабевших ног, а в голове словно огненный фейерверк взорвался, почти отключив утомленное сознание.

— Здесь он, господин, сразу после обеда зашел и до сих пор не выходил, — как сквозь толщу воды донеслось до него, и вдоль позвоночника рассыпались ледяные мурашки.

Не было больше двух дней, на которые Эван так рассчитывал. Все, что осталось, — пара минут, за которые нужно прийти в себя... и обвести вокруг пальца того, кого невозможно обмануть. Дотянуться до злосчастной заколки и до сумки, хорошо, что та уже была собрана. Перекатиться под кровать. Стараясь не вслушиваться в стоны половиц под тяжелыми шагами, закрыть глаза, вспомнить нужные слова, заставляя себя не спешить, проговорить их, замедляя ритм сердца, задерживая дыхание...

И одновременно со скрипом отворяемой двери — исчезнуть.

Это было странно. Стать легким и прозрачным, точно воздух, не чувствовать тела — и одновременно ощущать тяжесть удерживаемых чар. А они становились все тяжелее, и без того вымотанный, Эван не был уверен, что на этот раз ему удастся избежать нежеланной встречи, но упрямо цеплялся за тонкую паутинку заклинания, которая могла лопнуть в любое мгновение. Суетливыми шагами пересекли комнату, распахнулось окно, и кто-то растерянно пробормотал: — Клянусь, он не выходил!

По комнате прошелестели другие шаги, мягкие, почти неслышные, они замерли у кровати, и сквозь бахрому свисающего до пола покрывала Эван разглядел носки блестящих черных ботинок. Отдернув покрывало, их обладатель наклонился и внимательным взором окинул пустое пространство. Даже руку протянул, не доверяя глазам. Эван едва не утратил контроль, когда ладонь прошла сквозь него. Еще чуть-чуть — и выдал бы себя с головой, но каким-то чудом удалось сдержаться, и мужчина, нахмурившись, поднялся, покачался с пятки на носок и, развернувшись, вышел, не слушая причитаний бросившегося за ним служащего гостиницы. Эван выдержал еще целых десять минут. Он боялся, что стоит лишь вздохнуть с облегчением и сбросить чары, как вновь распахнется дверь — и его поймают. Но время шло, ничто не нарушало тишину коридора, а сил осталось ничтожно мало. Настолько, что заклинание развевалось само, оставив Эвана лежать на пыльном полу, тяжело дышащим и пытающимся унять крупную дрожь.

Сумку удалось открыть не сразу. Как и найти заветный сундучок. Уже не задумываясь над последствиями, с трудом держась за ускользающее сознание, Эван осушил оба пузырька — синий и зеленый. Неразведенные зелья, казалось, осколками стекла прошли по горлу и взорвались в желудке острой болью, но через пару минут в голове прояснилось, ноги и руки перестали дрожать, и оказалось под силу не только выползти из-под кровати, но и выбраться из

окна. К счастью, уже стемнело, а на улице оказалось безлюдно. Страх, что под окном, а потом и за ближайшими поворотами будут ждать, не оправдался, но глупое сердце еще долго грохотало по ребрам, не желая успокоиться, и он не мог поверить в сомнительную, но все же удачу. Эван остановился лишь через полчаса бега по узким переулочкам и темным подворотням. перевел дыхание, поправил сумку и сбившуюся одежду. И прежде чем выйти на освещенную улицу, выпил содержимое еще одного яркого пузырька. Рискованно, конечно, но выбирать не приходилось. Шутка ли — едва не попался! Едва не поставил под удар все, чего удалось добиться за последнее время. Пора было убраться из этого городишки. И впредь быть осторожнее. Намного осторожнее. Но сначала...

Эван нащупал в кармане куртки закладку. Ночь предстоит долгая, а он полон сил. Так почему бы не попытаться если и не найти ненавистную игрушку, то хотя бы как следует испортить ей настроение?

ГЛАВА 4

После выплеска силы случается всякое. Реальное или нет — не важно. В те мгновения реально даже то, чего быть не может. Все обретает более яркие краски и невероятную глубину, каждый миг превращается в вечность, а мир становится хрустально-хрупким и бесконечно-синим. Синее небо без единого облачка. Синяя гладь озера. Синие глаза, в которых искрится солнце и дрожит мое отражение. Перепуганное, мокрое, шмыгающее красным носом, ладони и глаза сияют золотисто-белым, и кажется, что я свечусь, словно...

— Светлячок.

Шепот похож на шелест ветра в цветущих яблоневых ветвях, и солнце превращает синий взгляд в золотой, а потом, жаркое и тягучее, и вовсе заполняет собою все...

И сменяется тьмой. Глаза привыкают к ней не сразу, и сначала приходится полагаться лишь на слух: тяжелое дыхание, частое биение сердца под ладонью, тихий стон... Злой шепот, раз за разом обещающий кому-то муки бездны, и едва различимый смех. Мой собственный? Это я смеюсь, ощущая, как отчаянно рвется из груди чужое сердце, глядя в полные ненависти и понимания, что все напрасно, глаза, синие, как и те, в которых только что плавилось солнце? — Я знаю, что такое вечные муки, — выдыхаю, касаясь искусанных губ, с которых слетают проклятия. — Ты счастливчик. Тебе они не грозят.

Противный хруст, что-то горячее и мокрое на руках, короткий хрип... и живое, трепещущее сердце в моей ладони.

Захлебнувшись безмолвным криком, отшатаваюсь, пытаюсь разжать онемевшие пальцы, падаю на невидимый в темноте пол и... просыпаюсь.

Тьма сменилась солнечным светом. Сквозь приоткрытое окно доносились ароматы весенних цветов и беспечный щебет птичек. Мягкий ковер под спиной обещал, что слишком большой шишки на затылке не будет.

— С добрым утром, — насмешливо прозвучало над моей гудящей головой. — Какое счастье, что кровать низкая!

С этим я была согласна. Охая, будто древняя старушка, кое-как села, обозрела смятую постель, с которой только что свалилась, и торопливо проверила ладони. Слава Светлой паре, они были чистыми. Не то чтобы я и в самом деле поверила, что вырвала кому-то сердце, но... Слишком уж яркими были ощущения, вроде бы все произошло наяву. Кажется, я до сих пор чуяла запах крови и...

Тряхнув головой, запретила себе думать о всякой ерунде и со вздохом устала на неприлично кислую Дару, которая, помахав мне рукой, принялась с унылым видом укладывать вещи в дорожную сумку, предварительно вытащив из нее протестующе вякнувшего котенка. Найденыш выглядел довольным жизнью. Ночью он досыта напился молока и уснул рядом с миской. Дара переложила его в корзинку, постелив на дно мягкую шаль, но, видимо, сумка котику приглянулась больше.

Когда я среди ночи появилась на пороге дома подруги, впустили меня без лишних вопросов. Родители Дары в теплое время года предпочитали жить за городом, и дом оказался в нашем

полном распоряжении. Весь остаток ночи был посвящен разговорам о моей маме и вконец обнаглевшем Доране, а еще — сладкому торту, нашедшемуся на кухне, и бутылке слабого вишневого вина, припасенной для особых случаев. Уснули под утро, так и не добравшись до того, как дела у самой Дары. А ей, похоже, тоже было что рассказать.

— Куда собираешься? — спросила я, вернувшись из ванной в одолженном подружкой платье, хорошо, что размеры у нас совпадали.

— Наставница сбросила свою работу на меня, придется уехать из города, если не повезет — до конца лета, — скривилась Дара, пнула сумку и присела на кровать, чуть не раздавив прикорнувшего там котенка. Рыжик подскочил, выгнулся и зашипел, защищая свою шкурку и облюбованную территорию. — Как зверя-то зовут? — хмыкнула подруга, с интересом разглядывая распушившийся комок шерсти.

«Зверь» скользнул по мне взором синих глаз и гордо отвернулся, а я, наверное, слишком сильно ударила при падении с кровати, раз уж сумела углядеть какое-то сходство.

— Вылитый Атон, — усмехнулась я. Тихо-тихо, Дара даже не расслышала, но котенок дернул пушистым хвостиком, развернулся и вопросительно мяукнул. — Атон? — растерянно повторила я — уже гораздо громче.

— Мяу! — решительно подтвердил рыжик.

— Странное имя для кошки, но ему, похоже, нравится, — хихикнула Дара. О визите господина Клайдана я ей тоже поведала, так что причины веселиться у нее были.

— Зато мне не нравится! — буркнула я и, сверля котика взглядом, требовательно позвала: — Мурзик!

Котенок и ухом не повел.

— Барсик!

Тот же эффект. Вернее, полное его отсутствие.

— Рыжик! Пушок! Бантик! — принялась перечислять я, но ни одну кличку вниманием так и не удостоили. Перебрав еще с десятков вариантов, обреченно спросила: — Атон?

— Мяу! — немедленно отозвался котенок.

— Смирись, Кая! — Дара уже откровенно смеялась над моими попытками переименовать эту вредную мелочь. — Он не отступится!

Я и смирилась. А что делать? Да и от его тезки, с которым мы наверняка больше никогда не встретимся, не убудет.

— Так что там за работа? — махнув рукой на котенка, вернулась я к более важной теме.

Подруга помрачнела, поймала котика и, поглаживая мягкую шерстку, поведала о своей проблеме.

На жизнь Даре было грех жаловаться: после окончания ведьмовской школы ей даже работу не пришлось искать, так как одна из наставниц взяла ее к себе помощницей. Можно сказать, предел мечтаний для светлой ведьмы, вооруженной теоретическими знаниями, но не обладающей достаточными практическими навыками. И все бы ничего, вот только наставница Даре попалась излишне ветреная, и зачастую ее обязанности приходилось выполнять моей подружке. Опять-таки не столь уж это и сложно, к тому же еще и полезно — практики в нашем деле много не бывает, — но в этот раз Даре предстояло не зелье по древнему рецепту готовить и не новый дом на все случаи жизни заговаривать, а провести три месяца за городом, приглядывая за девицей со слабым магическим даром, который должна была попытаться усилить. Нетрудная работа на первый взгляд... Если не знать, как Дара не любит покидать город и сидеть без дела, а именно это ей, судя по всему, и грозило.

— Три месяца хвостом ходить за малолетней девицей, кормить комаров и украшать собой унылый сельский пейзаж! — кипятилась подружка. Она нервно расхаживала по комнате, и котенок гордо гарцевал у нее на плече, то и дело пытаясь перебраться на голову. Рыжие волосы Дары ему явно приглянулись. — Это все равно что исчезнуть на целое лето!

— О боги, если бы ты знала, как я хочу исчезнуть! — завистливо вздохнула я.

В отличие от Дары перспектива затеряться в загородной глуши казалась мне невероятно привлекательной. Вот только опять-таки в отличие от подружки меня там никто не ждал.

Дара остановилась так резко, будто на невидимую стену наткнулась, широко улыбнулась и предвкушающе протянула:

— А почему бы, собственно, и нет?

— Нет, нет и еще раз нет! — возмущенно отказалась я, едва Дара пояснила суть спонтанно родившегося плана. — Так нечестно!

— Нечестно спихивать на помощниц свои обязанности, а еще — портить дочери личную жизнь, — сморщила носик подруга. — А мы с тобой восстанавливаем справедливость. Ну же, Кая, не будь такой скучной! Вспомни наши школьные годы!

— Что именно? То, как нас дважды чуть не исключили за неприемлемое для светлых ведьм поведение? — хмыкнула я.

— Так ведь не исключили же, — легкомысленно пожала плечами Дара, в чьей голове постоянно зрели идеи всеобъемлющего веселья. Многие из них я охотно поддерживала, за что порой и расплачивалась. — К тому же здесь нет никакого обмана.

— А подложные документы, по-твоему, не обман? — хмуро спросила я, кидая на стол стопку бумаг.

— Нет, — уверенно заявила подруга. — Это документы наставницы. Одобренные, на их оформление потребовалась куча времени, которого у нас больше нет. С ними я и должна была поехать. И ничего страшного не случится, если отправишься ты.

Вот именно это меня и не устраивало. Поначалу идея исчезнуть из города показалась весьма привлекательной, но лишь до тех пор, пока Дара не уточнила, что исчезать мне предстоит в гордом одиночестве. И если составить ей компанию я была не прочь, то необходимость изображать другого человека совершенно не прельщала.

— А ты и не изображай, будь собой, — продолжала упорствовать Дара, почувывая шанс остаться в любимом городе и вцепившаяся в него обеими руками. — Документы — это ерунда, подумаешь, имя чужое, так там и не имя вовсе требуется, а светлая ведьма с определенными навыками! И у тебя в отличие от меня они есть. С юными девицами ты управляться умеешь, в конце концов, Дей вырастила...

— Ты же знаешь, что в итоге из нее выросло? — с подозрением уточнила я.

В прошлый визит в наш дом подруга стараниями Дейдры незаметно для всех обзавелась магической татуировкой на плече, которая в полночь превратилась в мохнатого паука, очень даже живого и необычайно резвого. Ночка у Дары выдалась бурной...

— Главное, что все-таки выросло, — невозмутимо отмахнулась подруга. — В вашем доме, уж прости, это подвиг.

Ну... вообще-то верно. С Дейдрой я в свое время намучилась, но в итоге она жива, здорова и даже не столь бестолкова, как иногда может показаться. Если вспомнить, сколько раз я снимала с крыши возмечтавшую о полетах мелочь либо вылавливала ее из оставленного матушкой без присмотра котла с зельем... Иногда казалось, что до своих шестнадцати Дейдра дожила лишь чудом. Но если подумать, в его роли нередко выступала я сама.

— После темной ведьмочки себе на уме любая барышня кроткой ланью покажется, — продолжала увещевать Дара, и я, успевшая представить прелести загородной жизни, начала склоняться к мысли, что не стоит упускать шикарную возможность решить все наши проблемы. А потому, еще немного поколебавшись, все же решилась на эту авантюру, которая, по словам подруги, авантюрой вовсе не была.

Итак, меня — вернее, светлую ведьму с навыками общения с юными барышнями — ждали в поместье Грайвенов. Все необходимое Дара уже собрала, в том числе и подходящие случаю наряды, каковых в моем гардеробе не водилось. На следующий день я выждала, когда матушка покинет дом, взяла кое-какие вещи и, не вдаваясь в подробности, рассказала Дейдре о грядущих в моей жизни переменах, взяв с нее страшную клятву молчать. Еще и к папе успела забежать — нехорошо было бы заставлять его волноваться. А вечером перед отъездом нам с Дарой предстояло исправить главный недостаток: мой светлый облик тянул от силы лет на семнадцать. В лучшем случае, по уверениям подруги. Не самый презентабельный вид для предстоящей работы.

— Это поможет, — уверенно заявила Дара, вытащив из-под кровати немаленький сундучок, набитый косметикой.

Я с сомнением оглядела богатство подружки и покачала головой: хлопотно, муторно и ненадежно. В жару грим и потечь может, а если придется в озере искупаться?

— Иллюзии лучше, — решила я. Не то чтобы я в совершенстве владела этим искусством, но уж накинуть себе пару-тройку лет по-любому сумею, ничего сложного.

— Вряд ли, — надулась Дара, хлопнув крышкой сундучка. — Грайвены — потомственные маги. Это твоя будущая подопечная слаба, а вот ее братцу равных еще поискать. Раскусит твою иллюзию, даже моргнуть не успеешь. И объясняй потом, что действовала из благих побуждений.

Что верно, то верно. Побуждения были благими лишь для меня. Для Деррека Грайвена, старшего брата и опекуна Илины Грайвен, моя невинная хитрость будет равносильна обману. — И что остается? — убито спросила я, уставившись в оклеенную розовыми обоями стену. — Эх ты, а еще ведьма, — хмыкнула подруга и, вновь завладев моим вниманием, веско обронила: — Зелья!

Кажется, меня перекосило. Нет, зельеварение я очень даже уважала и любила, причем знала многие хитрости приготовления даже тех зелий, что предпочитают использовать только темные, — естественно, здесь без матушки не обошлось. Другое дело, что об ингредиентах я предпочитала не вспоминать, особенно после еды. Но если бы мы озаботились этим хотя бы на пару дней раньше!

— Времени нет с зельями возиться, — проворчала я.

— А возиться и не нужно, все готово! — просияла Дара и кинулась к своему поистине бездонному шкафу. Нырнула в его недра, словно в омут, пошуршала, позвенела чем-то и выползла обратно, крепко сжимая в ладони вместительную пузатую склянку с ярко-розовым содержимым.

Я сглотнула. Не то чтобы я сомневалась в талантах подружки, просто предпочитала все делать сама. Применять зелья неведомого состава было против моих правил. Но...

— Ты мне доверяешь? — провокационно поинтересовалась Дара, выжидательно прищурившись.

Котенок по имени Агон, которого я так и не сумела переупрямить, взирал на меня точно с таким же выражением рыжей мордочки. Я посмотрела на подругу, на котенка, в зеркало, отразившее слишком юное для будущей воспитательницы лицо... И решительно отпила немного ядовито-розовой жидкости, оказавшейся до приторности сладкой.

Я зажмурилась — ну и гадость, успела уже забыть, как Дара может над зельями издеваться! — а открыв глаза, наткнулась на две растерянные мордашки.

— Мяу, — выдал котенок.

— Ой, — выдохнула подруга.

— Мамочки... — кинувшись к зеркалу, прошептала я.

Зелье Дары сработало, добавив мне возраста. И не пару-тройку лет, а все пятнадцать. И этим не ограничилось...

Я неверяще разглядывала незнакомку в отражении. Медно-каштановые волосы, темно-зеленые глаза, кожа стала еще светлее, а по носу рассыпалось немного премиленьких золотистых веснушек, которых у меня никогда не было.

— Красивая, — выдавила Дара, когда я, насмотревшись, развернулась к ней. — Очень-очень красивая!

— Это не я! — негодуяще сказала я голосом глубоким и певучим, лишь отдаленно похожим на мой. — Дар-р-ра!!!

— А я что, я ничего, — заюлила она, подхватывая котенка и прижимая его к груди. — То есть я не знаю почему! Я все по рецепту делала... Ну, может, и добавила что-то лишнее под влиянием вдохновения, но... Кая?

Я махнула рукой и присела на кровать. Дара тут точно ни при чем. Я сама виновата — отступила от своих принципов, понадеявшись на удачу. Хотя... А так ли уж все плохо?

— Ну и к лучшему, — помолчав, решила я. — Исчезать — так полностью.

По сути, от Кайры Наррай и не осталось ничего. Чужая работа, чужое имя, чужая внешность. И шанс прожить несколько месяцев чужой жизни, в которой нет ни излишне заботливой матери, ни безответственной младшей сестры, ни навязчивых кандидатов в женихи.

И я неожиданно поняла, что мне это нравится. На самом деле нравится! Вскочив на ноги, отобрала у растерянной Дары котенка, посадила его на плечо и, вздернув подбородок, церемонно проговорила:

— Разрешите представиться, господа, — Эмма Марен, дипломированная светлая ведьма, профессиональная укротительница юных девиц и любительница спокойной сельской жизни!

— Да устоят пред такой силой поместье Грайвенов и его окрестности, — под возмущенный писк вцепившегося в меня рыжика добавила Дара.

ГЛАВА 5

Дорога мягко стелилась под колесами экипажа, любезно предоставленного нанимателем госпоже ведьме. Откинувшись на спинку удобной, довольной мягкой скамьи, я смотрела в окошко на проплывающие мимо пустынные улицы, залитые нежным светом только-только пробудившегося солнца. Ночь выдалась бессонная, полная мыслей о грядущем, но спать не хотелось. Предвкушение чего-то нового, смешанное со смутными страхами, будоражило воображение, заставляло сердце биться чаще, и стоило большого труда усидеть на месте. И я кусала губы, нервно барабанила пальцами по маленькой сумочке, ловила неодобрительный взгляд сидевшей рядом молодящейся дамы в кружевном темно-алом платье — то ли дальней родственницы Грайвенов, то ли близкой знакомой, из путаных объяснений Дары я не очень поняла, — и брала себя в руки. Вернее, не себя, а котенка, которого не смогла оставить на попечении подруги. Он вел себя на диво прилично, спокойно сидел на моих коленях и благодарно урчал, когда я проводила дрожащими ладонями по шелковистой шерстке.

Выдержки хватало минут на десять, после чего все начиналось заново...

Хорошо еще, что спутница оказалась не из болтливых. Она читала небольшую книжицу в богато украшенном переплете и отвлекалась лишь на то, чтобы посмотретья в карманное зеркальце, поправить выбившиеся из сложной прически светлые волосы или же окинуть нас с котенком осуждающим взором. Досадно, что я не догадалась прихватить в дорогу книгу. Зачиталась бы, забылась — и дорога прошла бы быстрее и без лишних нервов.

О содеянном я не жалела. Но маленький червячок сомнений нет-нет да и оживал, грыз изнутри, нашептывая, что взрослые приличные ведьмы так себя не ведут. Не пускаются в авантюры, нацепив чужую личину и прикрывшись чужими документами, не бросают отца на произвол сумасбродной жены и не оставляют младших бесшабашных сестер без присмотра... не уезжают, не попрощавшись с матерью, какими бы сложными ни были их отношения. И я чувствовала вину, представляла, что сейчас попрошу остановить экипаж и вернусь домой... вновь окунусь в привычную жизнь и окончательно сойду с ума... и решительно давила мерзкого червя, посмевавшего беспокоить мою и без того оттопанную всеми, кому не лень, совесть. Вот будет весело, если я сама загублю свою едва начавшуюся новую жизнь! Нет уж, это прежняя Кая искала истоки всех неприятностей в себе, винила во всем себя и только себя и стыдилась мыслей о том, что надо бы бежать, пока не поздно. Но она исчезла. Пусть даже на время, не важно. Трех месяцев должно хватить, чтобы расслабиться, вздохнуть свободно и понять, куда двигаться дальше. Чтобы измениться — не внешне, как сейчас, а внутренне. Казалось, я уже меняюсь, что чем дальше, тем легче дышать, будто спадает с души невидимая, но тяжелая сеть.

«Ты поступаешь правильно», — с каждой минутой, отдаляющей меня от дома, все увереннее и увереннее звучал в моей голове знакомый уже шепоток, и все проще и проще было с ним соглашаться. Да, я поступаю правильно. В кои-то веки я делаю что-то для себя. Хотя бы раз в жизни можно? «Нужно», — отзывался успокаивающий шепот, и я облегченно выдыхала и улыбалась, глядя свернувшегося на коленях котенка.

Я уже успела представить, что вся дорога пройдет вот так, сонно и благостно, но после полудня, когда беспокойная ночь дала о себе знать и меня подхватили волны легкой дремы, послышались крики, сочные ругательства — и экипаж резко остановился. Дама выронила книгу со словами, недстойными воспитанной женщины почтенных лет, но весьма подходящими ситуации. Я схватила за сиденье, чтобы не впечататься в противоположную стену. Котенок вцепился в мое платье, оставляя на ткани затяжки. Но высказаться по этому поводу не удалось...

Распахнулась дверца, и в салон заглянул высокий мужчина в черном дорожном костюме. За его спиной маячил кучер — дюжий, широкоплечий, с внушительными кулаками, — и я немного успокоилась. С таким и по беспокойному кладбищу в полнолуние не страшно гулять, не то что посреди бела дня с вроде бы обычными людьми общаться.

— Прошу прощения, дамы, — приподняв шляпу и вновь водрузив ее на смоляные кудри, виновато улыбнулся возмутитель нашего спокойствия. — Меня зовут Нейвар Карта, я поверенный и направляюсь в Лагор. Мой экипаж сломался неподалеку отсюда, а дилижанс я пропустил — не рассчитал время, опоздал. Но мое дело не терпит отлагательства, а вы как раз направляетесь в нужную сторону. Не позволите ли составить вам компанию?

Лагор — небольшой городок, еще меньше Террен, — находился рядом с владениями Грайвенов. Вот только я не думала, что подбирать незнакомцев полезно для здоровья. Пусть даже и выглядят они вполне прилично, и ведьминская интуиция на их счет молчит, но... Но я все равно ничего не решала, а дама, имени которой я не потрудилась запомнить, зарделась и смущенно пробормотала:

— Конечно, молодой человек, мы будем рады помочь вам.

И она действительно была рада: вон как глаза заблестели, словно ее не о пустяковой услуге попросили, а как минимум предложение руки и сердца сделали.

— Купите хорошие часы, — отодрав рыжика от платья, душевно посоветовала я, когда Нейвар Карта расположился напротив и устроил на коленях небольшой чемоданчик — наверняка с важными документами. — Очень помогают рассчитывать время и не опаздывать.

На моей ладони расцвел крохотный лепесток пламени, угрожающе полыхнул, отразившись в глазах ведьминскими огнями, и исчез. Господин поверенный сглотнул и нервно улыбнулся.

Будем считать, что мы друг друга поняли.

В следующие несколько часов я осознала, что люблю путешествовать в тишине. Чопорную молчаливую даму, предпочитавшую книги живым людям, точно подменили — она болтала без умолку. Сыпала историями из своей жизни, оказавшейся на диво бурной и насыщенной, задавала жмущемуся в уголке спутнику множество вопросов, на которые тот отвечал неохотно и вяло. Видимо, тоже тишину уважал.

Я в разговор не вмешивалась, чинно сидела на своем месте и поглаживала рыжика, который заинтересовался было новым человеком, но быстро утратил к нему интерес, справедливо рассудив, что хозяйка мягче, ласковее и надежнее. Время от времени я ловила на себе любопытные взгляды — и отвечала тем же. Опасности по-прежнему не чувствовала, но что-то меня в господине поверенном настораживало. И я вновь и вновь разглядывала его, пытаюсь понять, что же здесь не так.

Высокий, худощавый, бледный, будто солнца давно не видел, волосы вьются, едва до плеч достают, нос длинноватый, с горбинкой, глаза темно-синие, трость с набалдашником в виде головы дракона — явно не для красоты, я успела заметить, что он прихрамывает. Он не был ни магом, ни ведьмаком, и в то же время ощущалась какая-то неправильность — то ли в его облике, то ли во взгляде.

А может, я просто устала, перенервничала и теперь вижу странности там, где их на самом деле нет.

Ближе к вечеру мы добрались до пространственного перехода, позволяющего изрядно сократить путь — в нашем случае вместо трех дней дорога должна занять всего три часа. Удовольствие не из дешевых, но по какой-то причине лорд Грайвен решил, что оно того стоит. Раньше я не сталкивалась с переходами. Да что там, я и Террею дальше предместий никогда не покидала! Вообще-то порталы — явление почти обычное, достаточно сильные маги то и дело пользовались ими, но стационарные переходы ничуть не походили на точечные разрывы пространства, и информации о них было удручающе мало. По крайней мере в свободном доступе. Неудивительно, что этого момента я ждала с особым нетерпением.

Экипаж остановился, и я, не удержавшись, тут же выглянула из окна. Правда, чтобы хоть что-то увидеть, пришлось некультурно высунуться чуть ли не по пояс, но это меня ничуть не смутило. У оказавшейся кокеткой дамы мнение обо мне уже и так сложилось отнюдь не лестное, господина поверенного я вряд ли когда еще повстречаю, а любопытство — зверек хоть и мелкий, но кусачий, с ним-то мне и придется жить.

Основная дорога, обрамленная высокими тонкими березками, бесконечной лентой стелилась вдаль к наливающимся закатными красками горизонту, от нее отделялась более тонкая полоса, которая вливалась в высокую, сложенную из грубо обработанных серых камней арку. Внутри арки клубилось мутное марево, а на подходе к ней, прямо на земле, скрестив ноги, сидел длинноволосый парень и увлеченно читал толстенную книгу. К нему-то и направился наш

кучер. О чем они говорили, слышно не было, но через минуту парень с видимой неохотой захлопнул книгу, сунул ее под мышку, ловко поднялся и оказался рядом с аркой. В попытке рассмотреть, что он там делает, я еще немного подалась вперед — и выпала бы из окна, не схвати меня кто-то за юбку. Ткань затрещала, но выдержала, и я, восстановив равновесие, поспешно вернулась на место, в дополнение ко всему едва не придавив развалившегося на сиденье рыжика.

Дама неодобрительно поджала губы и пробурчала что-то насчет недостойного взрослой женщины поведения, а господин поверенный, обнимая свой драгоценный чемоданчик, — будто и не тягал недостойно ведущую себя женщину за юбку — с недостойным взрослого мужчины жадным любопытством спросил:

— И что там?

— Колдует, — коротко ответствовала я, успокаивающе глядя возмущенного моей неосторожностью котенка. И с разочарованным вздохом добавила: — Видно плохо, разобрать не получилось.

Хотелось выйти из экипажа и подобраться ближе, чтобы во всех подробностях разглядеть, а в идеале еще и прочувствовать используемые чары, но правилами безопасности, которые объяснил нам кучер еще в городе, это почему-то запрещалось. Вот и пришлось изворачиваться... в самом прямом смысле. Хорошо, что было кому втянуть беспечную ведьму внутрь, иначе ждало бы дежурного мага бесплатное представление.

— Спасибо, — осознав, от какого конфуза избавил меня господин Карти, искренне поблагодарила я.

— Всегда к вашим услугам, — чуть заметно улыбнулся он, и мимолетная эта улыбка не коснулась его глаз.

Странный он все-таки. Я зябко повела плечами и прижала утихомирившегося рыжика к груди, и тут экипаж вновь тронулся. Лошади чуяли магию, но, одурманенные чарами подчинения, были послушны и взбрыкнуть не пытались, однако двигались мы медленно, рывками. Рыжик беспокойно завозился, и пришлось покрепче притиснуть его к себе. Еще и окно на всякий случай плотно закрыла, чтобы в случае чего перепуганный котик в него не сиганул. Откинулась на спинку и смежила веки, сквозь ресницы наблюдая за Нейваром Карти. И вскоре мои старания были вознаграждены.

Я знала, что с непривычки такой переход может подарить не самые приятные впечатления, но особенно остро все его «прелести» ощущали магически одаренные. И чем сильнее был дар, тем мощнее накачивала дурнота. Да, я была готова ко всему, но реальность оказалась непригляднее представлений о ней. В голове, казалось, неугомонный дятел поселился, сердце застучало чаще положенного, желудок взбунтовался... И за такое сомнительное удовольствие еще и деньги, причем немалые, требуют?! Да даже если бы мне заплатили, повторить подобное я бы не отважилась! Но если происходящее со мной было вполне ожидаемым, то господин поверенный немало удивил.

Под потолком плавал маленький световой шарик. Освещение он давал слабое, однако его вполне хватало, чтобы почитать — чем, собственно, и занималась невозмутимая дама, чье имя никак не могло зацепиться в моей памяти, — или же рассмотреть в подробностях все переливы зелени на еще больше побледневшем лице соседа, в котором я по-прежнему не чувствовала ни капли магии, но которой он, несомненно, обладал.

Впрочем, у каждого свои секреты. Оставалось надеяться, что секреты господина Карти не настолько опасны, чтобы сохранять их любой ценой.

Я торопливо зажмурилась, показывая, что мне нехорошо (и притворяться-то особо не пришлось) и вообще дела нет до чужих тайн. Может, и трусливо, зато вполне благоразумно. В открытом противостоянии лишённая поддержки амулетов и зелий ведьма магу не соперник. Это они тянут силу из источника напрямую, у нас же все сложнее. Не созданы ведьмы для битв, другое у нас предназначение, а потому на рожон без крайней надобности лучше не лезть.

— О боги!.. Как чувствовал, что не нужно обедать в той сомнительной таверне, — очень тихо простонал господин Карти. Я бы и не услышала, не будь столь напряжена.

Досадливый вздох подавила. Болтало в переходе прилично, и плохое самочувствие мужчины вполне можно было объяснить укачиванием и несвежей пищей. А я с ходу напридумывала всяких страшилок... Даже всерьез о возможной схватке размышляла! Как-то неправильно на меня путешествие влияет. Надеюсь, это лечится.

Успокоившись насчет попутчика, притерпевшись к неприятным ощущениям, убаюканная мерным покачиванием экипажа и мурлыканьем рыжика, я задремала. И проснулась от натужного скрипа и рывка, резкого настолько, что удержаться на месте не сумела — и оказалась в объятиях господина Карти. Все лучше, чем быть размазанной по стенке. Еще бы кое-кто руки при себе держал!

— Простите, — смущенно буркнул «кое-кто», пока мы спешно разбирались, где чьи конечности, и выпутывали из моих юбок чемоданчик.

Дама с неприличными выражениями шарила по полу в попытках отыскать книгу. Рыжик недовольно фыркал, вцепившись в мое плечо, и успел исподтишка цапнуть когтистой лапкой Нейвара Карти прямоком за нос. Господин уверенный зашипел не хуже кота, но от комментариев удержался. Вместо этого распахнул дверцу и громко поинтересовался:

— Что произошло?!

— Кажется, ось сломалась, — раздался расстроенный голос кучера. — Ума не приложу, как такое случилось!

— Везет же вам на экипажи, — проворчала я, столкнувшись взглядом с растерянным Нейваром. — Или же экипажам — на вас?

— Не будьте такой злоюкой, милочка, — проскрипела отыскавшая свою драгоценную книгу и оттого заметно подобревшая дама. — Юноша ни в чем не виноват.

Можно подумать, я его в чем-то обвиняла! Отвечать не стала. Передернула плечами и, подхватив котенка, выбралась на улицу.

Пока я спала, переход остался позади. Как и день — на мир опустились прозрачные сумерки весеннего вечера. Дорога, уже не такая гладкая и широкая, как прежде, разрежала зеленеющее поле, с правой стороны обрамленное далеким лесом. Слева, куда ближе к нам, тянулась редкая березовая рощица. Сладко пахло полевыми цветами и травами, которыми тут же заинтересовались уставшие лошадки, и не менее сладко щебетали птицы. А за рощицей на фоне догорающего заката темнели очертания сказочного замка.

— Совсем немного не доехали, — причитал кучер, суетясь возле экипажа. — Да что ж за невезение-то такое!

Судя по всему, ремонт мог затянуться на всю ночь. И провести ее в компании безымянной дамы и подозрительного господина совершенно не хотелось.

— Это и есть владения Грайвенов? — негромко спросила я у кучера, махнув рукой в сторону замка.

— Они самые, — со вздохом подтвердил тот, пиная жалобно скрипнувшее колесо.

— А далеко ли до них пешком? — не унималась я.

— Не очень, — растерянно отозвался кучер. — Не больше получаса. Если идти вон по той тропинке и никуда не сворачивать.

— Ну, тогда я пойду, — решила я.

Багаж оставлю, рано или поздно доставят. А налегке почему бы и не прогуляться, тем более после целого дня в дороге?

— И полевой нечисти не боитесь? — вкрадчиво спросили над ухом.

От неожиданности я вздрогнула и развернулась к господину уверенному, который на полном серьезе ждал ответа.

«Не больше, чем вас», — чуть не ляпнула я, лишь в последний момент успев прикусить язык.

— Ничуть, — сухо отозвалась я.

— А зря, — покачал головой Нейвар Карти. — Ночь вот-вот вступит в свои права, а места здесь, по слухам, не самые спокойные.

— Господин прав, барышня, — поддержал его кучер. — Не дело это беззащитным девушкам в одиночку ходить. На экипаже-то хоть амулеты есть...

— А я и не беззащитная девушка, я — ведьма, — обворожительно улыбнулась я отшатнувшемуся мужчине.

Ну да, светящиеся глаза обычно производят нужное впечатление... жаль, не на всех. Господин уверенный даже не дрогнул. То ли не первый раз ведьму видит, то ли мои подозрения более чем оправданы, и огоньки в глазах он получше моего зажигать умеет. И в таком случае чем дальше я от него буду, тем лучше.

А нечисти я, в отличие от магов, действительно не боялась. Ведьмовскую силу она чуяла и уважала и без веской причины вроде нестерпимого голода либо непреодолимого зова луны или

магии не нападала. До полнолуния было далеко, весной нечисть голодала редко, и вряд ли неподалеку засел злокозненный колдун, возжелавший подчинить себе окрестную мелкую пакость, и я не сомневалась, что мне ничего не грозит. И потому, не обращая внимания на робкие попытки кучера образумить вредную меня, пересадила сонного котенка на плечо и, подхватив излишне длинные юбки, направилась по узкой тропке в сторону заманчиво темнеющего замка.

ГЛАВА 6

Я опасалась, что подозрительный поверенный последует за мной, и, когда между нами оказалось приличное расстояние, вздохнула с облегчением. Вот теперь и правда нечего бояться — главный страх остался позади.

Закатные краски меркли, постепенно растворяясь в сгущающихся сумерках. На небе одна за другой зажигались неяркие пока что звездочки, а прямо над замком, рассекая тьму, завис тонкий серп месяца. Идти по едва обозначенной тропинке, вдыхая ни с чем не сравнимые ароматы весны, было приятно. Котик, которого отчего-то даже мысленно не получалось называть выбранным им самим именем, смиренно лежал на моем плече, не помышляя о самостоятельной прогулке, и я перестала его придерживать. На редкость умный пушистик, пусть и упрямый. Но в этом мы с ним похожи, так что не мне жаловаться. До рощицы я дошла быстро. Приветственно коснулась бархатистой коры ближайшей березы, испрашивая разрешения войти в ее владения, и, почувствовав разлившееся под ладонью тепло, улыбнулась. И додумались ведь пугать светлую ведьму нечистью, и ладно бы на кладбище каком! Там я, может, еще и испугалась бы, но здесь... Здесь все было за меня. Тихо шелестящие листиками березы, мягко стелющаяся под ногами трава, сама земля и воздух, наполненные первозданными силами пробужденной после зимнего сна жизни. И эти силы, заставляющие обычных людей улыбаться и радоваться, зывали к моей сути, отчего кружилась голова и туманился разум.

Сама не заметила, как замедлила шаг, наслаждаясь легким ветерком, скольльзящим по коже, и сладкими запахами, пьянящими подобно вину. Вспомнилось, что я с прошлой осени не покидала город — не до того как-то было, все откладывала и откладывала, — и нестерпимо захотелось, позабыв обо всем, слиться с природой, впитать как можно больше силы, наполнить ею уставшую за долгую зиму душу и измученное дорогой тело... Едва удалось взять себя в руки. Не время сейчас, да и не место. Следом вполне может идти кто угодно, да тот же господин поверенный. Совершенно не горю желанием радовать его ритуалом, не предназначенным для чужих глаз.

— У меня еще будет возможность, — тихо проговорила я, стараясь дышать медленно и глубоко. — И не одна.

Дальше я шла, стараясь не поддаваться зову разлитой вокруг силы. И настолько сосредоточилась на этом, что не успела среагировать, когда над головой что-то громко хрустнуло, ухнуло, а котенок, издав испуганный мям, сиганул с моего плеча и скрылся в зарослях шиповника.

— Да твоих же демонов!.. — бессильно взывала я, поборолла желание подпалить хвост сое-разбойнице и, подхватив край длинной неудобной юбки, бросилась вслед за рыжиком. Котенок, невзирая на мелкий рост и короткие лапки, бежал быстро какими-то скачками, словно кузнечик-переросток. Но мало кто может сбежать от злой ведьмы, а в тот момент я была очень и очень зла. В первую очередь на себя — расслабилась, размечталась, носись теперь среди деревьев, как бешеная белка! И рыжик бы непременно попался... не подвернись раньше под ноги выступающий из земли корень, о который я запнулась, упала — и будто очнулась. Стараясь не упустить из виду кончик пушистого рыжего хвоста, гордо развевающегося над травой, я не сразу заметила: что-то не так. А сейчас будто пелена с глаз упала.

Я медленно поднялась, отерла ладони о юбку и удивленно огляделась. По ощущениям, погоня продлилась всего ничего, но место, где я оказалась, мало напоминало редкую рощицу, через которую вела тропа к замку. Деревья здесь росли чаще, причем не тонкие березки, а сплошь толстые дубы и разлапистые ели. Шаловливый ветерок исчез, воздух стал влажным, точно

после затяжного дождя, тяжелым, птицы смолкли, лишь ухала неподалеку сова, назойливые комары и те исчезли. А главное — той силы, что пьянила и одновременно обещала поддержку, больше не было.

Я шагнула назад, прижалась спиной к шершавому стволу дуба и крепко зажмурилась.

Досчитала до десяти и открыла глаза. Ничего не изменилось. Каким-то неведомым образом я оказалась в мрачном лесу. Но как?!

— Я сошла с тропинки, — прошептала, до боли сжимая кулаки. — Кучер сказал, что до замка недалеко, если с нее не сворачивать... Но ведь она вела к замку не по прямой!

Закусив губу, застонала от досады. Взрослая светлая ведьма, ага! Додуматься, что тропку-то не зря так проложили, не сумела! А ведь про аномальные пространственные искажения не раз и не два слышала, даже доклад на эту тему в свое время писала! Хотя... Даже если бы в самом начале заподозрила неладное, все равно бы рыжика не оставила. Привыкла к нему, а котик один в лесу пропадет. В отличие от ведьмы, пусть даже временами безголовой.

— Не смей расклеиваться, Кая, — преувеличенно бодрым голосом проговорила я, — сейчас выберемся. И рыжика найдем. Далеко меня просто не могло бы забросить, так что...

Я выбралась из укрытия, задрала голову, чтобы свериться со звездами, и недовольно выдохнула: кроны деревьев переплелись столь плотно, что практически полностью заслонили небо.

— Ну и пожалуйста, — тихонько фыркнула я, прикрыв глаза. — Мы и по-другому умеем...

Я действительно умела. Любая, даже самая слабая ведьма всегда и всюду чувствует направление, уж с этим-то у меня проблем нет... не было. До сегодняшнего поистине демонова вечера. Тряхнув головой, я отошла подальше и вновь прислушалась к себе. Ни-че-го.

Абсолютно ничего! Как ни старалась, я не могла определить, в каком направлении нужно двигаться, чтобы выбраться на дорогу, что было в высшей степени странно и, чего уж там, пугающе.

От неожиданного и более чем неприятного открытия я растерялась. Чувствуя, что вот-вот запаникую, шелкнула дрожащими пальцами — и вздохнула с облегчением, когда над ладонью неярко вспыхнул бледно-зеленый светлячок. Моя сила никуда не делась, и это давало надежду. Пусть внутренний компас временно отключился, но я и без него справлюсь. Не зря же мне все-таки выдали диплом?

О том, что котенка могло перебросить куда угодно, старалась не думать. Он же совсем маленький и легкий, переход, скорее всего, просто не сработал. Значит, пушистик до сих пор там, в рощице. Или уже рядом с замком. Выберусь отсюда, найду котенка... и постараюсь больше не влипать в неприятности.

Побродив среди мрачных деревьев и не растянувшись среди них лишь благодаря парящему над плечом светлячку и изрядной доле везения, я отыскала более-менее приличную полянку и принялась чертить подобранной по пути толстой веткой небольшой круг. Быстро заполнила его символами, надеясь, что кривое исполнение на результат не особо повлияет, и влила в рисунок немного энергии. Он вспыхнул золотистым светом и тут же погас, однако я успела поймать ощущение направления. Затерла круг ногой и, на всякий случай прихватив увесистую палку, отправилась туда, куда тянуло больше всего.

Через несколько шагов я вновь споткнулась и едва устояла на ногах. Меня шатало, перед глазами плыло, и хотелось лишь одного: свернуться калачиком под ближайшей елкой и уснуть. Но желание это я безжалостно подавила и, опираясь на палку, упрямо побрела дальше.

Неправильное место, жуткое, оно не делилось силой, наоборот, исподволь вытягивало ее. Чем дольше я здесь нахожусь, тем слабее становлюсь. И если поддамся навалившейся усталости и действительно прилягу под каким-нибудь деревцем, то рискую никогда не проснуться.

И я шла. Едва переставляя ноги, с трудом урывая каждый глоток воздуха, но все же. И когда нечто давящее, чуждое и голодное исчезло, упала на колени, оперлась ладонями о землю и чуть не разревелась.

Здесь все еще не было свободной магии, но хватило и того, что больше ничто не пыталось забрать мои собственные силы. Поднявшись, я оглянулась и вздрогнула. Высокие, иссиня-черные ели стояли плотно, напоминая сомкнувших ряды воинов, оцетинившихся мечами, — даже удивительно, как я пройти сумела. Участок леса, что остался позади, казался нереальным. Там, где я стояла, чувствовалась жизнь, а всего в нескольких шагах...

Там явно кто-то был. Я не столько увидела это — слишком уж часто росли воины-ели, — сколько ощутила. Кто-то медленно, но неуклонно приближающийся к границе тьмы и обычной ночи. И он явно видел меня.

Я попятилась, чуть было не растянулась на земле, а когда восстановила равновесие, поняла, что ничего больше не чувствую. Видимо, нервы совсем расшались.

Выдохнув, я резко развернулась и так быстро, как только могла, пошла дальше, больше не оглядываясь.

Природа по-прежнему не желала делиться силами с вымотанной и почти досуха выжатой ведьмой, что несказанно расстраивало. Сейчас бы я, не раздумывая, приняла бы эту силу, но чего нет — того нет. И я понадеялась, что, отойдя подальше от жуткого места, сумею-таки восполнить выпитые неизвестно чем или кем силы. С каждым шагом лес оживал.

Непроглядную прежде тьму разбавило сияние звезд, вновь появился ветерок, зашелестели, зашептали приветливо ветви, зазвенел над ухом оголодавший комар, донеслись издалека соловьиные трели. И тихо-тихо, но вместе с тем ясно зазвучала грустная песня, от которой на миг перехватило дыхание, а на глазах выступили слезы. Еще шаг, другой... И передо мной в звездном свете замерцала зеркальная гладь лесного озера. Певуньи не было видно, лишь разносился окрест волшебный голос.

Русалка. Нечисть, чьим чарам невозможно противиться, чьи глаза глубже и опаснее любого омута, сердце — мертво и не знает жалости, а ледяные пальцы смыкаются на горле жертвы крепче любых тисков. И будь я женщиной, моя судьба была бы решена, но для меня водяная дева опасности не представляла. Как и я для нее — интереса.

Озеро, напоминающее круглое оконце в сказочный мир, так и манило, и я позволила себе подойти ближе, коснуться кристально чистой воды, в которой отражалось бархатное небо и яркие, похожие на самоцветы звезды. Умиротворение наполнило душу до краев, выплеснулось улыбкой и тихим счастливым смехом. Усталость как рукой сняло, и захотелось сбросить надоевшее неудобное платье и, вздымая мириады брызг, нырнуть в темные глубины. Дотянуться до дна, увидеть певунью, поделить с ней подаренной ее песней радостью... остаться там, чтобы тоже однажды научиться дарить счастье другим.

Я зачарованно потянулась к воде, неотрывно глядя на собственное отражение. Оно сияло. Или же это я? Говорят, от счастья люди светятся. Совсем как светлячки...

— Назад, ненормальная!

Резкий окрик словно кнутом обжег, заставив очнуться, но взметнувшаяся из воды рука, вцепившись в мое запястье, не позволила отшатнуться. Дернула с нечеловеческой силой, и я успела заметить, что отражение вовсе не мое... и вовсе даже не отражение! Магия взбурлила в крови, кончики пальцев налились жаром... а потом я, увлекаемая когтистой рукой, все-таки погрузилась в воду.

Синее небо. Синяя вода.

И легкие горят от нехватки воздуха.

Нечисть сильна, но разъяренная, пусть даже и юная ведьма — сильнее.

Синее небо. Синие глаза.

Вдох. Выдох.

Светлячок...

И все растворяется в крошечной тьме. Да и было ли то на самом деле?

Нет.

Ни неба. Ни странно знакомых глаз. Ни вдоха.

Воздух закончился раньше...

Мстительные порывы, особенно необдуманные, до добра не доводят. В этой непреложной истине Эван убедился на собственном опыте. Вместо того чтобы как можно быстрее убраться из Терреи, он, как последний дурак, потратил силы на полнейшую ерунду. А как еще назвать попытки вызвать у игруньи угрызения совести? К тому же наверняка еще и неудачные: вряд ли у нее была совесть. А даже если и была, гарантий, что видения дошли до адресата, никто бы не

дал. В итоге Эван в самом прямом смысле свалился с ног и проспал оставшуюся часть ночи и добрых полдня.

Немало времени ушло на то, чтобы изменить внешность. С зельем было бы проще, тем более что нужное у Эвана имелось, но, во-первых, с зельями и без того вышел перебор, а во-вторых, на того, с кем он больше всего не хотел бы встретиться, это могло и не подействовать.

Пришлось прибегнуть к помощи обычного грима, накладных усов и аккуратной бородки. И на покупку приличного костюма и трости — чудеса акробатики даром не прошли, и ногу он все-таки подвернул, — раскошелиться. В костюме, да еще и с лишней растительностью на лице Эван чувствовал себя на редкость неуютно и глупо, но оно того определенно стоило.

Представительного господина, у которого, между прочим, и с бумагами полный порядок, никто ни в чем не заподозрит. И все бы получилось в лучшем виде, не сломайся демонов экипаж. Солнце разошлось не на шутку, и в плотном костюме очень быстро стало жарко. И это еще полбеды — вскоре Эван почувствовал, что грим, который ушлый лавочник нахваливал на разные лады, не столь уж и жароустойчив, как было обещано. В дополнение ко всем неприятностям накладные усы и борода немилосердно кололись. Хотелось сорвать их, умыться ледяной водой и забыть об этом маскараде как о страшном сне. Но Эван терпел. До тех пор, пока внешние неудобства не померкли перед зарождающимся в душе беспокойством. Интуиции Эван доверял всегда — и она его еще ни разу не подводила. И сейчас она прямо-таки вопила о необходимости действовать. Немедленно.

Махнув рукой без энтузиазма копающемуся возле колеса кучеру, Эван скрылся за ближайшими кустами, с облегчением сорвал до одури надоевшие усы и бороду, отер лицо влажным платком, решительно достал из сменившего потрепанную сумку модного чемоданчика янтарно-желтую склянку и, зажмурившись, сделал глоток. Подождал немного, посмотрелся в блестящую крышечку карманных часов и побежал — насколько позволяла больная нога — к развилке, которую не столь давно миновал экипаж.

«Быстрее! Еще быстрее!» — кричали обострившиеся чувства, и он торопился изо всех сил, не понимая пока что, куда и зачем, но точно зная — так надо.

И буквально выкатился под копыта запряженных в экипаж лошадок. Едва увернуться сумел. И не только увернуться, но и напроситься в попутчики к двум дамам, которые вместо того, чтобы прогнать странного чужака, милостиво решили его подвезти.

Вернее, милостивой и благосклонной оказалась лишь одна из них — пожилая, но отчаянно молодящаяся особа, которую его присутствие явно обрадовало. А вот вторая к неожиданному попутчику отнеслась с настороженностью. От молодой женщины с медно-рыжими волосами так и веяло недоверием... и силой. Ведьма. Светлая. Разглядев это, Эван поскущел. Нет, он, конечно, вовсе не ждал, что в экипаже окажется неуловимая игрунья собственной персоной. Хотя нет. Именно чего-то в этом роде он и ожидал. Не зря же его так сюда влекло?! И теперь приходилось изображать интерес, слушая престарелую кокетку, ловить на себе подозрительные взгляды рыжей Эммы и ее такого же рыжего кота и надеяться, что зелье сработало как надо, а амулет, с которым он не расставался, скроет от внимательного взора зеленых глаз его истинную ауру. Совершенно точно скроет. Даже если ведьма настолько сильна, что может видеть сквозь созданный зельем образ, семейная реликвия ей не по зубам.

Демонов переход чуть было все не испортил. Скрутило так, что стоило большого труда держать себя в руках, а для слишком внимательной ведьмы выдать что-то о несвежем обеде.

Напряженная, словно приготовившаяся к битве Эмма вроде бы проглотила объяснение, и Эван от души понадеялся, что до конца совместного пути ничего непредвиденного больше не случится. Маги, конечно, сильнее ведьм, если речь идет о прямом столкновении, но конкретно эта ведьма явно напугана, а потому опасна тройне. Как приложит каким-нибудь пакостным проклятием — за полжизни не избавишься.

Но все же лучше ехать, пусть даже и в такой сомнительной компании, чем жариться на солнышке близ Террей. А справившись с острым разочарованием, волнением и неуверенностью, Эван обратил-таки внимание на то, что и с самой ведьмой не все так просто, как казалось на первый взгляд.

Нет, она определенно была светлой. Но в затуманенной зельями голове Эвана то и дело что-то шелкало, и образ Эммы расплывался, теряя четкость и краски, и тогда мерещилось, что напротив сидит совершенно другой человек. Эван болезненно щурился и закрывал глаза, и все вставало на свои места. До следующего приступа.

А может, и не в ведьме дело. Злоупотребление зельями еще никому на пользу не шло, и надо бы с ними завязывать, пока еще реальность окончательно не перемешалась с галлюцинациями.

А может, и вовсе со всем завязать...

Подлая мысль мелькнула юркой ящеркой, но обожгла так, что Эван чуть не взвыл. О том, чтобы сдать, он никогда даже не помышлял, и сейчас счел мимолетную слабость чуть ли не предательством. Нет. Ни за что. Не для того положил столько сил и времени, чтобы вот так просто опустить руки. К тому же интуиция расслабленно шептала, что он движется в верном направлении. Верном во всех смыслах. Рано или поздно он доберется до игруньи. Найдет ее и...

Сладкие мысли о неизбежной мести прервал резкий рывок, и экипаж остановился.

Да что такое! Второй раз за день!

— Везет же вам на экипажи, — не преминула уколоть Эмма, практически прожигая Эвана взглядом. — Или же экипажам — на вас?

Остро захотелось ответить чем-то не менее колким, но пожилая дама, имени которой он не запомнил, сочла своим долгом вмешаться. И к счастью — не хватало еще с ведьмой поспорить. Причем с ведьмой совершенно сумасшедшей! Нормальной и в голову бы не пришло отправиться неизвестной дорогой на ночь глядя, да еще и в одиночку. Мелкий кот, разумеется, не в счет.

Хотя ведьмы, наверное, все как одна безумны. Что светлые, что темные. И держаться от них желательно как можно дальше. Этому правилу Эван всегда неукоснительно следовал. Вплоть до сегодняшнего вечера.

Пока кучер, стена на разные лады, пытался починить ось, а пожилая кокетка ударились в очередное воспоминание давным-давно минувшей юности, Эван с непонятной тревогой следил за тонкой фигуркой, постепенно растворяющейся в сгущающейся тьме. Ни мгновения не раздумывая и позабыв о больной ноге, сорвался на бег, когда вдали что-то полыхнуло, а кожи коснулось едва заметное дыхание остаточной волшбы.

До места добрался быстро. Нахмурился, осматривая едва различимую белесую дымку в стороне от тропы. Рядом, противно воя на одной ноте, крутился мелкий ведьмин зверь. Самой же Эммы нигде не было.

— В аномалию угодила ненормальная, — недовольно цыкнул Эван и уставился тяжелым взглядом на котенка: — Твоих лап дело?

Звереныш покайнно мяукнул.

— Будешь распускать зубы и когти — съем, — на полном серьезе пригрозил Эван, сунул покорно притихшего котенка за пазуху и, тяжело вздохнув, шагнул в марево перехода. От ведьм, тем более чокнутых, лучше держаться подальше. Но только не тогда, когда одна из них нуждается в помощи.

ГЛАВА 7

Из темных холодных вод небытия я вынырнула резко, будто вытолкнул кто, рванулась вперед к спасительному воздуху, вдохнула полной грудью... и очнулась.

Я полулежала, утопая в подушках, на мягкой постели. Комнатку с большим окном заливал золотистый утренний свет. Рядом со мной на одеяле трогательным клубочком свернулся рыжик. Не удержавшись, сцапала сонного котика и от души потискала, теплого и доверчиво сопящего. Нашелся! И я, кажется, тоже нашлась, причем не только живая, но и вполне здоровая. Знать бы еще, кого за это благодарить.

Оставив котенка досыпать, я спустила ноги на пушистый ковер и, путаясь в длинной ночной сорочке, подошла к висевшему на противоположной стене зеркалу. Оттуда на меня настороженно взирала отчаянно бледная и всклокоченная рыжая ведьма. Под зелеными глазами залегли тени, правую щеку пересекала длинная царапина. То ли ветку какую задела, то ли русалка постаралась. Неприятные воспоминания окатили холодом. Вот уж не думала, что русалок действительно стоит бояться! Нет, это неправильная русалка. Сумасшедшая. Одичала в своей глуши настолько, что начала кидаться на всех без разбора. Как же мне удалось спастись? Я вновь оглядела комнату, заметила узкую дверцу и, обнаружив за ней ванную, с удовольствием воспользовалась горячей водой, душистым мылом и большим полотенцем.

На спинке изящного кресла висело мое дорожное платье, которому досталось куда больше, чем мне. Даже вычищенное и выглаженное, смотрелось оно жалко, но это не слишком расстроило — возле кровати стояли мои сумки. Не глядя выхватила первый попавшийся наряд, оказавшийся темно-зеленым, в цвет глаз, встряхнула его, приводя в порядок несложным бытовым заклинанием, и быстро переделалась. Волосы скрутила в аккуратный пучок и, поняв, что дел больше не осталось, замерла у зеркала, не зная, что предпринять. Выйти из комнаты и поискать хозяев? Или же подождать, когда кто-нибудь решит проверить, очнулась ли нежданная гостя? Судя по солнышку, еще довольно рано, вряд ли будет уместно бродить по незнакомому дому.

Пока я размышляла, дверь бесшумно приоткрылась, и знакомый голос с привычным уже неодобрением проскрипел:

— Вы очнулись, милочка? Прекрасно. Но на вашем месте я оставалась бы в постели.

— Спасибо за беспокойство, но я хорошо себя чувствую, — окинув взглядом свою бодрую попутчицу, на сей раз разряженную в нечто белое и излишне кружевное, улыбнулась я.

— В таком случае рекомендую спуститься. Деррек выразил желание поговорить с вами сразу же, как вам станет лучше, — поджала губы дама. Очевидно, она ожидала обнаружить не живую, хоть и потрепанную ведьму, а немощную девицу на последнем издыхании. Что ж, не всем нашим чаяниям суждено сбыться.

Значит, я все-таки попала туда, куда стремилась. Я вышла в широкий коридор, утопающий в живых цветах, и, прикрыв дверь, пошла вслед за дамой. Надо бы все-таки узнать, как ее зовут, и запомнить, раз уж нам предстоит встретиться.

Шли мы долго, и то, что я видела, мне очень нравилось. Все было светлым, воздушным, просторным — и при этом уютным. Домашним. Много цветов в кадках и за большими прочными окнами. Удобные резные скамеечки вдоль стен. Открытые галереи и переходы. Витражи, расцветивающие светлый камень всеми цветами радуги. Лестницы с причудливыми перилами. Просторный холл с выложенным солнечно-желтой и серой мозаикой драконом на полу. С верхних ступенек лестницы дракон выглядел так, словно вот-вот оживет. Жаль, что дама торопилась и нигде не задерживалась. Но ничего. Если Деррек Грайвен не заподозрит неладное и не передумает брать на работу умудрившуюся влипнуть в неприятности ведьму, еще будет время все рассмотреть.

Или же нет...

Меня запоздало охватило волнение и сожаление. Ну вот зачем я ввязалась во все это? Сбежала из города, да еще под чужим именем, словно какая-то преступница. Детская выходка, вначале показавшаяся увлекательным приключением, сейчас предстала в ином, не самом выигрышном свете. Но отступить было поздно. Зато немного оттянуть встречу и необходимость лгать — вполне еще можно, к тому же и достойный повод имелся.

— Скажите, — спросила я у молчаливой дамы, — как я здесь оказалась?

— Благодарите за это господина Нейвара, милочка, — неохотно обронила она. — Это он помчался за вами, едва поняв, что вы попали в беду. Он же и принес вас к экипажу. Вернее, выпал из портала практически без чувств. А вот о подробностях спросите у него. Когда бедный юноша оправится от случившегося — ему досталось, пока он вас спасал. Несмотря на ваш вздорный характер.

Это у меня-то характер вздорный?! От возмущения я даже о муках совести забыла. Но дабы ненароком не укрепить нелестное мнение, проглотила крутящиеся на кончике языка высказывания. Демоны с ней, вот уж чей характерец точно не сахар. Да и удивление, что я обязана своим спасением именно господину поверенному, помогло обуздать обиду. Значит, права я оказалась, не так уж и прост наш случайный попутчик. Но поразмышлять об этом не получилось — мы как раз добрались до тяжелых дубовых дверей кабинета лорда Грайвена. А за дверями, отворившимися легко и беззвучно, царил полумрак, создаваемый наполовину задернутыми шторами, и абсолютный порядок. Старая массивная мебель красного дерева и преобладающие темные цвета после воздушности других интерьеров дома смотрелись странно и мрачно. Мрачен был и сам хозяин. Он стоял возле книжного шкафа, заложив руки за спину, и скользил тяжелым взглядом по корешкам книг, словно не в силах выбрать. Я замерла на пороге, но обычно степенная дама коварно ткнула меня в спину и плотно закрыла за мной дверь. От неожиданности я сделала несколько шагов и замерла, глядя на будто ничего и не заметившего Деррека Грайвена.

По сравнению с тем же Атоном Клайданом он был невысок и неширок в плечах, но все равно казался статным и сильным. Домашний светлый костюм очень шел к смуглой коже и светло-русые волосы, собранные на затылке в короткий хвостик. Заметив, что хозяйин дома бос, я озадаченно хмыкнула и, опомнившись, негромко сказала:

— Доброго дня, милорд.

Взгляд ярких темно-серых глаз Деррека Грайвена, соизволившего обратить на меня сиятельное внимание, оказался неожиданно цепким и внимательным. Не будь я уверена, что маги, пусть даже и сильные, не способны разглядеть истинный облик, подправленный ведьминскими зельями, непременно заподозрила бы босого лорда в этом умении.

— Прошу прощения, госпожа Марен, — приятным глубоким голосом произнес он, разрушая возникшее было напряжение. — Задумался. Со мной иногда случается.

— Эмма, — поправила я, непроизвольно поморщившись, — слишком уж непривычно и чуждо звучало мое новое имя. До сих пор так и не привыкла.

— Ах да, прошу прощения еще и за это, — обезоруживающе улыбнулся лорд Грайвен. — Я слышал, что у ведьм свои правила насчет имен, но вот на практике сталкиваться не приходилось. Как вы себя чувствуете?

— Прекрасно, благодарю, — отозвалась я.

— Счастлив, что неприятное происшествие никоим образом на вас не сказалось. В окрестностях замка случаются свои магического фона, из-за чего возникают различные аномалии. Я отслеживаю их и нейтрализую... обычно успешно. Портал, в который вы попали, открылся перед самым вашим прибытием, и я узнал о нем слишком поздно. И мне очень жаль, что вы пострадали из-за моего недосмотра.

Деррек Грайвен говорил взволнованно и искренне, и у меня не было причин усомниться в его словах — как не было и мысли о том, чтобы в чем-либо его обвинять.

— Не стоит об этом беспокоиться, — покачала я головой. — Даже сильнейшие маги не способны контролировать природные аномалии. А в моей невнимательности вашей вины нет.

— Рад, что вы не затаили обиды, — удовлетворенно улыбнулся Деррек, убедившись, что истерик и претензий со стороны ведьмы не предвидится. — Присаживайтесь, госпожа Эмма, — указал он на одно из кресел возле стола. — Обсудим некоторые моменты вашей работы. Если вы, конечно, не передумали здесь оставаться.

— Не передумала, милорд, — отозвалась я, стараясь, чтобы голос звучал твердо и уверенно. Главное, чтобы меня саму не посчитали недоразумением и не выставили за порог. Подавив тяжелый вздох, я опустилась в кресло, жесткое и неудобное, и выжидательно уставилась на Деррека.

— Илина — хорошая, милая девочка, — наконец начал он, медленно подойдя к столу и взирая на меня сверху вниз. — Она не доставит вам особых проблем. Все, что от вас требуется, — присмотреть за ней и направить ее силу в нужное русло, если понадобится. Ее дар невелик, и можно было бы и вовсе обойтись без наставницы, но...

— Вы беспокоитесь за сестру. Это естественно, — улыбнулась я, когда Деррек замаялся. С каждым его словом крепла уверенность, уходило напряжение и паника, и я осознала, что непременно справлюсь. А раз так, то какая разница, под каким именем? Главное, выполнить свои обязанности, а заодно отдохнуть от матушки и бесконечного парада женихов. И все от этого только выиграют.

— Беспокоюсь, да, — повторил лорд Грайвен и растерянно запустил пятерню в волосы, отчего сразу же приобрел еще более домашний вид. — Но дело не только и не столько в этом. В первую очередь я беспокоюсь за других. Понимаете, Эмма... Дар Ирины проснулся совсем недавно и на редкость не вовремя. На днях сестре исполнится восемнадцать, и я обещал ей настоящий праздник. Скоро начнут съезжаться гости... много гостей. И я не хотел бы, чтобы кто-то пострадал из-за того, что Илина не может себя контролировать. — Он помолчал, нервно побарабанив тонкими пальцами по столешнице, и глухо добавил: — Или же чтобы пострадала она, если кто-то вдруг решит ответить силой на силу.

А вот это уже намного серьезнее, чем я предполагала. Пробуждение магии, не важно, какого цвета, не самый приятный процесс, тем более если оно произошло столь поздно. Девушка невольно может навредить не только себе, но и окружающим, и от силы дара тут мало что зависит. А уж если кто-нибудь додумается до ответной реакции... Я вздрогнула и постаралась даже не думать об этом.

— Не лучше ли в таком случае отменить праздник? — осторожно предложила я.
— Это невозможно, — резко помрачнел Деррек, и я не решилась на дальнейшие расспросы. У аристократов свои причуды. Только я вот совершенно не была уверена в том, что оные оправдывают риск. Но и лезть, куда не просят, не собиралась. Раз Деррек Грайвен считает допустимым рисковать здоровьем, а то и жизнью сестры — пусть. Я же сделаю все, чтобы с девочкой ничего не случилось. Дара права: опыт в этом нелегком деле у меня имелся немалый, а светлая ведьмочка со слабым даром вряд ли может сравниться с темной оторвой, способной при первом же удобном случае одну половину города разнести магией, а вторую — разобрать собственными нежными ручками.

— Вы все еще согласны остаться? — по-своему расценив мое молчание, напряженно спросил лорд Грайвен.

Будь выбор, я бы, может, еще и подумала — опыт опытом, но ответственность слишком велика. Но отказ от этой работы означал немедленное возвращение домой, и кто знает, удастся ли найти что-то более подходящее, чтобы удрать оттуда вновь и при этом не оказаться без дела. Да и жалко бедную девушку, которую я пока что не знала, но которой уже от души сочувствовала. Я действительно в силах ей помочь. И, что немаловажно, хотела этого.

— Согласна, — решительно ответила я.

— Тогда я должен попросить вас подписать это. — Лорд подвинул ко мне плотный белый лист бумаги, испещренный ровными строчками.

Я вчиталась в них — и удивленно хмыкнула. Однако... Казалось, что я поступаю на службу в тайный сыск, а не устраиваюсь присматривать за юной девицей!

— Вас это смущает? — уловив мои колебания, спросил Деррек. — Не волнуйтесь, это всего лишь стандартная защита. Традиция моей семьи, не более. Не хотелось бы ее нарушать.

В голосе лорда едва заметно зазвенело напряжение, и я, решившись, потянулась за ручкой и поставила под документом свою подпись, которая, тотчас же вспыхнув золотом, связала меня клятвой, что никогда, ни при каких обстоятельствах я никому не открою не несущих опасностей секретов этого дома и его обитателей, ежели таковые станут известны. Условие, конечно, странное, но вполне выполнимое. Да и какое мне дело до чужих тайн? Я и без клятвы и не подумала бы о них болтать.

— И еще одно, — убирая в ящик стола бумагу, проговорил Деррек. — Мой дом в вашем распоряжении, вы вольны ходить где угодно, кроме западного крыла.

Он посмотрел так, как если бы ожидал расспросов, но я лишь кивнула, соглашаясь, и, под облеченный вздох Деррека поднявшись на ноги, поинтересовалась:

— Когда я могу увидеть свою подопечную?

С Илиной Грайвен меня обещали познакомить через час за завтраком и отпустили восвояси, позволив изучать дом — за исключением западного его крыла — и делать все, что заблагорассудится. В пределах разумного, конечно же, но в том, что ведьма ему досталась приличная, лорд Грайвен не сомневался, что было приятно.

Покинув кабинет, я оказалась предоставлена сама себе — вредная дама исчезла. Дорогу я запомнила, и путь назад неприятностей не доставил. А вот то, что за все время мне не попался никто из слуг, насторожило. Хотя... Если Деррек Грайвен и в самом деле такой сильный маг, как уверяла Дара, слуги ему и не требуются. Зачем, если можно использовать бытовые чары? И для этого вовсе необязательно самому обходить весь дом, монотонно читая заклинания, достаточно нескольких артефактов, которые время от времени нужно напитывать силой. Причем напитывать щедро, от души, и ни в коем случае не допускать полной разрядки. Недешевый способ, но если этой силы с избытком, то почему бы и нет? Надежно, эффективно и, главное, без посторонних людей в доме. Надеюсь только, готовит здесь настоящий повар, а не новомодный и, к счастью, не успевший прочно войти в обиход артефакт, о котором папа не так давно рассказывал. И не только рассказывал, еще и на практике показал, как он работает... и результатами оной работы угостил. Право слово, лучше день за днем обходиться криво нарезанными бутербродами, чем еще хоть разочек отведать подобной стряпни!

Понадеявшись на коварную даму, я не уточнила у лорда Грайвена, где поселили Нейвара Карти. Неплохо бы его проведать, осведомиться о самочувствии... и поблагодарить. А еще узнать, наконец, что именно произошло возле проклятого озера, как господину поверенному удалось меня отбить, и кто он такой на самом деле. Последнее, конечно, вряд ли удастся, но

попробовать все выяснить определенно стоит. Ведь главное я уяснила: зла этот странный человек мне не желает, иначе не бросился бы, рискуя жизнью, на помощь. В подобных размышлениях и разглядывании интерьеров до комнаты я добралась незаметно. Коснулась двери и застыла, напряженно вслушиваясь в возню и приглушенное хихиканье, доносящиеся из-за нее. Недолго думая, я решительно распахнула тяжелую створку, приготовившись, казалось бы, ко всему: и к защите, и к нападению, но только не к тому, что увидела.

По ворсистому светлому ковру, азартно взмуркивая и распушив хвост, носился рыжик, когтистыми лапками пытаясь подцепить ярко-алый атласный бантик на такой же ленточке. Ленточку крепко держала тоненькая светловолосая девушка в коротком, чуть выше колен, белом платье. Она ловко переступала босыми ногами, не давая котенку поймать вожаделенный бантик, и тихо смеялась, когда рыжик совершал особо затейливые акробатические кульбиты. На меня ни пушистик, ни девушка, полностью поглощенные игрой, внимания не обратили. Картинка, представшая моему взору, была настолько яркой и живой, что я залюбовалась. Но торчать на пороге и дальше казалось глупым, а потому я, закрыв за собой дверь, негромко поздоровалась:

— Доброго утра, леди Грайвен.

Ну а кем она еще могла быть? Слишком уж явное сходство прослеживалось с Дерреком: овал лица, цвет волос и глаз... и привычка ходить босиком.

Девушка вздрогнула и выпустила ленточку, чем тут же воспользовался рыжик. Урча, он вцепился в законную добычу и уволок ее под кровать.

— Госпожа Эмма? — смущенно улыбнулась она, пряча руки за спину. — Простите за вторжение, я... проходила мимо и услышала мяуканье. Он так жалобно плакал... И я просто не смогла не проверить!

А проверив, не смогла удержаться и не составить пушистику компанию.

— Ничего страшного, — покачала я головой, прекрасно зная, что на жалость мелкий, но хитрый котик умеет давить профессионально. Как и очаровывать с первого взгляда и, чувствуя, на всю жизнь. — Вижу, вы нашли общий язык, и надеюсь, нам это тоже удастся. Позвольте проверить уровень вашего дара, леди?

Илина вновь улыбнулась, на этот раз гораздо смелее, и кивнула.

— Можно просто по имени и на «ты», — предложила она. — Так привычнее...

— Хорошо, — согласилась я, едва сдержавшись от ответного предложения.

Это было бы простительно Кайре Наррай, но не Эмме Марен, которая чуть ли не вдвое старше Ирины и должна вести себя соответственно и возрасту, и статусу наставницы, и... о, сколько еще этих «и», на которых я могу погореть! Нужно быть осторожнее. А потом... я привыкну. Между тем Илина присела на застеленную кровать и протянула руку. Я коснулась ее и зажмурилась, дыша как можно глубже. Мне уже приходилось определять уровень сил, но это было давно, и я боялась, что могу что-то сделать не так. Но страхи не оправдались: все получилось неожиданно легко, словно само собой. Ниточка чужой силы в моих пальцах была тонкой, но удивительно яркой. Она сияла подобно солнечному лучу и излучала приятное тепло. Девочка-солнце.

Слабый, но на редкость чистый дар. С такой проблем возникнуть просто не должно. А что касается силы... ее и увеличить можно. Если Илина того захочет.

Странно, конечно, что в роду сильных магов родилась ведьма, да еще и такая слабая. Жаль, что подготовка к отъезду проходила в спешке и не было времени разузнать о Грайвенах подробнее. Дара тоже не особо много знала, да и, судя по всему, не слишком-то это ее интересовало. При мысли о подруге я улыбнулась. Вот уж кому точно не понравилась бы прогулка по ночному жуткому лесу... вот уж кто точно не попал бы в такую нелепую ситуацию.

— Ну что? — нетерпеливо выдохнула Илина, приоткрыв один глаз, пытливно воззрившийся на меня. — Есть хоть один шанс, что я...

— Есть, причем неплохой, — успокоила я замаявшуюся девушку. — При должном старании ты вполне можешь стать отличной травницей. Возможно, это не то, чего бы тебе хотелось...

— Я хочу! — с жаром заверила Илина. — Мне и этого хватит!

— Вот и хорошо, — заключила я и, решившись, спросила: — А чем занимается твой брат?

Конечно, очень умный вопрос от ведьмы, согласившейся на работу и ничего не разузнавшей о нанимателе. Но девушку, на мое счастье, он не насторожил.

— Дер — артефактор, — поболтав рукой под кроватью и выудив оттуда вцепившегося в нее рыжика, отозвалась Илина. — Он такие чудесные вещицы делает... Очень красивые, глаз не оторвать, и в то же время полезные. При дворе они пользуются спросом. Я как-нибудь обязательно вам покажу!

Я кивнула. Артефактор, значит. Тогда все становится более понятным и менее странным. Зачем тому, кто способен собственноручно создать и наполнить силой любой артефакт, слуги? Да и причины, по которым меня заставили подписать договор, прояснились. Мало ли что я нечаянно увижу — от секретных чертежей до заготовок к королевскому заказу, например. Не знаю, как именно привык работать Деррек Грайвен, но у моего отца все это добро постоянно оказывалось за стенами мастерской. Однажды матушка обнаружила какие-то детали в холодильнике шкафу, и наше семейство провело незабываемый вечер, выясняя границы допустимого. Папа, кстати, тоже нашел что припомнить. Да хотя бы сушеную летучую мышку в сумке с документами. Правда, это было делом рук Дейдры. А вот к зелью для удаления волос, оказавшемуся в том же холодильнике шкафу в баночке с надписью «яблочный сок», ни я, ни Дей не имели ни малейшего отношения.

Поймав себя на мыслях о своей сумасшедшей семейке, я прикусила губу и тряхнула головой в попытке избавиться от непрошенных воспоминаний. Еще не хватало, не успев обрести свободу, начать сучать! Нужно было срочно отвлечься. И я даже знала, чем именно.

Эван ослаб настолько, что даже пошевелиться не мог. Веки отяжелели, в голове царил сумбур, и, чтобы ухватить одну-единственную мысль, пришлось немало постараться. Но зато когда это удалось...

Глаза сами собой распахнулись, ладони уперлись в мягкое ложе, и Эван привстал — чтобы тут же бесславно рухнуть обратно.

Демоны бы побрали этих ведьм! От них одни неприятности!

Сосредоточившись, Эван провел дрожащей рукой по лицу, а потом рассмотрел и саму ладонь. А убедившись, что эффект зелья все еще длится, немного успокоился. Как же кстати он избавился от грима и воспользовался более надежным способом! Может, и обойдется. Но чем быстрее он отсюда уберется, тем лучше. Где бы только силы найти?!

Злоупотребление зельями, конечно, сказалось, но окончательно резервы организма подкосило не это.

Эван прикрыл глаза и, скривившись, в деталях припомнил прошлую ночь. Перемещение через аномальный портал с затаившимся за пазухой мелким котом, который, несмотря на то что происходящее ему не нравилось, вел себя прилично и вырываться не пытался, но которого пришлось — во избежание возможных разборок с ведьмой — закутать в защитный кокон, чтобы и шерстинки с рыжего хвоста не упало. Лишнюю малейшей приятности прогулку по некогда проклятому и до сих пор не излечившемуся лесу, всеми правдами и неправдами старавшемуся вырвать у мага хотя бы кроху силы... а лучше — все до последней капли, до последнего вздоха. Если бы не постоянная, замедляющая продвижение борьба, Эмму Эван нагнал бы раньше. До того, как она едва не простилась с жизнью.

Никогда прежде он не сталкивался с охотящимися на ведьм русалками. Без надобности они им, ни пользы, ни удовольствия, еще и проблем не оберешься, ежели жертва сильная, злобная и к нечисти относящаяся без особого трепета. Но конкретно эта русалка, похоже, совершенно обезумела. Самое то для не менее безумной ведьмы. И такого же мага.

Эвану повезло, что нечисть сосредоточила все внимание на Эмме. Из-за этого и чарующая песня смолкла, не успев пленить его разум. Иначе бы русалка смогла похвастаться двумя утопленниками. Приблизиться к озеру Эван не рискнул. Тонкая, но прочная сеть вспыхнула в его руках мгновенно и так же быстро оплела успешную уйти под воду ведьму. Вытащить же ее оказалось гораздо сложнее — русалка не желала так просто расставаться с добычей. Пришлось срочно вспоминать заклинания, которые не навредили бы Эмме, и таковых в богатом арсенале Эвана нашлось неожиданно мало. Все-таки он привык нечисть убивать, а не отбивать у оной неразумных ведьм, боясь их поранить.

Но, несмотря на сложности, отвоевать Эмму удалось. Русалка лишь на миг ослабила хватку, и этого мига хватило, чтобы дернуть сеть на себя... и упасть на не слишком мягкую травку, придавленным мокрой бездыханной ведьмой. Еще и от недовольного сим фактом кота, который благодаря кокону пострадал меньше всех, когтями по груди получил. И тут Эвану пришлось

выбирать: немедленно убираться подальше от озера или же сразиться с разъяренной русалкой, чей набирающий обороты вой стегал подобно усеянному шипами кнуту. Останься Эван, и у него были бы все шансы на победу. Но тогда их не осталось бы у ведьмы, которая уже готовилась отдать богам душу. Ему хватило беглого взгляда на нее, чтобы, более не раздумывая, открыть портал. Который его и подкосил.

Эван еще помнил, как свалился к ногам безымянной дамы и как его вновь придавило ведьмой... а потом отключился окончательно, не успев осознать, насколько крупно влип.

В замок он идти ни при каких обстоятельствах не собирался. И уж тем более не предполагал, что его сюда принесут.

Полежав немного и собравшись с силами, Эван все же смог приподняться на локтях. Пусть и маленькая, но победа. Пошевелив ногами, обнаружил, что боль в лодыжке исчезла. Видимо, пока он пребывал в бессознательном состоянии, его успели подлечить. Нет худа без добра — на здоровых ногах бегать гораздо сподручнее. Отлежаться бы, конечно, не помешало — подорванный зельями и постоянными тревогами резерв сил за одну-единственную спокойную ночь не восстановился, — но только не здесь. А то ведь может случиться, что все его дни и ночи станут спокойными... только не так, как он того хотел бы.

Но эти доводы вряд ли могли помочь измотанному организму. Встать не получилось — руки подогнулись, и Эван рухнул обратно на подушки. Раз, второй, третий... А на четвертый ему удалось совладать с собой и сползти с кровати. Дальше дело пошло лучше — тело, хоть и неохотно, вновь подчинилось разуму. Обнаружив на спинке стула свой вычищенный и выглаженный костюм, Эван торопливо оделся, подхватил стоявший возле стены чемоданчик и изо всех сил рванул на себя оконные створки, которые не то что не поддались — даже не шелохнулись. Злобный полустон-полурык слился с настойчивым стуком, а потом дверь, не дожидаясь разрешения войти, распахнула, и порог переступил источник всех нынешних страданий Эвана. Отдохнувший, посвежевший и полный сил, отчего едва удалось сдержать очередной стон, на сей раз — завистливый. Следом за рыжей ведьмой в комнату заглянула светловолосая девушка, и пришлось бороться еще с одним желанием — нырнуть обратно в постель и спрятаться под одеялом с головой. Ну или в тяжелую винно-красную штору, столь призывно висевшую рядом, завернуться. Увы, это возможным не представлялось. Хоть чемоданчик успел из рук выпустить — во избежание лишних расспросов.

«Зелье все еще действует», — напомнил Эван себе, недружелюбно разглядывая Эмму и избегая смотреть на Илину. Самовнушение не очень-то помогало, но выбора не было.

— Господин Карти, как вы себя чувствуете? — спросила тем временем ведьма, окидывая его настороженным взглядом. Причины у нее имелись — подставился Эван знатно. Как бы теперь выкрутиться без особых потерь.

— Недостаточно умирающим для того, чтобы с утра пораньше терпеть рядом с собой толпу незнакомых людей, — брякнул Эван вместо продуманной вежливой фразы и запоздало прикусил язык.

Эмму его поведение ничуть не смутило.

— Рада это слышать, — невозмутимо заявила она и — опять-таки без приглашения — присела в кресло. Илина застыла у двери, делая вид, что рассматривает висящий напротив пейзаж, и то и дело бросая на Эвана любопытные взгляды. — Благодарю вас за помощь. И если уж вы вполне здоровы и бодры, не поведаете ли мне, как вам это удалось?

Вот чего бы ей стоило появиться немного позже, когда и следа бы его здесь не осталось?!

— Что именно? — непонимающе вскинул брови Эван, досадуя, что нельзя и в самом деле спрятаться за шторой, — взгляды Илины из просто любопытных становились все более задумчивыми. — Любой смог бы найти в лесу и донести бесчувственную даму до экипажа. Бесчувственной Эмма нравилась ему гораздо больше. Тихая, молчаливая и совсем не подозрительная. Мечта, а не женщина. Жаль, что, придя в сознание, этих чудесных качеств ведьма не сохранила. Зато, к несчастью, сохранила память. И, судя по вспыхнувшим зеленою глазам, приготовилась все ему припомнить.

ГЛАВА 8

Я и правда была благодарна Нейвару Карти. Не появившись он, и мокнуть бы мне веки вечные на дне колдовского озера на пару с русалкой в тоскливом ожидании очередной беспечной жертвы. Подобным образом я и размышляла, шагая вслед за Илиной по светлым коридорам и заходя в выделенную моему спасителю комнату. Спаситель вопреки опасениям к нашему приходу успел покинуть постель и довольно твердо стоял на ногах. Но вся моя признательность вкупе с благостным настроением испарилась безвозвратно, едва господин Карти предпринял безумную попытку сделать из одной пусть и наивной, но все-таки не совершенно глупой ведьмы полную дуру.

— Что именно? — с невинным выражением на заметно побледневшем за ночь лице осведомился он в ответ на мою просьбу поделиться подробностями своего геройского поступка. — Любой смог бы найти в лесу и донести бесчувственную даму до экипажа. Он и в самом деле думал, что я на это поведусь?! Или надеялся, что от пережитого я потеряла не только разум, но и память? Увы и ах, но произошедшее я помнила до отвратительного отчетливо.

— Найти и донести — безусловно, да, — скрипнув зубами, все еще вежливо отозвалась я. — А вот справиться с русалкой...

— С какой еще русалкой? — так натурально удивился этот тип, что я сама чуть было не поверила в его искренность.

— Озерная нечисть с хвостом и чарующим голосом, — ласково напомнила я. — Она меня едва не утопила, и если бы не вы... Как вам удалось с ней справиться? Ведь вы не маг.

— Я не понимаю, о чем вы говорите, госпожа Эмма, — мотнул головой господин поверенный. — Я не маг, это верно. И я не видел никакой русалки — ни с хвостом, ни без хвоста. Зато видел вас, но вы столь быстро бежали по лесу, что я не смог вас догнать, как ни старался. А потом вы поскользнулись и упали в озеро. Возможно, в этот момент вам что-то и померещилось. Близость смерти располагает к видениям.

И он посмотрел на меня таким честным взглядом, что на один короткий миг я усомнилась в собственном здравомыслии, а потом едва не задохнулась от возмущения.

Вот же пакость! Врет и не краснеет!

— Хорошо, — с величайшим трудом взяв себя в руки, хотя больше хотелось сомкнуть их на шее одного лжеца и как следует его придушить, кивнула я. — Пусть так. Но как мы смогли вернуться? Мне сказали, что мы просто появились возле экипажа, словно из портала...

— А мы и вышли из портала, — невозмутимо подтвердил Нейвар Карти. — Я запомнил, где начинается аномалия, вернулся с вами туда и шагнул в нее. Думал, что нас выбросит на тропе, но в любой, тем более аномальный портал всегда может закрасться погрешность. Я не особо разбираюсь в этих ваших штучках, как вышло — так и вышло, главное, что живы остались. Не находите, госпожа Эмма?

И вновь этот до противного честный взгляд! И ведь даже не поспоришь и не придерешься, до чего связно и стройно вывернуться получилось. Действительно, искажения точки выхода могут быть и у обычных порталов, что уж говорить об аномалиях. Да и кто поверит в русалку, топящую женщин? В этой истории мой вариант развития событий кажется более невероятным, нежели слова Нейвара Карти. И он это прекрасно понимает!

— С вами все в порядке? — участливо поинтересовался этот... господин поверенный. Даже от подоконника соизволил отклеиться и ближе подошел, будто и правда волнуясь о моем самочувствии, которое сам же только что подпортил.

— Не совсем, — криво улыбнулась я, сверля его недружелюбным взглядом. — Головой, наверное, слишком сильно ударились.

— Вам нужно срочно лечь! — всполошилась доселе тихая, как мышка, Илина. — Я провожу! — Она подхватила меня под локоть и посмотрела на господина Карти: — Вам что-нибудь нужно? — Нет, благодарю, — качнул он головой. — Я вполне здоров и хотел бы как можно скорее покинуть ваш гостеприимный дом.

— Исключено, — с обворожительной улыбкой отрезала Илина. — Вы слишком бледны и едва держитесь на ногах. Рекомендую вам вернуться в постель. Завтрак скоро принесут, а потом вас снова осмотрит целитель. Да и мой брат желает с вами познакомиться — очень уж его впечатлил ваш геройский поступок.

И не слушая возражений, она решительно вывела меня из комнаты и закрыла за нами дверь. Показалось, что за оной прошипили несколько не самых приличных ругательств.

— Со мной все хорошо, — заверила я Илину, стоило нам отойти подальше. Она недоверчиво хмыкнула, но руку все же выпустила. — Не слишком ли ты строга с господином Карти?
— В самый раз, — задумчиво отозвалась девушка и прикусила губу.
— Что-то не так? — насторожилась я.
— Не знаю... — неуверенно покачала головой она. — Напомнил он кое-кого... Сама не знаю почему. А он... точно не маг?
— Я ничего не чувствую, — честно призналась я.

Пусть Деррек Грайвен сам разбирается со своим гостем. Уж такой сильный маг должен заподозрить неладное. Если, конечно, я действительно права в своих предположениях, и все странности господина поверенного не имеют другого объяснения. Такого, как повышенная вредность характера, к примеру.

Илина кивнула и пошла вперед, и всю дорогу до моей комнаты мы провели в молчании. Она заглянула на пару минут, потискала деловито жевавшего край покрывала рыжика и, пообещав зайти за мной, чтобы проводить в столовую, убежала. Спohватившись, что забыла поинтересоваться именем чопорной дамы, я вздохнула и присела на краешек кровати. Разговоры с Дерреком Грайвеном, а потом и с невыносимым Карти изрядно утомили, и хотелось, махнув рукой на завтрак, свернуться клубочком под одеялом и заснуть. Но вряд ли стоило начинать новую жизнь, которую я сама же и выбрала, с эдакого пренебрежения. Пришлось собираться с силами и следовать выбранному пути.

Завтрак вопреки опасениям прошел без волнений. За накрытым кружевной скатертью столом в просторной, отделанной в солнечно-желтых тонах комнате кроме меня присутствовали только Деррек и Илина Грайвен — оба, разнообразия ради, обутые. Нейвар, последовав доброму совету моей подопечной, в столовую не спустился. За непринужденной беседой я узнала, что слуг в замке действительно мало — из постоянных лишь одна горничная, повар и его помощница, которая и подавала на стол простые, но невероятно вкусные и сытные блюда, а еще — уже знакомый мне кучер, он же конюх. Основную работу по хозяйству, как я и предполагала, выполняли артефакты, придуманные и созданные Дерреком. В особых случаях, как, например, праздник в честь дня рождения Илины, нанимали людей из ближайшей деревни, а иногда — магов-искусников, чтобы создать подходящую атмосферу.

Во мне, как истинной дочери своего отца, поселилось жгучее любопытство. Захотелось увидеть созданные лордом Грайвеном артефакты, разобраться в принципах их действия. Не то чтобы я слишком много понимала, но базовые знания папа мне привил. Но я крепилась. Сейчас я не дочь помешанного на своем деле артефактора, а взрослая степенная ведьма, которую должна волновать ее подопечная — и уж никак не артефакты, будь они хоть трижды уникальны. Примерный план занятий я мысленно набросала еще в дороге, и не последнее место в нем занимали книги. Я не была уверена, что в доме отыщется необходимая литература, однако надеялась, что лорду Грайвену не составит особого труда ее достать. Но обращаться к Дерреку с этой просьбой не пришлось.

После завтрака мы с Илиной прошли в библиотеку, где и провели время до обеда. Не дорвавшись до артефактов, я отвела душу среди книг, которых было превеликое множество. Пожалуй, даже террейская библиотека не могла соперничать с сокровищницей знаний, собранных здесь. И сокровищница эта вовсе не походила на мрачную пещеру жадного дракона. Просторная, со стеллажами светлого дерева, делящими комнату на зоны, с большими арочными окнами, забранными цветными витражами, с уютными креслами, низкими столиками и разложенными прямо на песочно-бежевом ковре подушками она могла вместить с десяток желающих приобщиться к книжной мудрости — и при этом никто друг другу не помешал бы, расположившись с немалым комфортом каждый в своем уголке.

Бродить между полок в поисках нужной книги в этом царстве можно было долго, но все оказалось еще и на диво превосходно организовано: на маленьком столике при входе лежал подробный каталог с указаниями — что, на каком стеллаже и на какой полке находится. И мне здесь определенно нравилось!

Сверяясь с каталогом, книги для Илины я нашла быстро. Когда она с ногами устроилась в одном из мягких кресел и принялась шуршать страничками, я не отказала себе в удовольствии прогуляться меж стеллажей, изучая разномастные корешки и порой осторожно касаясь оных кончиками пальцев. В итоге остановила свой выбор на толстой потрепанной книге,

повествующей о природно-магических аномалиях, и до обеда успела убедиться в правдивости слов как Деррека Грайвена, так и Нейвара Карти. Но если к первому не было и быть не могло никаких претензий, то второго так просто прощать я не собиралась. Пусть он и не солгал насчет портала (в чем я все равно не была уверена), то с убеждением ведьмы в галлюцинациях явно перегнул палку. В тот момент, преисполненная благодарности, я была готова поверить в любую сказочку, даже самую неправдоподобную. Вот что мешало ему использовать явно богатую фантазию, не задевая ведьминых чувств?!

На обеде господин врун тоже не появился, я заподозрила было, что он сбежал, но лорд Грайвен, успевший только что с ним пообщаться, развеял опасения, заявив, что мой вредный спаситель все еще слишком слаб и нуждается в отдыхе. До ужина я учила Илину контролировать эмоции, и она делала это с переменным успехом, периодически отвлекаясь на рыжика, а вечером в замке появился гость. И, судя по всему, Деррек вовсе ему не обрадовался.

С ужином было почти покончено, когда Деррек, расписывавший мне прелести загородной жизни, запнулся на полуслове, нахмурился — и скривился, словно сжевал целый лимон. А через мгновение раздался требовательный звон — так артефакт, установленный на входной двери, предупреждал о визите гостей. И сдается мне, так же и о том, кто именно сейчас мнется на пороге, ожидая приглашения.

Встречать неожиданного гостя лорд Грайвен решил в одиночку, строго наказав нам с Илиной подниматься вверх. Его сестра безропотно направилась за братом к выходу из столовой, а потом и к лестнице, и мне ничего не оставалось, как последовать за ней.

Мы уже миновали лестницу, когда в холле послышался чужой насмешливый голос, при звуках которого Илина вздрогнула и ускорила шаг. Я замешкалась, пытаясь через перила разглядеть гостя, но не преуспела в этом, еще и подолеченную упустила — за поворотом коридора как раз мелькнул край ее светлого платья. Не бежать же за ней? Пришлось смирять любопытство и степенно, как и положено по новому статусу, идти к себе. А вот справиться с желанием завернуть к господину Карти оказалось не так-то просто. Не помогало даже напоминание, что я давно уже вышла из возраста, когда уязвленное самолюбие требовало отмщения, причем эффектного, чтобы обидчик крепко-накрепко уяснил, что с ведьмами связываться не стоит. И у поворота, ведущего к комнате поверенного, переполненная возмущением ведьмина душа не выдержала.

По коридору я пронеслась быстрее и легче весеннего ветерка. Замерла у нужной двери, прислушалась к царившей за ней тишине и, предвкушающе улыбнувшись, прижала к створке ладонь. Всего несколько слов, едва замерцавшие в полумраке пальцы — и с чувством глубокого удовлетворения я отправилась в свою комнату.

Мой поступок, который иначе как мелкой, но гадкой пакостью не назовешь, был совершенно недостойным светлой ведьмы, зато матушка, никогда не отличавшаяся кротостью нрава и всепрощением, могла бы мной гордиться, а Дейдра совершенно точно пришла бы в восторг. Кажется, Дара была права насчет вредного влияния сельской местности на ведьм: я здесь всего один день, а уже творю невесть что! И самое жуткое, совершенно о том не жалею.

Я почти бежала, полностью утонув в собственных взбудораженных мыслях, а потому испуганно вскрикнула, когда на моем запястье сомкнулись жесткие ледяные пальцы, а вкрадчивый голос промурлыкал в самое ухо:

— Вечер добрый, красавица!

Чужое дыхание опалило шею, руку до плеча будто огненной спицей пронзило, и я совершенно постыдным для ведьмы образом лишилась чувств.

Едва Эмма, кипя от негодования, вышла, Эван остро пожалел о своем поведении. Не имея времени как следует продумать действия и слова, он, видимо, совершил самую большую ошибку — разозлил ведьму, которая поначалу не испытывала к нему ничего, кроме легкой настороженности и весьма искренней благодарности. Ну и любопытства, конечно же, ведьмы оным от рождения страдают и сдержат редко когда способны, за это на них и обижаться смысла нет. Не стоило, ох не стоило делать из нее склонную к видениям барышню! Но в тот момент ничего более умного в голову не пришло. Не признаваться же ей, что он и в самом деле маг?! Тогда бы пришлось рассказывать и о том, как ему удалось скрыть силу. А там и до объяснения причин этого маскарада недалеко. И если Эмму вряд ли серьезно заинтересовали бы

его приключения, то Илине, которая жадно прислушивалась к каждому слову, его откровения явно пришлись бы по вкусу. Как и ее братцу.

Деррек пришел перед обедом, и Эван едва успел развеять остатки чар, коими пытался ослабить стоящую на окнах защиту. Тщетно. Кстати, такую только с окном и половиной стены вынести можно. Лорд осведомился о самочувствии гостя, принес свои искренние извинения и спросил, не окажет ли он честь их семейству, оставшись на празднование восемнадцатилетия Илины. И Эван с удовольствием отказался бы, сославшись на срочные дела, но что-то глубоко в душе воспротивилось этому. Пришлось согласиться. И лишь после ухода Деррека он задумался, не было ли это ошибкой.

Насчет лорда Грайвена Эван не слишком беспокоился — Деррек всего лишь Деррек, — но вот Илина... Девчонка всегда была странной, даже до пробуждения дара. И само это пробуждение стало для Эвана неожиданностью. Он и не предполагал, сколько всего пропустил.

Илина — ведьма. Причем ведьма светлая. Какая ирония!

К тому же еще была Эмма, которая добрыми чувствами к нему не пылала. И то, что она взрослая и до детской мести вряд ли опустится, не успокаивало. Не особо богатый, зато горький опыт подсказывал, что чем старше ведьма, тем изощреннее она мстила.

Но и с Эммой можно было договориться. Главное, чтобы зелья хватило на время пребывания в замке. И чтобы здесь не появился тот, от кого зелье не спасет. Хотя этого опасаться не стоило — с Грайвенами он давно не общался и вряд ли решит в ближайшее время возобновить родственные связи. Эван искренне надеялся, что судьба не подкинет ему такую подлянку.

Он проверил содержимое шкатулки и окончательно утвердился в решении остаться. По крайней мере до тех пор, пока ему не станет лучше... или же он вновь не почувствует игруню. И тогда она от него не уйдет. Так или иначе, но они наконец-то встретятся лицом к лицу.

А после ужина Эван действительно что-то почувствовал. Сначала — необъяснимое желание убраться отсюда подобру-поздорову и как можно скорее, которое, впрочем, очень быстро сошло на нет, а чуть позже — зуд в месте, кое в приличном обществе чесать недопустимо, даже если очень хочется. Приличного общества в спальне не наблюдалось, и Эван с удовольствием поскреб копчик. Который тут же зачесался еще сильнее, так, что все прочие мысли из головы просто выбило. Шипя сквозь зубы, Эван поспешно задрал рубашку и скользнул ногтями вниз по позвоночнику... да так и замер, нащупав там то, чего у человека, будь он хоть трижды магом, быть не должно.

— Вот ведь... ведьма! — потрясенно прошептал он, не зная, ругаться или смеяться, и окончательно понял, что именно настораживало его в Эмме.

Она выглядела взрослой и большую часть времени вела себя соответственно. Но была еще и меньшая, когда поведение ведьмы совершенно не вписывалось в ее образ. Словно она старательно, но не слишком умело играла чужую роль, которая ей не нравилась. И в любой другой ситуации он бы охотно порывлся в ведьминых тайнах, но...

Казалось, в копчик вгрызлась стая оголодавших комаров, и Эван, позабыв обо всем, выбежал в коридор, одержимый одним желанием: найти ведьму, которую столь опрометчиво выловил из озера. Найти — и утопить. Даже если придется тащить ее напрямик в тот демонов лес и отбиваться от русалки! Да что там отбиваться — он на коленях готов молить хвостатую нечисть о том, чтобы побрала неблагодарную ведьму и во веки веков не отпускала!

Бежал Эван быстро, подгоняемый нескончаемым зудом чуть ниже поясицы, но, когда свернул к лестнице, понял, что безнадежно опоздал. Ведьма лежала на полу, бледная и тихая, и выглядела на диво беззащитной и мирной, а над ней склонился человек, коего Эван считал самым страшным кошмаром своего детства.

ГЛАВА 9

Вокруг была ночь, и ночь наполняла меня, словно вода — пустой сосуд. Я растворялась в ней, становилась ее частичкой — и чувствовала себя единым целым с другими бесчисленными частичками пронизанной мягким лунным светом тьмы. Я летела сквозь бесконечность, как никогда, свободная и счастливая, и даже не вспоминала о том, что сутью моей силы всегда был свет. Я не помнила, что это такое, а если бы и помнила, то вряд ли смогла бы представить, что в

мире есть еще что-то, кроме восхитительно-бархатной ночи. Она укрывала землю и становилась небом, она парила на крыльях ночных птиц и звенела голосами невидимых под ее пологом рек. Она входила в каждый дом, в сердце каждого спящего человека, и одним только шепотом, мягким, обволакивающим, подчиняла себе мысли и волю. Она манила, звала, смеялась звонче хрустальных колокольчиков, влекла за собой, ласкала кожу нежнейшим шелком, приникала к иссохшим губам, даря им свежесть и улыбку... и одним движением разрывала грудь, обнажая заходящее от восторга сердце. И оно лежало в ее ладонях, все еще живое, бьющееся, мерцающее алой кровью и магией жизни в неверном лунном свете, вуалью окутывающем хрупкую фигурку, воплотившую в себе свободную от оков тьму...

Я распахнула глаза и долго не могла понять, где нахожусь, вглядываясь в полумрак, пока не рассеялся туман в голове и перед мысленным взором не мелькнули пригрезившиеся картинки. Подскочив на постели, я поднесла ладони к лицу и длинно выдохнула, в мягком свечении настольного светильника удостоверившись, что крови на них нет. Вот только пальцы покалывало, словно они до сих пор ощущали биение чужого, вырванного из груди сердца. Передернувшись, я вытерла ладони о платье и заметила, что лежу поверх покрывала в одежде, в которой ходила на ужин. Только туфли и сбросила. А вот как я добралась до спальни и почему не разобрала постель и не разделась сама, вспомнить не могла.

Я спустила ноги на пол и отметила еще одну странность, взволновавшую сильнее жуткого сна: рыжика в комнате не было. Взбудораженная, я зажгла свет и обыскала комнату, но котенка так и не нашла. Зато обнаружила, что невероятно слаба и меня шатает при каждом движении. Да что же такое со мной случилось?!

Упав на кровать, я призадумалась. Сначала был ужин. Потом явился гость, которого Деррек не слишком-то хотел привечать. Потом я за каким-то демоном отправилась к Нейвару. Припомнив, за каким именно, я застонала и прикрыла вспыхнувшее жаром лицо ладонями. Сейчас моя выходка казалась особо глупой и постыдной, но исправлять что-либо было поздно.

Наколдованное уже успело отрасти и теперь должно было отвалиться само. Со временем. И при определенных условиях, которые еще придется озвучить господину поверенному. И при этом умудриться выжить... Хотя, если не озвучить, будет хуже, так что признать свои ошибки и повиниться за них придется. А может, я уже расплатилась? Ведь нагнал же меня кто-то в коридоре. Но вот кто? Помню лишь чужие жесткие пальцы на руке и шепот... Я нахмурилась. Нет, голос принадлежал не Нейвару Карти. Определенно не ему. И не Дерреку Грайвену, а больше в замке никого и не было.

Никого, кроме таинственного гостя, посмотреть на которого не вышло. Что ж, видимо, он сам решил на меня взглянуть. И испугать до обморока.

Стало еще горше. Какая постыдная для ведьмы реакция на неожиданность! Постыдная — и странная. Я вовсе не нежная барышня и постоять за себя умею. Достаточно вспомнить, в какой веселой семейке я родилась и выросла, чтобы представить, с чем мне приходилось сталкиваться. И в обмороки я никогда в жизни не падала.

И во тьме, позабыв о свете, не растворялась.

Я с силой потерла виски. А ведь это уже не первый мой подобный сон. И разгадать, к чему он, никак не получается.

Но сны снами, а реальность реальностью. Что скажет Деррек Грайвен, узнав, что наставница его сестры склонна лишаться чувств по любому пустяку? Или он уже знает? Не сама же я попала в спальню, и уж точно меня принесла не Илина и не загадочный гость, который не мог знать, где я живу.

В третий раз за столь короткое время накатил волна стыда. В хорошем же свете я выставила себя! И перед господином поверенным, и перед лордом Грайвеном. Жаль, что изменившее внешность зелье никак не влияет на умственные способности! Хоть прямо сейчас соберай вещички и с позором возвращайся домой под крылышко озабоченной моим личным счастьем матушки. Может, права она, и на большее я, как ни старайся, не гожусь?

Я окончательно приуныла и даже покосилась на стоявшую в углу сумку, которую полностью так и не разобрала. Захотелось сбежать прямо сейчас, чтобы не смотреть в глаза лорду и господину поверенному, но, во-первых, вряд ли я сумею улизнуть из замка посреди ночи незамеченной, а во-вторых, моего рыжика наверняка забрала Илина, чтобы не мешать мне приходить в себя, а без него я никуда не уйду.

И в тот момент, когда я храбро решила дождаться утра и действовать по обстоятельствам, каковыми бы они не были, дверь в комнату тихо приоткрылась. Совсем чуть-чуть, будто кто-то проверял, что творится внутри. Зачем-то натянув покрывало едва ли не до самого носа и затаив дыхание, я напряженно следила, как медленно открывается створка, являя моему перепуганному взору Деррека Грайвена собственной босоногой и по-домашнему растрепанной персоной. Над его плечом завис крохотный, но яркий светлячок, который вызолотил макушку и зажег в глазах солнечные искорки.

— Вы в порядке? — отчего-то шепотом спросил окруженный таинственным сиянием лорд, разглядывая взлохмаченную, заматанную в покрывало ведьму, страстно желавшую прямо сейчас провалиться сквозь землю.

Вот и дождалась утра... Что же некоторым по ночам-то не спится?!

— Вроде бы, — так же тихо отозвалась я, гадая, что неприличнее: держать Деррека на пороге или же пригласить его в комнату. Второе в итоге перевесило, и лорд так и остался тактично топтаться в коридоре.

Молчание затягивалось. Хозяин замка уходить не спешил, и я все глубже закапывалась в покрывало, словно надеясь, что оно спасет от неудобных вопросов и высочайшего недовольства.

Но спасения не потребовалось.

— Отдыхайте, сколько понадобится, вас никто не побеспокоит, — окинув меня еще одним задумчивым взглядом, наконец выдал Деррек. — И о котенке не волнуйтесь, Илина присмотрит за ним.

— Спасибо, — растерянно пролепетала я, и этот чудесный во всех отношениях мужчина кивнул и ушел, аккуратно прикрыв дверь.

Кажется, выгонять меня не собираются. По крайней мере прямо сейчас, да и потом, думаю, тоже. Уже неплохо. А что касается господина поверенного... Разберусь как-нибудь. Пора вспомнить, что я ведьма и старшая сестра настоящего мелкого кошмара — и вести себя соответственно. Чтобы и боялись, и уважали, и за дурочку больше не держали. И навек запомнили, что даже благодарную ведьму обижать не рекомендуется, ибо благодарность из ведьминой души выветривается куда быстрее обиды.

Немного воспрянув духом, я сползла с кровати, привела себя в порядок и, нырнув под одеяло, закрыла глаза.

Свет гасить не стала. Пусть тьма остается за окном. И самое главное, больше не лезет в мои сны.

Эван никогда не считал себя трусом и в общем-то им и не был, но, увидев бесчувственную ведьму в компании разлюбезного дядюшки, с которым не встречался уже лет десять и не хотел бы встречаться по крайней мере еще столько же, заметно растерялся. Настолько, что и ноги к полу, казалось, прилипли, и спина противными мурашками покрылась, а кулаки сами собой сжались — не то от желания как следует поздороваться с родственничком, не то в попытке успокоиться и справиться с внезапной паникой. Да и Эмму уже не так сильно хотелось утонуть, как несколько мгновений назад, — под натиском недостойных взрослого и самостоятельного мужчины чувств даже вызванный пакостными чарами зуд отступил. К тому же ведьме и без того было худо. Понять бы еще, из-за чего: дядюшка, при всех премерзких нюансах характера, с женщинами был предельно обходителен и вежлив. Ну и прилипчив порой сверх всякой меры, но ведьмы от такого в обморок не падают, скорее уж гадостью какой промеж ушей угощают... или гораздо ниже, что еще обиднее.

Эван непроизвольно потер поясницу, удостоверился, что чары не развеялись, и все же решился, невзирая ни на что, еще раз героически спасти неблагодарную ведьму. Но не успел — именно в этот миг под высокими сводами коридора раздалось гневное:

— Какого демона, Вальдер?!

Гневаться Деррек не любил, но умел. От одного только вопроса мурашки повторили свой забег, заставив Эвана страдальчески поморщиться и отступить в тень под прикрытие мраморной девушки, кормящей с ладони мраморных же голубей. Встревать в родственные разборки — последнее дело. Прилететь может так, что и за неделю не очухаешься.

— Не шуми, Дер, а то потолок обвалится, — насмешливо посоветовал ничуть не испугавшийся Вальдер Грайвен, с интересом рассматривая недвижимую Эмму и отчего-то не предпринимаемая попыток привести ее в сознание.

Зато Деррек, привычно босой — Эван вновь поморщился, подумав, что кузен все-таки постепенно сходит с ума, — и взлохмаченный, точно после хорошей драки, тут же ринулся на помощь несчастной ведьме, наверняка не привыкшей лежать на полу. При этом сиятельный босоногий лорд так взглянул на дядюшку, что тот вмиг всю невозмутимость растерял и поспешно заверил:

— Моей вины тут нет. Я просто поздоровался, а она... Твоя зазноба излишне впечатлительна.

— Она не моя зазноба, — сквозь зубы процедил Деррек, отчаявшись дозваться Эмму и подхватив ее на руки. — Эмма Марен — наставница Илины, и я не понимаю, какого демона ты к ней полез, когда я более чем ясно выразился, чтобы ты...

— Убрался из собственного дома на ночь глядя? — закончил за племянника Вальдер, скептически изогнув темные брови. Да и все его холеное лицо, выдававшее не возраст, а тщательный уход, свидетельствовало о том, что более абсурдного предложения благородному — во всяком случае, по происхождению — лорду еще не делали.

— Это мой дом, — упрямо нахмурился Деррек, и Эван не поручился бы, кого именно пытается убедить в этом кузен: ворвавшегося в замок без приглашения Вальдера или же себя самого.

— И мой — тоже, — обманчиво мягко улыбнулся дядюшка, отчего кулаки Эвана зачесались с новой силой, а в душе взметнулась волна зависти к терпению Деррека. Хотя оному наверняка немало способствовала бесчувственная ведьма на руках. С таким грузом не особо повоюешь. — Не волнуйся, дорогой мой мальчик, надолго я не задержусь. Но на день рождения Илины останусь, нравится тебе это или нет.

Дерреку это явно не нравилось, но он сжал губы, превратившиеся в бескровные ниточки, и, более не удостоив дядюшку ни словом, понес Эмму в ее комнату. Возразить ему было нечего: на сегодняшний день Вальдер являлся самым старшим мужчиной рода Грайвенов, а значит, и его негласным главой. К счастью, Деррек давно уже перешагнул порог совершеннолетия, и теперь дядюшка не мог вертеть им по собственному усмотрению. Эвану же повезло еще больше: он носил другую фамилию, принадлежал к другому роду и на приказы старшего родственника мог хихать с самой высокой сторожевой башни столицы. В теории.

— Ты еще будешь мне благодарен, щенок неразумный, — провожая племянника цепким взглядом, зловеще — как показалось почти слившемся со статуей Эвану — пробормотал Вальдер.

Он нервно поправил светлые, как у Деррека, волосы, оглянулся и, посверлив взглядом девушку с голубыми, медленно направился прочь. И с каждым шагом, отдаляющим дядюшку от него, Эвану дышалось все легче и легче.

Принесли же демоны! И именно сейчас. Жаль, конечно, что Деррек не сумел выставить родственничка вон, но тут уж ничего не поделаешь.

Эван отлепился от статуи и задумчиво покачался с пятки на носок. Узнать Вальдер его не узнает даже в истинном обличье — все-таки времени прошло немало. Соответственно, бояться нечего. Главное, самому себя по глупости не выдать. Нужно следить за языком, и все будет в порядке.

И неплохо бы выяснить, как там ведьма. Вредность вредностью и обида обидой, но Эван почему-то чувствовал вину за произошедшее, хотя умом и понимал, что совершенно здесь ни при чем. Но проведать Эмму можно и утром, слишком уж странным будет его визит в столь позднее время. Если эта ненормальная поймет все неправильно, а что так и будет, сомнений не возникало, то одним заклятием точно не отделаешься.

Приняв это поистине мудрое решение, Эван пошел к себе, бдитительно оглядываясь, время от времени почесывая копчик и предвкушая сон, на который, как он надеялся, лицемерие дядюшкиной персоны никак не повлияет. А добравшись до кровати, даже успел расслабиться и провалиться в приятную дрему, полную смутных, но весьма соблазнительных видений, как его просто подбросило от дурного, до жути знакомого предчувствия.

«Поиграй со мной», — издевательски шептали разбавленные светом наспех созданного огонька сумерки, пока Эван торопливо одевался и потрошил сумку в поисках нужных амулетов.

«Поиграй, поиграй!» — пел воздух, когда он бежал по коридорам и, рискуя сломать шею, перепрыгивал через ступеньки лестницы.

«Я жду», — шелестел ветер, когда Эван вырвался-таки из замка. Это оказалось на диво просто: видимо, ошарашенный негладанным визитом дяди Деррек напрочь забыл запереть входные двери.

Весенняя ночь была на редкость темной, она почти бесследно поглощала свет огонька, летевшего чуть впереди, и Эвану приходилось пробираться едва ли не вслепую. Он шел по тонкой ниточке предназначенного не ему зова, отчаянно надеясь, что она не исчезнет, не оборвется внезапно, вновь оставив его с пустыми руками и разъедающей душу досадой. Ниточка дрожала, трепетала, будто огонек свечи у открытого окна, и казалось, что колыхается она от заливающего смеха игруньи, уверенной в своей победе над невезучим преследователем. Эван сознавал, что она вряд ли знает и о его существовании, и о странной связи между ними, но ощущение, что неведомая тварь потешается над ним, не отступало, а лишь крепло, и вместе с ним усиливалось и желание доказать ей, что он тоже чего-то стоит.

Зацепившись за невидимый во тьме корень, Эван едва не упал — и все же упустил невесомую нить. Остановился, переводя дух, осмотрелся. Впереди, совсем уже близко, в окнах укрытых ночью домов горели редкие огоньки.

Деревня. Люди.

Новая жертва.

Эван прерывисто вздохнул и, зажмурившись, обратился в слух. Ну же... Это не может, просто не должно закончиться очередной неудачей, за которую кто-то заплатит жизнью!

Нить вновь появилась перед внутренним взором, слабая, едва мерцающая, пропадающая, стоило лишь открыть глаза. И дальше он брел, крепко зажмурившись и надеясь, что не свалится в какой-нибудь овраг и не свернет шею. Со свернутой шеей, как он подозревал, доказать что-либо невозможно не только окружающим, но и самому себе.

Как ни странно, но ему повезло: он не только не упал, но даже не споткнулся. Шел по тоненькой ниточке, боясь вдохнуть поглубже, замер, когда она, ярко вспыхнув напоследок, растворилась, став частью ночи, и только тогда открыл глаза.

Вокруг было темно и тихо. Он ожидал увидеть кладбище, но на сей раз игрунья решила сменить обстановку. Бегущая от ворот деревеньки дорога, теряющаяся в небольшой рощице, аромат цветущих яблонь и приторно-сладкие нотки чужой магии, оставляющие на кончике языка отчетливый привкус железа. Глаза настолько привыкли к вязкой тьме, что без труда различили бредущую вдалеке фигуру. Судя по росту и развороту плеч, явно мужчина. Женщин игрунья никогда не трогала...

Неприятная сладость, наполняющая воздух, становилась все ощутимее, затрудняя дыхание, туманя голову, и Эван, прижав к лицу ладонь и собрав все силы, рванулся вперед, молясь светлым богам об одном: только бы успеть, только бы не упустить наконец-то выпавший шанс, только бы...

Но боги, оглушенные чернильной тьмой, молитв не слышали.

Самой игруньи пока видно не было, что давало надежду и буквально окрыляло. Ему оставалось преодолеть всего с десяток шагов, когда мужчина остановился, протянул руки — и перед ним, соткавшись из ночи, появилась хрупкая девушка. Она слегка мерцала, словно окутанная лунным светом, и казалась совершенно эфемерной.

Призрачной.

Эван изумленно выдохнул, а вдохнуть уже не смог: вновь навалилась уже испытанная на террейском кладбище тяжесть, придавившая тело, душу и даже время, которое замерло, почти сломленное, уничтоженное... Но на сей раз он прекрасно видел, как неподвластная собственным чарам призрачная девушка, ласково проведя кончиками пальцев по щеке застывшего, будто окаменевшего мужчины, легко погрузила руку в грудь жертвы... и как в ее ладони, мерцающая алыми всполохами, заходит в последнем биении окровавленное сердце.

ГЛАВА 10

Дракон, парящий в безоблачном утреннем небе, походит на лунный блик, не истаявший с рассветом, а лишь набравший сил. Он сияет так ярко, что почти ослепляет, но от него невозможно оторвать зачарованный взгляд. Дракон приближается, и с каждым взмахом

серебряных крыльев в душе растет чистый восторг и предвкушение настоящего чуда. Еще немного... Еще чуть-чуть... И можно будет протянуть руку — и коснуться блестящей чешуи, ощутить под пальцами ее гладкость и прохладу... Утонуть в синих-синих, как само небо, глазах.

Но дракон еще слишком далек, и пальцы бессильно сжимают воздух, и воздухом оборачивается твердь под ногами — и насмешливо поет в ушах, треплет волосы, забавляясь, но даже не пытаюсь помочь, замедлить падение... И все дальше и дальше становится волшебное существо, превращаясь в серебряную точку, отблеск луны на поверхности безмятежного озера. Я тяну к нему руки, замираю в предчувствии удара...

И меня ловят. Сжимают крепко, но бережно, облегченно выдыхают в растрепанную макушку: — Осторожно, Светлячок...

И, подняв голову, я все-таки тону в синих глазах, которые видела лишь однажды, но которые отчего-то так и не забыла.

— Атон? — недоверчиво шепчу я, не понимая, что он делает здесь. И где это самое «здесь» находится — тоже.

— Мяу! — радостно подтверждает видение, и по моей щеке проходит что-то крохотное, влажное и шершавое.

От неожиданности я ойкнула и распахнула глаза. На моей груди, нетерпеливо переминаясь с лапки на лапку, сидел маленький рыжий котенок, и в его синих глазенках действительно можно было утонуть — столько укора и беспокойства за нерадивую хозяйку плескалось в них.

Красочный, удивительно объемный и живой сон лопнул как мыльный пузырь, осев на душе неясными отблесками-воспоминаниями. Я бессильно откинулась на подушках, рассеянно поглаживая тотчас же замурлыкавшего рыжика. Странная ночка выдалась. Странные сны. Тьма, вырванное из груди сердце, дракон, Атон Клайдан... Если что-то еще и можно было объяснить, то присутствие последнего в моем сне — нет. Я о нем даже не думала ни разу! Кажется...

Зато сейчас думаю. И улыбка глупая по лицу расплывается против воли. Хотя это из-за дракона. Конечно же из-за дракона! Я никогда их не видела вживую, даже издали, только на картинках.

Он был таким четким, ярким... настоящим. Не подозревала, что мое воображение на такое способно! Волшебный сон. За вычетом некоторых несущественных деталей, о которых я вспоминать не буду. Ради него и кошмар потерпеть стоило.

Рыжик выпустил коготки, и я вздрогнула, окончательно вырываясь из плена грез. В комнате заметно посветлело, и свернувшуюся в кресле девушку я заметила почти сразу. Так вот как рыжик здесь оказался! Только что понадобилось Илине в столь поздний, а вернее сказать, уже ранний час? Может, случилось чего, а я тут больную девицу изображаю, сны красочные смотрю.

Стоило откинуть одеяло и спустить ноги на пол, как Илина встрепенулась и, потянувшись, воззрилась на меня. Моргнула, точно вспоминая, где находится, и робко улыбнулась:

— Вы в порядке?

— В полном, — уверила я подопечную. — А ты?

— И я, — кивнула она и ловко поймала храбро спрыгнувшего с кровати рыжика. — Я просто волновалась за вас, и котик тоже... Кстати, как его зовут?

— Атон, — неохотно призналась я. Имя всколыхнуло воспоминания не только о драконе.

— Мяу! — гордо поддакнул рыжик, а Илина, округлив глаза, прыснула в кулачок и, пристально всмотревшись в усатую мордочку, заявила:

— Ему подходит!

И рассмеялась уже открыто, а у меня от сердца отлегло. Значит, все действительно хорошо, и за время моего сна ничего не случилось. И можно было бы воспользоваться щедрым предложением Деррека Грайвена и провести весь день в блаженном ничегонеделании, но чувствовала я себя замечательно и просто жаждала приступить к своим прямым обязанностям. Только бы еще позавтракать для начала.

Как оказалось, проснулась я слишком рано, и завтрак готовить еще даже не начинали. Но Илина, которая спустилась вместе со мной, не растерялась: на кухне она ориентировалась превосходно и без проблем нашла вчерашние булочки, горшочек со сливочным маслом, баночку душистого земляничного варенья и крынку молока — для рыжика. Нагреть воду для чая и вовсе не составило проблем, и вскоре мы, подкрепившиеся и взбодрившиеся, обосновались в библиотеке, полные решимости провести этот день с максимальной пользой.

Пока Илина с котиком на плече и увесистой книгой в руках устраивалась в кресле, я задержалась возле столика с каталогом, на котором лежали несколько листков бумаги. «Разыскивается» — гласила жирная надпись над цветным портретом, который и привлек мое внимание. Правильные черты лица, синие глаза, черные волосы...

Вздвогнув, я схватила листок, взгляделась внимательнее и вздохнула с облегчением. Показалось. Юноша на портрете, несомненно, сильно походил на Атона Клайдана, но был явно на несколько лет моложе.

«Хотя кто знает, как давно его ищут?» — мелькнула вредная мыслишка, и я мотнула головой, отгоняя ее. Бред какой-то. Вряд ли те, чьи портреты на столбах развешивают, вольготно расхаживают по улицам, даже не пытаясь изменить внешность.

И все же интересно, кто это? И что с ним случилось? Я повертела в руках портрет, рассматривая каждую деталь, и нахмурилась: что-то знакомое почудилось в упрямом прищуре нарисованных глаз. Но ухватить, что именно, не удалось — тишину нарушил громкий хлопок и испуганный писк.

Позабыв о загадочных портретах, я побежала на шум, да так и застыла, в немом оцепенении любуясь на перевернутое кресло и болтающиеся над ним ноги в полосатых чулочках и домашних туфельках. Рыжик, изогнувшись на сложенных стопкой книгах крошечной дугой, угрожающе шипел, из-за кресла раздавались сдавленные всхлипы...

— Ты живая?! — кинулась к подопечной я.

— Не знаю, — пропыхла Илина, и я с облегчением убедилась, что она цела и невредима. Ну разве что гордость пострадала, что в процессе обучения явление пусть и неприятное, но отнюдь не редкое.

Я помогла Илине выбраться. Потом мы успокоили котика, в четыре руки и четыре же шаловливые лапки подняли кресло и собрали разбросанные книги, после чего наступило время откровений.

Воодушевленная первыми успехами ведьмочка решила опробовать легкое на первый взгляд заклинание и порадовать наставницу своей сообразительностью. Что ж, порадовала так порадовала... Хорошо, хоть жива осталась. И надо бы поругать, но Илина смотрела так жалобно и с такой надеждой, что язык не повернулся. А вот разобрать ошибки пришлось. В конце концов, именно на них и учатся.

— Нет, Илина! — поняв, что именно пошло не так, покачала головой я. — Ты пытаешься тянуть силу извне, как это делают маги. Но ты — ведьма. Твоя сила — в тебе самой. Смотри вглубь себя, а не по сторонам.

После объяснений и практической демонстрации дело наладилось. Илина оказалась способной ученицей и схватывала все на лету, и я все больше убеждалась в том, что вскоре она окончательно освоится со своим даром. А там уже можно будет и силу приумножить. Но пока лучше не загадывать. Пусть все идет своим чередом.

Когда у Илины получилось из разрозненных искорок слепить крошечный, но яркий световой шарик, она сияла не хуже полуденного солнышка, а я чувствовала себя хоть и довольной, но выжатой почти досуха. Наверное, стоило отдохнуть подольше. Но ничто не мешает сделать перерыв и восстановить силы. А заодно и полезными сведениями разжиться: ведь я так и не знала, по чьей милости запятнала обмороком ведьмину репутацию.

— Илина, — окликнула я дразнившую рыжика подопечную, — в замке гости?

— Дядюшка Вальдер приехал, — едва заметно поморщилась она.

— Вы не ладите? — рискнула спросить я, уловив в ее голосе нотки недовольства.

— Деррек с ним не ладит, они постоянно спорят и ссорятся, а меня дядя вообще почти не замечал, потому что силы во мне не было, — пожалала плечами Илина. — Обычно он надолго не задерживался, а сейчас до моего дня рождения точно не уедет. И на бал останется.

Она окончательно загрустила, схватила котика в охапку и тяжело вздохнула.

— Бал тебя не радует? — удивилась я. Вроде бы, по словам лорда Грайвена, выходило, что его сестра мечтает о празднике, только на деле получалось иначе: за все время Илина ни словом о предстоящем событии не обмолвилась, что для девицы ее возраста и характера было странно.

— Он пугает, — призналась она. — Будет много гостей, которых я не знаю.

— Зачем же приглашать их? — нахмурилась я. — Это же твой праздник.

— Не только, — грустно улыбнулась Илина. — Каждый год по распоряжению короля организуют бал для нескольких самых одаренных юных магов, на котором представитель

короны присматривается к ним, выбирая тех, кто будет полезен при дворе. В этот раз его величество повелел устроить все Дерреку, и он не смел отказаться от оказанной чести. Не думайте, госпожа Эмма, брат советовался со мной, и мы вместе решили совместить день моего рождения и этот... отбор. И его величество одобрил. У меня почти нет друзей. Брат говорит, что так я познакомлюсь с интересными людьми. Это пригодится осенью, когда Деррек повезет меня во дворец, где я должна быть представлена ко двору.

Теперь понятно, почему лорд Грайвен не может отменить бал, даже если бы и очень этого захотел. Как-никак королевское распоряжение. Немудрено, что он беспокоится о сестре, но... Илина справится. Она уже справляется, а за несколько дней и вовсе освоится настолько, что причин для волнений у ее брата не останется.

— Ты справишься, — вслух повторила я, и подопечная неуверенно, но светло улыбнулась, поглаживая размурлыкавшегося котенка.

— Госпожа Марен! — прорезал умиротворенную тишину библиотеки резкий, полный недовольства голос. — Вас зовет лорд Грайвен! Он ждет в кабинете.

Я чуть в кресле не подпрыгнула от неожиданности. Развернувшись, уставилась на пожилую даму, о которой, если честно, уже успела напрочь позабыть. Она смерила меня презрительным взглядом и покинула библиотеку.

— Илина, подскажи, пожалуйста, как ее зовут? — почему-то шепотом спросила я, чувствуя, как по спине бегут неприятные мурашки. В присутствии этой дамы не то чтобы жутко, но как-то... не по себе. Сильно не по себе!

Ответ поставил в тупик.

— А никто не знает, — пожала плечами Илина. — Вернее, никто не может запомнить. — И добавила злоуще: — Говорят, что если кто-то когда-нибудь сможет назвать ее имя, настанет конец света.

Я поперхнулась эдаким откровением. Наверное, выражение моего лица стало то еще, потому что Илина поспешно проговорила:

— Вы не думайте, я не издеваюсь! Просто она — призрак.

Вот после такого заявления я точно уверилась в том, что надо мной смеются!

— Она вполне материальна, — заметила, не зная, как на такое реагировать. — И сквозь стены не ходит, и предметов касаться может...

— Она очень древняя, — вздохнула Илина, — даже мы с братом порой забываем, кто она на самом деле. Мы зовем ее Миледи. Она заботится о нас, как может. Даже когда ее об этом не просят. Деррек говорил, что Миледи привела вас к нему, когда он не был готов к встрече, и ему было очень неловко, что предстал перед вами в ненадлежащем виде. — Это она про то, что лорд был бос и слегка растрепан? А ведь и правда, непохоже было, что в тот момент он кого-либо ждал... — Госпожа Эмма, честное слово, я не вру! Спросите брата, если не верите.

Глядя в чистые глаза Ирины, я осознала, что она не шутит, и несколько раз глубоко вдохнула. Спокойно, Кая. Не из-за чего волноваться. Это всего лишь древний призрак старинного замка. Всего лишь, да.

Проглотив нервный смешок, я поднялась на ноги. Игнорировать приказы начальства не стоит, даже если они переданы через призрак. Надеюсь только, что в этот раз меня действительно ждут, и мы оба не окажемся в неловком положении.

Плутать по коридорам в поисках кабинета не пришлось: на сей раз Миледи соизволила показать дорогу. Она чинно шествовала впереди, и я до боли в глазах вглядывалась в ее спину, пытаюсь заметить хоть что-то призрачное. И заметила! В какой-то миг фигура таинственной дамы вроде бы пошла рябью и стала почти прозрачной... Не смотрела бы столь пристально — ни за что бы не увидела!

И в глупую ситуацию не попала бы. Дама-призрак развернулась так резко, что я едва не налетела на нее. Если на призрака, конечно, вообще можно налететь. Хм, а на ощупь она, интересно, материальна?

Хотя нет, ничуть не интересно!

— Что-то не так? — пропитанным подозрением тоном спросила безымянная хранительница.

— Все так, — сглотнув, пролепетала я.

— То есть дыру взглядом вы во мне прожечь не пытались, госпожа ведьма? — ядовито улыбнулась дама, которая явно знала, что ее секрет раскрыт. Надеюсь, мои собственные секреты она разглядеть не в силах.

— Простите, — взяв себя в руки, смущенно буркнула я.

— Боги простят, — сварливо отозвалась она. — При должном старании с вашей стороны.

И одарив меня далеким от ласкового взором зловеще полыхнувших алым глаз, дама поплыла, не касаясь ногами пола, дальше по коридору. Скривившись, я последовала за ней. Особо набожной меня назвать сложно, но если бы существовал крошечный шанс, что боги услышат и прибегут к себе Миледи, я бы начала молиться прямо сейчас.

В кабинет лорда дама не зашла. Кивнула на двери и, совершенно неподобающе фыркнув, растворилась в воздухе. Я же перевела дыхание, поправила волосы и осторожно постучала. Не получив ответа, немного помялась, раздумывая, а не попаду ли снова впросак, но все же заглянула внутрь. И чуть не отпрянула от неожиданности, обнаружив, что Деррек не один — и ему явно не до меня.

Лорд Грайвен сидел за столом бледный, непривычно хмурый и сосредоточенный. Рядом, небрежно присев на край столешницы, задумчиво потирал подбородок одетый по последней столичной моде светловолосый мужчина, похожий на Деррека так, как брат ходит на брата. Или же отец — на сына. Правда, для отца он казался слишком молодым. Значит, это и есть тот самый Вальдер Грайвен, дядя Илины и Деррека и причина позорных ведьминых обмороков. Пожалуй, от него лучше держаться подальше. На всякий случай.

Перед ними стоял крепкий седовласый мужчина и, отчаянно жестикулируя, что-то взволнованно объяснял. Чуть в стороне у стены находился высокий парень, не сводивший глаз со стула, на котором, связанный по рукам и ногам, сидел... Нейвар Карти. Он был взъерошен, перепачкан кровью и побит, а столь отрешенного взгляда я никогда еще не видела.

Не знаю, что со мной случилось в тот момент. Взметнулось из глубин души нечто обжигающе темное, заставившее сжаться сердце и задохнуться от чужой боли. А очнувшись я уже возле господина поверенного, пытаюсь развязать грубые веревки, перетягивающие синюшные запястья. Причем не молча...

— Что здесь происходит?!

Не сразу даже осознала, что звенящий от злости голос принадлежит мне. А осознав, ничуть о том не пожалела. Конечно, к Нейвару накопилось много вопросов, и чары пакостные опять же я на него не просто так наложила, но... То, что с ним сделали, уже ни в какие ворота не лезет!

— Я бы тоже не отказался узнать, — мрачно отозвался Деррек, не пытаясь пресечь мое самоуправство. Все равно больше пальцы в кровь сдирала, чем узлы распутывала...

— Не подходили бы вы к нему, госпожа, — неодобрительно покачал головой седовласый, а молодой его спутник и вовсе без слов протянул ко мне руку — и тут же ее отдернул, шипя сквозь зубы.

А нечего к ведьмам лезть. Особенно если они растерянны и злы.

— Нейвар! — не обращая более ни на кого внимания, позвала я, с тревогой ловя пустой взгляд. — Нейвар, ты слышишь?!

Не до церемоний сейчас. Дозваться бы, пока не поздно...

— Не слышит он. Как прибил несчастного Рата, так и не отзывается, — встрял седой.

— Немудрено, ритуал-то богомерзкий прервали, вот его откатом и зашибло, — процедил молодой, предусмотрительно не приближаясь.

— Кого он прибил? — опешила я, посмотрела на Деррека и, дождавшись лишь полного усталости вздоха, решила разобраться в этом позже. А пока же...

Маги сильны. Они пользуются силой, что щедро дарует им мир, и чем объемнее резерв мага, чем больше он может зачерпнуть заразы, тем он сильнее. Ведьмы же способны брать лишь малую толику силы, но, пропуская ее через себя, делая частью своей души, умножают ее, сами становятся источниками, не ограниченными жесткими рамками. И пусть у нас зачастую не получаются разрушительные заклятия, зато мы можем поделиться своей силой, вдохнуть ее в любого, кому нужна помощь.

Я прикрыла глаза, призывая бушующую в душе силу, и... размахнувшись, влепила Нейвару Карти живительную пощечину.

Пощелуй, конечно, был бы эффективнее, но вредного мага было жаль не настолько.

Дернувшись, господин поверенный шумно вздохнул, будто выплыв из ледяной проруби, и его взгляд наконец-то стал осмысленным.

— Вот же демон, — прохрипел он, рассмотрев меня.

Узнал, значит. Хорошо.

— Бездна демонов... — оценив собравшихся и на миг зажмурившись, простонал Нейвар. Вспомнил, что случилось? Еще лучше!

— Госпожа Ма... Эмма, — кашлянул Деррек, остановившись за моей спиной, — спасибо за помощь. А сейчас, я думаю, вам стоит пойти к Илине.

— Вот уж нет! — развернувшись и оказавшись лицом к лицу с лордом, упрямо прищурилась я. — Раз уж вы посчитали возможным втравить меня в это, то я имею полное право знать, что здесь происходит и почему ваш гость, которому вы обещали кров и защиту, находится в таком состоянии!

Деррек заметно смутился и под тихое хмыканье дядюшки, беззастенчиво разглядывающего меня, отступил.

Нейвар тяжело вздохнул, попытался размять связанные руки и ноги и едва не упал со стула, что было воспринято молодым любителем тянуть лапки к ведьмам как коварная попытка побега. В результате чего поверенный все же упал и едва тяжелыми сапогами по бокам не отхватил.

— Прекратить! — рявкнул Деррек, пока я, стоя между Нейваром и горячим народным мстителем, лихорадочно придумывала, чем бы остудить последнего. — Мы еще ни в чем не разобрались!

— Да в чем тут разбираться?! — чуть ли не взвыл молодой и горячий, не смея, впрочем, сдвинуть с места злобно сопящую ведьму. — Этот гад Рату сердце голыми руками выдрал и над телом измывался, а вы — разбираться!..

Я с трудом сглотнула. Мгновенно накатили воспоминания о снах, дышать стало тяжело, в глазах помутилось.

— Я не измывался, я помочь хотел, — по-прежнему хрипло проговорил Нейвар, неловко приподнимаясь с пола. — Клянусь честью и силой, я не убийца!

— Что же ты, «не убийца», молчал, когда тебя с поличным застали?! — не выдержал седой, до хруста сжимая кулаки.

— Можно подумать, вы послушали бы, — скривился Нейвар, потирая связанными руками припухшую скулу.

— Он на нас вообще не реагировал, — посчитав, верно, что разговаривать с убийцей ниже его достоинства, обратился к Дерреку молодой. — Как есть, откат сработал!

— Ему сердце на моих глазах вырвали! — выдохнул Нейвар, с трудом поднимаясь на ноги. Его заметно шатало, но держался этот упрямец прямо и смотрел с вызовом. — Глянул бы я, как бы вы на такое отреагировали!

Сердце. Живое, горячее, бьющееся в ладони, истекающее кровью...

Я прислонилась к стене и прикрыла глаза. Все это походило на продолжение моего кошмара, как будто я и не проснулась вовсе. То, что должно было остаться во сне, просочилось в явь, делая ее до отвращения нереальной.

Нейвар Карти стоял, покачиваясь, под перекрестьем недружелюбных взглядов и казался отчаянно одиноким и хрупким. Захотелось встать рядом, защитить, оправдать... Да, я сама его невесть в чем подозревала, но сейчас совершенно не верила в то, что он способен вот так запросто лишить человека жизни. Тем более — вырвать сердце. Голыми руками. Будь он хоть трижды магом, в чем я уже не сомневалась! Не было на нем крови. Зато в нем самом было что-то такое, что не позволяло мне покинуть кабинет и, предоставив мужчинам заняться грязным делом, со спокойной совестью отправиться к Илине и рыжику.

И я решила.

— Брысь, — невежливо, зато твердо сказала я молодому, и он, опешив от такой наглости, отошел подальше. Дышать сразу стало легче. — Развяжите его, пожалуйста, — попросила я Деррека, не обращая внимания на практически осязаемый взгляд Вальдера Грайвена. — Вы же видите, он едва на ногах держится и вряд ли сумеет убежать. А потом господин Карти нам все расскажет.

А если не расскажет, я ему такую жизнь устрою, что он непременно пожалеет о своем глупом упрямстве.

Последнее подумала, уставившись прямо в синие глаза, и, судя по тому, как Нейвар вздрогнул, мой посыл истолковали верно.

В себя Эван приходил тяжело. Казалось, что он замерз, превратился в глыбу льда — и оттаял лишь сейчас в кабинете Деррека под пристальными взорами недружелюбно настроенных

мужчин... и за «широкой» спиной решительной и злой — что удивительно, отнюдь не на него — ведьмы.

Потирая саднящую скулу онемевшими от веревки руками, он пытался подобрать слова, чтобы объяснить случившееся ночью и свою на первый взгляд — да и на все последующие — неприглядную в оном роль. Получалось неважно...

При одном только воспоминании о хрупкой фигурке, сжимающей в тонкой руке окровавленное сердце, становилось дурно. Как и от осознания собственного бессилия. Мог ли он предотвратить это, окажись чуть быстрее? Мог бы поймать бездушную тварь, справься он с охватившим разум и тело оцепенением раньше, чем она растворилась, став частью ночи?

Эван не знал и даже думать о том не желал, но мысли все равно вертелись в голове, и голова раскалывалась под их натиском... а может, всего лишь от знакомства с кулаками местных жителей, обнаруживших его рядом с телом их товарища. Разумеется, объяснений никто ждать не стал. Да и не смог бы Эван ничего объяснить. Казалось, все слова и чувства заперты в темном чулане самого дальнего уголка души. Странно, что в той роще не стало на одного мертвеца больше. И если бы не Эмма с чудотворными методами лечения, вряд ли он сам справился бы со своим ненормальным состоянием.

В словах воинственного молодчика, в глазах которого явно читалось желание прикончить виновника ночного происшествия, имелось здоровое зерно. Ритуал не был завершен. Игрунья исчезла, оставив сердце рядом с телом. Рядом с Эваном, который только и успел, что добежать до несчастной жертвы да нашарить в кармане амулет, справившийся бы с живым человеком, но оказавшийся бессильным против призрачной твари. Этот момент Эван запомнил отчетливо: слабость, головокружение, падение на колени и все еще горячая чужая кровь на ладонях... После — провал. Кажется, он слышал что-то и ощущал отголоски боли, но они были столь слабыми, что не могли помочь сознанию сбросить путы темного колдовства. Откатом его все-таки зацепило, и зацепило сильно. Удивительно, что ведьме, причем светлой, удалось так быстро вытащить темного мага...

Ведьму Эван не понимал и даже немного опасался, но сейчас она была единственной, кто ему верил. Хотя и объяснений жаждала ничуть не меньше остальных.

Что ж, будут им объяснения.

— В моем чемодане есть бумаги, которые развеют ваши сомнения в моей невинности лучше любых оправданий, — определившись с порядком действий, обратился к мрачному кузену Эван.

Бумаги у него действительно имелись. Как раз на подобный случай. Хотя нет, о подобном он и помыслить не мог, но провала рано или поздно ждал, а потому решил подстраховаться.

Оставалось надеяться, что ни Деррек, ни дядюшка Вальдер не усомнятся в подлинности документов, за которые пришлось выложить немалые деньги.

Кузен нахмурился, но все же кивнул и устоялся на притихшую, но не утратившую бдительности ведьму.

— Госпожа Эмма, — ласковым тоном, от которого Эвана передернуло, начал Деррек, — могу ли я попросить вас принести документы господина Карти? — И тут же уточнил, переведя взгляд на Эвана: — Вы ведь не возражаете?

Он хотел было заявить, что возражения, ежели таковые имеются, в его положении вряд ли уместны, но вовремя прикусил язык. Да и потом... Пусть уж лучше Эмма покопается в его вещах, чем тот же дядюшка. Ничего интересного — или хотя бы того, чего он не смог бы объяснить, — она все равно не найдет.

— Буду премного благодарен, — под испытующими взглядами родственников и деревенских мстителей буркнул Эван, с ужасом ощущая, как чуть пониже поясицы просыпается знакомый зуд.

ГЛАВА 11

По коридорам я бежала, подхватив длинную юбку и не замечая препятствий. Встань на моем пути Миледи, и сквозь нее пронеслась бы не раздумывая. Конечно, Деррек обещал, что в мое отсутствие Нейвара никто не тронет — без этого обещания я наотрез отказалась покидать

кабинет, — но на сердце все равно было беспокойно. Хотелось уже поскорее разобраться в этой жуткой ситуации... и подумать, что происходит и почему я вижу практически вещие сны.

Раньше за мной такого точно не водилось!

Так и добралась до комнаты Нейвара — бегом, одолеваемая дурными мыслями и смутными предчувствиями. Дверь оказалась не заперта. Памятный по недавней поездке чемоданчик стоял возле развороченной кровати, и лезть в него, пусть даже и с разрешения хозяина, было неловко. Но не к месту проснувшийся такт я поборолла быстро и нужную ярко-красную папку отыскала. Правда, вытащить без проблем ее не получилось...

— Демоны! — прошипела я, когда чемоданчик завалился набок, и его содержимое вывалилось на пол.

А внутри-то он гораздо больше, чем снаружи...

К резной шкатулке руки потянулись сами. Опомнилась я, уже откинув крышку... и передумала ругать себя за излишнее любопытство. Зелья! Разные, на любой вкус и цвет — в самом что ни на есть прямом смысле. Маленькие флакончики, рассчитанные на одно применение, ютились в специальных ячейках и переливались на солнечном свете как драгоценные камни. Я без труда опознала восстанавливающие, заживляющие, маскировочные... и меняющие внешность. В ячейке с этими зельями не хватало одного флакона. Недаром чудилась мне в облике господина поверенного некая неправильность! Конечно, сама грешна, но вряд ли он скрывается от матушки и толпы женихов, то есть невест. Хотя, может, и этому есть разумное объяснение. Решив не делать поспешных выводов, я принялась устранять учиненный беспорядок, да так и застыла, нащупав под небрежно свернутым шейным платком очень знакомую вещицу. Сжав пальцы, медленно, надеясь ошибиться, вытащила свою находку и рвано выдохнула.

Не ошиблась. На ладони, сияя мелкими кристалликами, лежала моя закладка, потерянная на кладбище в ночь, когда сыну нашего ювелира вырвали сердце.

Перед глазами потемнело. Нейвар был там. Был в ночь убийства! И его нашли рядом с телом сегодняшней ночью. Могло ли это быть простым совпадением? Вряд ли. В такое я никогда не верила.

С трудом поднявшись, я спрятала закладку в кармашек платья и, сжав дрожащими пальцами папку с документами, направилась обратно в кабинет лорда Грайвена. На сей раз медленно, оттягивая момент, когда вновь придется посмотреть в чистые синие глаза возможного убийцы. До кабинета добрела все в той же растерянности, хотя и пыталась по дороге взять себя в руки и придумать, как вызвать господина поверенного на откровенность. Конечно, был один вариант, причем вполне надежный, но полагаться на него я опасалась — слишком многое здесь зависело не столько от моей внимательности, сколько от выдержки самого Нейвара. Больше идей не было, зато перед дверями в голову пришла пугающая мысль, от которой по позвоночнику разлился неприятный холодок: если Нейвар Карти и в самом деле тот самый убийца, видел ли он одну невезучую светлую ведьму, оказавшуюся не в том месте и не в то время? Конечно, сейчас я выгляжу иначе, но легче от этого почему-то не становилось.

Казалось, что мужчины с момента моего ухода даже не шелохнулись. Только Вальдер Грайвен лениво листал толстую книгу, будто бы происходящее ничуть его не заботило. Впрочем, это действительно было головной болью Деррека, который едва ли не вырвал папку из моих рук и тут же углубился в изучение ее содержимого. Я досадливо прикусила губу: находка так меня поразила, что мысли самой просмотреть документы просто не возникло. Ну да ладно, не думаю, что Деррек будет против, если позже я тоже суну в бумаги свой любопытный нос.

Сам виновник переполоха стоял у стеночки, всем своим видом выражая глубокое презрение к творящемуся безобразию. Столь старательно выражал, что явственно было видно, насколько ему не по себе. И сердце вновь кольнула жалость. Да что ж это такое! Он, возможно, жестоко убивает людей, а я... А я по-прежнему не вижу на нем крови. Хотя я и силу его не увидела, и то, что на нем личина. Так стоит ли полагаться на собственные ощущения, которые в последнее время только и делают, что подводят?

— Почему же вы раньше не сказали? — спросил Деррек, уже ознакомившийся с бумагами и теперь сверливший Нейвара недовольным взглядом.

— Потому что дело тайное, — криво усмехнулся этот господин, который, чует мое сердце, никаким поверенным никогда и не был. — И, если позволите, обсуждать его при посторонних...

Он осекся, осмотрел накупившихся «посторонних», оценил степень близости, установившейся между нами за это сумасшедшее утро, и, обреченно махнув рукой, посвятил нас в свои секреты. Оказалось, что маньяк, вырывающий сердца, орудует давно, вот только огласке его деяния предавать не торопятся. Еще бы, ведь даже лучшие ищейки так и не сумели его выследить. А может, и не старались вовсе, потому как появляется убийца лишь раз в год, в последний месяц весны, и жертв его за этот период по пальцам одной руки пересчитать можно. Да и мало кто верит, что все тела с вырванными сердцами — дело рук одного человека. Слишком уж разные люди, разные места, разные обстоятельства. В той же столице более опасные и притом понятные преступники водятся, в существовании которых, между прочим, никто не сомневается, чему и доказательства имеются, кои к делу можно приложить и суду не стыдно предъявить. Но вот родственникам жертв этого не объяснишь. И они, несмотря ни на что, жаждут справедливости. Любыми путями. И Нейвар Карти, частный сыщик с лицензией, готов рискнуть жизнью и здоровьем, но найти и наказать равнодушного к сердцам маньяка, в которого он, в отличие от своих коллег на королевской службе, очень даже верит, а минувшей ночью и вовсе убедился в его реальности собственными глазами.

Судя по спокойствию Деррека, бумаги полностью соответствовали рассказу, да к тому же еще и были подлинными — истинность магических печатей любой маг за считанные мгновения распознает, а здесь в наличии было целых два сильных чародея, так что повода для беспокойства вроде как бы и не имелось.

Вроде да.

История лилась весенним ручьем, легко да складно, и лицо Нейвара просто излучало честность. И с заколкой ведь все более-менее прояснилось: если он действительно шел по следу маньяка, то неудивительно, что на террейском кладбище побывал и на мою вещицу случайно наткнулся, может, посчитал ее важной зацепкой, которая, если бы не папина защита, привела бы сыщика ко мне. Вот бы радости было... Интересно, оценила бы его мама в качестве потенциального зятя? Я с трудом проглотила смешок. Что ж, Нейвару невероятно повезло, что в наш дом он так и не попал.

Да, все было гладко и логично, но... мне все равно что-то не нравилось. И дело было даже не в измененной внешности, это как раз тоже вполне укладывалось в легенду о выслеживающем преступника сыщике, как и маскировка силы. Нет. Дело было в другом. Понять бы еще, в чем именно...

Пока Деррек вежливо, но твердо выпроваживал явно недовольных внезапным поворотом селян, я едва дырку в Нейваре взглядом не прожгла, пытаюсь разглядеть за созданной зельем иллюзией настоящую внешность. Ведьме постарше, сильной и опытной, это вполне было под силу, мне же удалось лишь нажать головную боль да понять, что на самом деле наш горе-сыщик младше, чем кажется.

— Вам следует отдохнуть, — обратился к Нейвару Деррек, когда неудачливые мстители все же были выдворены из замка. — И показаться целителю.

— Благодарю, но не нужно, — отозвался не менее неудачливый сыщик. — Простого отдыха будет достаточно.

Еще бы. Если учесть, какие у него зелья есть. Вот только злоупотреблять ими все же не следует, а судя по пустым ячейкам, этим Нейвар грешит регулярно.

— Нужно, — нахально вмешалась я, вперив в него отработанный на Дейдре суровый взгляд. — Я лишь немного поддержала организм, и долго эффект не продлится. Нужна серьезная помощь. Причем целителя.

Да, опять влезла в разговор. Ну и что? Сами ведьму позвали, нечего теперь жаловаться. К тому же я светлая, а значит, мне вдвойне неприятнее, когда рядом кто-то невинно страдает. Я, между прочим, слишком близко чужие беды к сердцу принимаю и мучаюсь! Так что это и мое дело тоже. И пусть только попробуют возразить!

Но возражать никто не стал. Деррека слишком наглая ведьма, похоже, совершенно не раздражала, Нейвар, скорее всего, вспомнил о вреде чрезмерного потребления зелий, а дядюшку Вальдера эта возня и вовсе не интересовала. В отличие от меня... Я просто кожей чувствовала его взгляд, и стоило большого труда не выдать свое недовольство. Лучше уж сделать вид, что ничего не замечаю. Быстрее отстанет.

— Я сообщил о произошедшем в террейский сыскной отдел, — нагнал нас на пороге спокойный голос лорда Грайвена. — Полагаю, господин Карти, вы дождетесь его представителей, чтобы наиболее полно описать случившееся. Наверняка это поможет и вам. Особой радости от скорой встречи с коллегами Нейвар не выразил, но все же скупой кивнул и поспешил покинуть кабинет. Я последовала за ним, рассудив, что Дерреку от меня пользы все равно никакой не будет, а за сыщиком неплохо бы приглядеть: вон какой бледный, еще и шатается, как бы с лестницы не упал. Не для того я на него силы тратила. Стоило нам подняться, как Нейвар обернулся ко мне столь резко, что я сама едва не остушилась. Его лицо исказила страдальческая гримаса, а во взгляде, обращенном на меня, плескалось искреннее возмущение, будто именно я являлась причиной всех его недавних несчастий, что было даже обидно.

— Что? — нахмурилась я, на всякий случай отступая подальше от лестницы и от сыщика, слишком уж сильно в тот момент походившего на маньяка. Одно движение — и кто потом докажет, что я не из-за собственной неуклюжести ступеньки пересчитала?

— Снимите немедленно, госпожа ведьма! — прошипел он.

— Э? — окончательно растерялась я и уже почти решила вклеить еще одну прочищающую голову пощечину, как мне любезно разъяснили:

— Чары свои снимите!

Так вот он о чем. Беспокоят, значит.

— Не могу, — развела руками я. — Сами развеются. Со временем.

— А пока что прикажете делать?!

— Не врать, — отрезала я.

— То есть? — опешил Нейвар.

— А то и есть, — прищурилась я. — Пока вы честны, чары вас не потревожат. Но любая ваша ложь, особенно наглая и вопиющая, пробудит их, и ваша, хм, проблема немного... подрастет. Признаться, поначалу было стыдно. Самую малость. Но отменить пакость действительно бы не вышло, и помочь господину поверенному могло только время... ну и честность, которая, подозреваю, вовсе не относилась к списку его достоинств. Но сейчас, в свете последних событий крохи раскаяния и вовсе испарились. Терпеть не могу, когда из меня дуру делают. Пусть даже из профессиональной необходимости.

Скрип зубов вышел на диво громким и впечатляющим.

— Вы понимаете, что наделали?! — выдохнул сыщик, сжимая кулаки. Пока что, слава Светлой паре, не на моей шее, но в его глазах без труда читалось именно такое желание.

— Я понимаю, что искренностью ваш рассказ не отличался, — кивнула я. — В чем именно вы солгали? Явно не во всем, иначе эффект был бы более... впечатляющим. Но как после этого вам вообще можно доверять?

— Вы действительно думаете, что я буду посвящать в детали всех желающих? — ядовито хмыкнул Нейвар. — Есть вещи, которые я просто не вправе раскрывать!

Прозвучало убедительно. И ни единого признака, что хвост еще немного отрос, я не заметила. Похоже, сыщик и в самом деле был искренен... Но это вовсе не значит, что ему можно безоговорочно верить.

Завтрак так и не состоялся. Время близилось к обеду, но аппетит отбило напрочь. Проследив за тем, чтобы Нейвар прилег и не вздумал прикасаться к зельям — хвоста с него, на мой взгляд, было более чем достаточно, — я дождалась вызванного Дерреком целителя и с чистой совестью отправилась на поиски Илины. Она вместе с рыжиком обнаружилась в библиотеке. Котик спал, свернувшись крохотным клубочком в кресле, Илина же, устроившись прямо на ковре, увлеченно читала. Даже меня не сразу заметила, а заметив, вскочила столь резко, словно я ее за чем-то неприличным застукала. Хотя, наверное, юной леди неприлично вот так запросто вальсировать на полу, подперев руками подбородок и беспечно болтая в воздухе ногами.

О произошедшем я ей рассказала, с разрешения Деррека разумеется. В общих чертах, опуская красочные подробности, которые и сама предпочла бы не знать. Илина слушала жадно и внимательно, а потом заявила, что Нейвар, конечно, странный, но на убийцу, а тем более маньяка совершенно не похож. На сыщика, впрочем, тоже. Последний вывод она так и не пояснила, лишь махнула рукой и задумчиво почесала сонного рыжика за ухом, а допытываться я не стала.

Вместо пустых разговоров я предпочла заняться делом, а именно — отыскать что-нибудь интересное, чтобы почитать вечером. На столике с каталогом книг по-прежнему лежали листовки с подозрительно похожим на одного знакомого мага портретом, и я все же решила удовлетворить разгулявшееся любопытство.

— Это Деррек из столицы привез, чтобы я собственными глазами полюбовалась, — едва взглянув на листок, сказала Илина.

— Еще один маньяк? — уточнила я, теряясь в догадках, зачем девушке из приличной вроде бы семьи любоваться на подобных типов.

— Вовсе нет! — покачала головой она и тяжело вздохнула. — Это Эван, наш кузен. Ему семнадцать... Будет через три месяца.

Чуть постарше Дейдры, а уже что-то натворил. Хотя Дей у нас тоже талантливая девочка, глаз да глаз нужен. Может, и здесь за ребенком не уследили.

— Вы не подумайте, он ничего такого не сделал, — будто прочитав мои мысли, поспешно добавила Илина. — Просто из дома сбежал. То есть не совсем просто... Скрывается так, что никто найти не может. Даже его старший брат, а от него мало кто уйти способен.

Ясно. Тоже весьма одаренный мальчик. От души сочувствую его брату, этот Эван, похоже, заноза почище Дейдры. Та по крайней мере из дома не удирает. Пока что... Хотя бы не сочла мой пример достойным подражания. С нее ведь станется.

Вновь поймала себя на мысли, что скучаю по сумасбродной сестричке. И что беспокоюсь за нее. И за папу. Надеюсь, мама не запилила его окончательно из-за моего побега. В свете последних событий и жутких снов причина бегства уже не казалась такой уж важной. Подумаешь, женихи... Отбилась бы как-нибудь, не впервой. Зато была бы сейчас рядом с семьей, а не пыталась бы понять, что происходит со мной... и вокруг меня.

Кстати, об этом. Раз уж речь все равно зашла...

— А как зовут вашего старшего кузена? — как можно равнодушнее спросила я.

— Атон, — ответила Илина. — Атон Клайдан.

Вот так. Ничего удивительного, если подумать: недаром ведь потрясающее сходство в глаза бросилось, — но дыхание на миг сбилось. Слишком уж много в последнее время напominаний об Атоне. Котик мой вредный, сон странный, теперь еще и младший братец.

Не к добру, наверное. Я прислушалась к себе, но ведьмина интуиция, не столь давно вяло трепыхавшаяся, упрямо молчала и сотрудничать наотрез отказывалась. Ну и ладно. За неимением лучшего сочту это хорошим знаком. Может, и сбудется... для разнообразия.

Оставшийся день прошел на диво мирно. Илина усердно занималась, я неторопливо изучала хранящиеся в библиотеке сокровища, рыжик успел отдохнуть, порезвиться и снова заснуть, так что в комнату я его несла на ладонях, любуюсь сопящим пушистым клубочком и зная не зная, какой сюрприз он готовит.

Вредный котенок, всласть отоспавшийся днем, сбежал после ужина, когда я, утомленная насыщенным днем, готовилась ко сну. Сама виновата, двери нужно нормально закрывать, желательнее на ключ. Вроде бы надежно прикрытая дверь, атакованная разыгравшимся рыжиком, распахнулась, являя нахальным синим глазкам не до конца исследованный мир. Я рванула в коридор в тот же миг, благо раздеться не успела. Мало ужина было, на котором присутствовало семейство Грайвен в полном составе — включая Миледи, одним своим видом испортившую аппетит, и дядюшку Вальдера, явно задавшегося целью протереть во мне взглядами дыру. Горе-сыщик тоже хорошему настроению не поспособствовал. Наверное, спасло меня лишь то, что с расспросами к нему не лезли, и чары мирно дремали, не создавая неудобств.

Несмотря на мелкие размеры, двигался котик чересчур шустро — я едва успевала за гордо задранной хвостом, а на очередном повороте и вовсе потеряла его из виду. И лишь тогда осознала, что в азарте погони нарушила правило, озвученное лордом Грайвеном, ибо именно здесь мне и было запрещено появляться. Но и kota я бросить не могу! Мало ли что здесь водится. А вдруг что-то большое и хищное, и ему мой котик на один зубок?! И я все же решила. Найду рыжика — сразу же уйду, никто не узнает.

Шла я осторожно, едва ли не на цыпочках, прислушиваясь и на всякий случай даже приноживаясь, но ничего подозрительного не почувствовала. Коридор как коридор, разве что цветов не так много и освещение приглушено. Да и дверей поменьше, и почти на всех — магическая защита. Причем использованы были не стандартные чары, а артефакты —

аккуратные навесные замочки без намека на скважину для ключа. И тут дочь артефактора взяла верх над сдержанной взрослой ведьмой. Сама не поняла, как оказалась перед одним таким замком. Трогать, конечно же, не спешила — пальцев лишиться не хотелось, — но осмотреть осмотрела, подмечая ювелирной работы металлические и деревянные детальки и тончайшие плетения, составлявшие единое целое с основой.

Невероятное мастерство! Отцу бы непременно понравилось. Его работы были другими. Не хуже, нет, но я никогда не видела у него таких изящных кружев из чар и мягкости линий заготовок. Эх, узнать бы еще, как оно изнутри выглядит... Но вряд ли лорд Грайвен поймет, обратиться наставница его сестры с подобной просьбой.

— Обронили что-то? — участливо поинтересовались сверху, и я резко выпрямилась, выставляя перед собой наливающиеся жаром ладони. Которые осторожно перехватили, не позволив силе сорваться с пальцев. Слава Светлой паре! Неловко было бы подпалить хозяина дома.

— Простите, — выдохнула я, высвобождая запястья и пряча руки за спину. На всякий случай. И зачистила, торопясь высказаться прежде, чем он сделает собственные выводы: — Я знаю, что не должна здесь находиться, и ни за что бы не нарушила правила, но мой котенок сбежал, и я...

— Решили, что он просочился сквозь дверь? — приподнял брови Деррек.

— Нет, артефакт привлек, — призналась я. — Необычный очень.

Я ожидала всего: и недоверия, и злости, и боги ведают чего еще, — но никак не искреннего смеха.

— Не думал, что вас интересуют артефакты, — отсмеявшись, сказал лорд Грайвен. — Хотя неудивительно, я вообще мало о вас знаю.

— Обычно я не бегаю по чужим домам растрепанной в поисках котов, — смущенно пробормотала я и только тут заметила, что Деррек столь же растрепан... и снова бос. Заметив мой взгляд, он тоже смутился и переступил с ноги на ногу.

— Не сочтите за неуважение, госпожа Ма... Эмма. Это необходимость. У меня некоторые проблемы с силой, и для лучшего контроля над ней я должен находиться в непосредственном контакте с домом. В подвалах расположен темный источник, и для лучшего усвоения энергии обувь нежелательна.

Настоящий источник? Прямо здесь?! Ничего себе! Об источниках я знала только то, что они существуют — семь светлых и семь темных — и питают одаренных силой, но вот где именно они расположены, понятия не имела. И уж тем более даже не мечтала однажды оказаться рядом с одним из них.

Немедленно захотелось разуться и самой ощутить, каково это.

— Боюсь, вы ничего не почувствуете, — с улыбкой заметил Деррек, без труда угадав мои мысли. — Вам нужен светлый источник.

Разочарование скрыть не удалось. И правда. А жаль, было бы интересно попробовать.

— Но я мог бы показать вам свою лабораторию, если хотите, — добавил он.

Я подумала, что есть в этом что-то неправильное: ночь, излишне любопытная ведьма, босоногий лорд, разговор о котах и артефактах... и отказалась.

К тому же мне все еще нужно найти рыжика. И желательно до того, как он что-нибудь сломает или, что еще хуже, попадет в неприятности.

В лабораторию, по уверениям Деррека, котик не заглядывал, зато вполне мог выбраться через открытое окно в сад — защитные артефакты, настроенные на людей, мелочь вроде котов опасной не считали.

— А зря, между прочим, — изрек лорд Грайвен, и взгляд его стал столь же отрешен и задумчив, как и у папы в моменты внезапного вдохновения.

Обратно я шла тихо-тихо, осторожно ступая, чтобы не спугнуть светлую мысль, хотя подозревала, что сейчас Деррек и топота целого табуна диких лошадей не услышал бы. И не увидел бы, пойдя следом и решись подсмотреть за его работой. Но я ни при каких обстоятельствах не пошла бы, нехорошо это, мастеру мешать, пусть даже и молчаливым присутствием. Папа меня еще терпел, но на то он и папа. К тому же Дейдру он выставлял за дверь сразу же, не слушая обиженных пискон. Но на то она и Дейдра, да.

Определенно, сегодня я слишком много думаю о родных! Не дело это. Нужно брать себя в руки. И рыжика — тоже.

Запертая на ночь входная дверь препятствием не стала — благодаря лорду Грайвену меня, пусть и временного, но все же жителя замка, артефакт признавал своей и пропускал без проблем, — и

в сад я выбралась без приключений. Показалось только по дороге, что мелькнула впереди подозрительная тень. Я даже остановилась и прислушалась, но ничего странного не заметила и продолжила путь. Замок древний, ему положено полниться тенями, шорохами и тайнами. А вот ведьмам совершенно не к лицу оных бояться.

ГЛАВА 12

Эван метался по комнате, лихорадочно раздумывая, как же быть дальше. Разумеется, верить ему на слово никто не собирался. Бумаги бумагами, но Деррек наивным никогда не был, а потому предпочел перестраховаться. Зачарованы оказались не только окна, но и главный вход, который без одобрения хозяина дома миновать не получится. Артефакт на входных дверях стоял мощный, с ходу не взломаешь. А если не с ходу, так ведь заметят наверняка и выводы соответствующие сделают. Тогда точно никакие оправдания больше не помогут. Потому оставалось только ждать. И нервничать, понимая, что на этот раз, кажется, он все-таки попался. И в том, кто именно явится прежде ищеек, сомнений не было.

Весь день Эван искал лазейку, позволившую бы ему выкрутиться. И ближе к ночи нашел... Каким бы гениальным не был Деррек, предусмотреть абсолютно все никому не под силу. Защитные артефакты, созданные кузеном, справлялись со своими задачами идеально, вот только некоторым из них требовалась подзарядка. Не срочная, и взломщиков даже такие вот полупустые штучки остановили бы... если бы взламывали снаружи, а не изнутри, используя энергию самого артефакта.

В туиковом коридорчике царили покой и уютный полумрак. Посторонних Деррек не жаловал, а потому и слуг не держал, что сейчас, как никогда, радовало Эвана. Он битых полчаса крутился вокруг сидящей на широком подоконнике каменной совы, расплетая нити чар так, чтобы их создатель не заподозрил неладное. Вроде бы получалось, и с каждой минутой желанная свобода становилась все реальнее. Конечно, оконце было маловато, но не настолько, чтобы Эван всерьез опасался застрять. И через более узкие ходы выбираться доводилось. Когда последняя ниточка силы развеялась, он осторожно распахнул раму, подхватив свой чемоданчик, забрался на подоконник... и чуть не выпал из окна вниз головой, ощутив на лодыжках чьи-то жесткие пальцы, холод которых пробился даже сквозь плотную ткань брюк.

Извернувшись ужом, Эван скользнул на пол и, выставив вперед чемодан, оторопело хлопнул глазами, перед которыми застыло отнюдь не дивное видение.

Оно было всклокочено, бледно и очень зло, и в нем сложно оказалось узнать словоохотливую даму из кареты.

Слегка прозрачную, с сияющими потусторонней зеленью глазами даму...

— Несносный мальчишка! — без сантиментов прорычала она с знакомыми до дрожи нотками в жутком голосе. — Хочешь в могилу раньше времени лечь?!

Догадка озарила смятенный разум и совершенно ему не понравилась.

— М-миледи? — неуверенно промычал Эван, подозревая, что побочные эффекты зелий оказались гораздо забористее ожидаемых.

Фамильного призрака он помнил смутно, ибо видел его давно, но даже в размытых временах воспоминаниях Миледи была намного моложе. А вот незабываемая манера общения, улы и ах, осталась прежней.

Это точно была она. Изменившаяся почти до неузнаваемости, но все же.

Время редко кому на пользу идет. Призраки не исключение.

Древняя слишком. Да и несчастье рода Грайвенов ее неминуемо коснулось.

— Она самая, — уже нормальным голосом ворчливо подтвердила дама, и пугающие огни в ее глазах погасли.

Невидимый ветер стих, перестав развеивать волосы, тело обрело плотность и краски, утратив прозрачность, а ноги коснулись пола, и Миледи вновь стала неотличима от живого человека, что, признаться, напугало Эвана куда сильнее демонстрации ее истинной сущности. В том, что его собственную сущность она прекрасно почувствовала еще при первой встрече, он ни капли не сомневался. От хранильницы в отличие от остальных текущую в венах кровь рода никакими артефактами не скроешь.

— Дерреку сдашь? — задвинув страх на задворки души, с подозрением осведомился он. Сейчас, когда свобода была столь близко и одновременно недостижимо далеко, сумасбродный, попирающий почти все законы природы и магии призрак волновал его не так сильно.

— А надо? — прищурилась Миледи, и Эван энергично затряс головой. — Бестолочь, — припечатала призрачная дама. — Каким был, таким и остался, ничуть не повзрослел! Не бойшься, что эти игры тебя до беды доведут?

— Это не игры, — упрямо вздернул подбородок Эван. — И я знаю, что делаю. А ты...

— А я не имею привычки вмешиваться в чужие дела, — скрипуче перебила его Миледи. — Не маленький уже. Разберешься.

— Разберусь, — не веря, что так легко отделался, повторил он. — Ну, я тогда того... пойду?

— Артефакт включи, недоразумение, — проворчал призрак и, предупреждая готовое сорваться с губ Эвана возмущение, добавил: — Не хватало еще, чтобы младший сын моей Энис переломал кости, вывалившись из окна ее родного дома. Я тебе дверь отворю. И с Дерреком все улажу.

- А...

— И тайну твою дурную сохранию, — скривилась Миледи. — Давай уже пошевеливайся, пока не передумала.

Эван торопливо принялся наматывать не рассеявшиеся еще ниточки чар на артефакт. О том, почему призрак вдруг вознамерился ему помогать, предпочел не размышлять. А уж когда с помощью Миледи перед ним действительно распахнулась дверь, и вовсе не до того стало. И он бы не поручился, что тихое «разберись с этой тварью» прозвучало на самом деле, а не было всего лишь плодом взбудораженного воображения.

Уговорив себя не пугаться теней, бесстрашная ведьма шагнула за порог, миновала крылечко и погрузилась в окутанные мраком дебри старого сада. Как-то так получилось, что на улицу я еще не выходила, и теперь просто наслаждалась свежим воздухом, легким ветерком и ароматами благоухающих цветов. Тропки оказались выложены едва мерцающими плитами, и запнуться обо что бы то ни было я не боялась. Да и в целом сад производил впечатление ухоженного — кусты подстрижены, ветви идти не мешают, цветы вдоль дорожек высажены. Отойдя подальше, я обернулась и задохнулась от восторга. Замок уходил ввысь к черному, расшитому звездами небу, и его белые стены мягко сияли в ярком свете молодой луны.

Я почувствовала себя сказочной принцессой, сбежавшей от злодея, которой жизненно необходимо отыскать прекрасного заколдованного принца. Рыжик на принца, конечно, совершенно не походил, да и целовать наглухо усатую моську я не собиралась, однако искать его все равно придется. Чем я и занялась, не обращая более никакого внимания на красоты и заглядывая под каждый куст, подзывая котенка, который не спешил откликаться. Прикинув размеры сада, я было загрустила, но тут неподалеку послышался шум, и я ринулась туда, зовя упрямого котика уже по имени. Может, хоть так отзовется!

— Атон! — придушенно возопила я, почти ныряя в очередные кусты.

— К вашим услугам, госпожа, — раздался надо мной слышанный лишь единожды, но знакомый до щекотных мурашек голос.

Я замерла, как мышь под веником. Первым порывом было упасть на четвереньки и уползти от греха подальше, и плевать, кто и что подумает, но я сумела побороть недостойный порыв, глубоко вдохнула, призывая себя к спокойствию, и медленно, очень медленно обернулась. Атон Клайдан в свете луны казался еще более привлекательным, нежели я помнила. И улыбался так, словно мы на светском приеме находились, а напротив него стояла не взъерошенная и крайне растерянная ведьма, а ухоженная леди в изысканном наряде.

Да что же мне так не везет! Второй раз встречаемся — и второй раз я в столь неприглядном виде! И то, что я в другом облике, ничуть не утешает, тем более что и вспомнила об этом далеко не сразу. Как и о том, что сейчас я — не восторженная девчонка чуть за двадцать, а взрослая и уверенная в себе ведьма, которая, даже будучи растрепанной, остается достойной восхищения красавицей. И пусть только кто-нибудь рискнет с этим поспорить!

Самовнушение помогло. Я расправила плечи, вздернула подбородок, надеясь, что дерзости в моих движениях больше, чем смущения, и столкнулась с пристальным изучающим взглядом.

— Мы с вами уже встречались? — задумчиво спросил Атон.

Я напомнила себе, что ни один маг не распознает действия ведьмовского зелья, и оборожительно улыбнулась:

— Нет, господин. Я бы непременно запомнила.

— Действительно, — протянул он. — Я бы тоже запомнил. Я бы тоже... Но вы же звали меня. Или мне послышалось?

Вот ведь демон! И как выкручиваться прикажете? А, была не была!

— А я вас и не звала, — хлопнула ресничками я, стараясь не думать, как это вяжется с моим помятым рыжим обликом. — Я ищу своего котенка. Не видели случайно?

— Котенка? — удивленно переспросил маг. — Нет. Я тут вообще-то недавно... Атон, — усмехнувшись, поклонился он. — Теперь, когда вы знаете мое имя, можете звать и меня тоже.

— Мяу! — с энтузиазмом откликнулись из клумбы с тюльпанами. К ногам мага выкатился пушистый комочек и прилежно принялся тереться о высокие сапоги, громко мурлыча. Кажется, тезка ему понравился... Причем взаимно. Подхватив котика на руки, мужчина окинул его серьезным взглядом и, тепло улыбнувшись, спросил:

— Атон?

— Мяу! — радостно подтвердил рыжик.

— Приятно познакомиться, — столь же серьезно кивнул маг и, посмотрев на меня, спросил: — А как же зовут твою хозяйку?

— Ка... кхе-кхе, Эмма, — пробормотала я, чуть не выдав себя с головой. Вряд ли у господина Клайдана столь короткая память, что он успел забыть наше первое знакомство, пусть даже для него оно ничем особенным не отметилось. — Эмма Марен. Я наставница Илины Грайвен. А вы?

Вот так. Направим беседу в нужное русло, пока я не сболтнула лишнего.

— А я — двоюродный брат Илины и Деррека, — улыбнулся он и пощекотал разомлевого котика под подбородком, отчего мурчание стало еще более раскатистым. — Знаю, не самое лучшее время для родственных визитов, но так уж вышло.

Он резко замолчал и развернулся к деревьям, и мне показалось, что там кто-то есть. Слабый магический импульс, сорвавшийся с ладони Атона, исчез в темноте — и через несколько томительно долгих секунд вернулся назад по-прежнему светло-золотистый... а потом врезался в дверь и рассеялся сияющими искрами.

Никого, значит. Только зачем дверь-то портить? Нервы у господина мага не в лучшем состоянии, но уж точно не мне об этом рассуждать.

А в следующий миг сад озарился ярким светом, словно ночь внезапно сменилась белым днем, и от крыльца раздалось грозное:

— Какого демона здесь происходит?!

Я едва успела опознать в этом рыке голос Деррека, как он сам уже стоял перед нами и удивленно взирал на невозмутимого Атона Клайдана, так и не выпустившего из рук котика.

— Атон? — недоверчиво протянул хозяин дома и тут же нахмурился. — Опять мои артефакты гробишь?

— Халтурить меньше надо, — ухмыльнулся маг, передавая недовольно вякнувшего рыжика мне. — Уж прости, но мне совершенно не хотелось ночевать на улице, как и ставить госпожу Эмму в неловкое положение и просить ее пустить меня в дом.

— Прощу, если покажешь, чем именно повредил защиту, — проворчал Деррек и обернулся ко мне: — Вижу, вы нашли своего питомца. И с моим кузеном познакомились.

Прозвучало это несколько укоризненно, и я даже смутилась... на долю мгновения.

— Нашла и познакомилась, — кивнула, нацепив на лицо любимое мамино выражение «ведьма не в духе, но у вас все еще есть шанс спастись». — А теперь, если не возражаете, пойду спать. Доброй ночи, господа.

Возражать, конечно же, никто и не подумал. Мужчины дружно и с явным облегчением пожелали мне хороших снов, и я с чистой совестью покинула их. Любопытство любопытством, но в чужие семейные разборки вступать — последнее дело.

Да и время уже позднее, глаза слипаются, и мысли путаются.

Но, видимо, этой ночью мне было не суждено без помех добраться до уютной кровати. Едва я миновала лестницу, как одна из теней, на которые я старательно не обращала внимания, отделилась от стены и, заступив дорогу, вкрадчиво поинтересовалась:

— Не спится?

Не знаю, как я сдержалась, но получилось даже не вздрогнуть. Зато котик, задремавший на руках, беспокойно заворочался и дернул ушами.

— Прогулки перед сном полезны для здоровья, — уклончиво ответила я и шагнула вперед в надежде, что старший лорд Грайвен все же опомнится и посторонится... Но не тут-то было.

— Смотри, где гулять, — улыбнулся он, тоже подаваясь навстречу и оказываясь недопустимо близко, окутывая ароматами дорогого парфюма... и наверняка столь же недешевого алкоголя. — И с кем столкнуться...

— На себя намекаете? — отступила я, чувствуя, как сдавливает голову невидимый обруч, а воздух сгущается, становится сладким и вязким.

— Ну что вы, Эмма, — укоризненно покачал головой Вальдер Грайвен — и сам покачнулся, едва устояв на ногах. — Для светлых ведьмочек я ничуть не опасен. Могу доказать...

Сама не поняла, как за спиной оказалась стена. От усталости и бесподобной пьяной наглости лорда я растерялась настолько, что даже о магии забыла... и очнулась лишь тогда, когда он отшатнулся со сдавленным:

— Ах ты ж зар-раза!..

— Пфф! — грозно фыркнул мой умный боевой котик, воинственно встопорив шерстку и не сводя глаз с трясушего расцарапанной рукой лорда, даже будто бы протрезвевшего. Глубокие борозды получились, кровоточащие. В столь мелком комочке пуха, как мой рыжик, и не заподозришь таких скрытых талантов... и по-настоящему длинных и острых когтей. Тяжесть, сдавливавшая виски, сразу же исчезла, стало легче дышать, и я поняла, что дело было не только в усталости. Этот... пьяница аристократический пытался меня очаровать! В самом прямом смысле, причем грубо, не озаботившись хоть как-то замаскировать силу, коей было в избытке.

Количеством, видимо, взять решил. С качеством-то прослеживались явные проблемы.

Как и с головой. Надо же иногда думать, какие чары и к кому применяешь!

— Зато светлые ведьмы весьма опасны для здоровья тех, кто на них покушается, — не хуже рассерженной кошки прошипела я. — Вздумаете повторить — одними царапинами не отделаетесь!

Было отчаянно страшно, что он действительно повторит. Прямо сейчас. Потому что во все еще затуманенной голове не осталось ни одной обидной, но, в сущности, безвредной пакости, зато кончики пальцев покалывало от вскипевшей в крови магии, и я отчетливо понимала: посмей он коснуться — ударю. Изю всех сил, не думая о последствиях.

Слава Светлой паре, пронесло.

До поворота я шла, гордо расправив плечи и подняв голову, а после совершенно не гордо припустила по коридору и не останавливалась до самой комнаты. И дверь на сей раз закрыла, дважды провернув ключ и на всякий случай придвинув к ней стул.

— А еще лорд! — возмущенно прошептала я, глядя на невозмутимо умывающегося рыжика.

— Мяу, — разделил он мое негодование и вернулся к вылизыванию хвостика.

Погладив его, я постояла, успокаиваясь, покосилась на пушистый ковер... И не удержалась.

Скинула туфли и, для вящего эффекта отогнув угол ковра, встала на холодный каменный пол. Секунда, две, три и... ничего. Но не успела я разочарованно вздохнуть, как меня словно молнией от макушки до пяток прошило.

Больно не было. Скорее приятно... Тело наполнилось силой, душа — радостью, и показалось, что сейчас я взлечу совершенно без всякой магии. Но через пару мгновений странная эйфория схлынула, и я повалилась на пол, хватая ртом ставший горячим и невкусным воздух. Отметила краем сознания, что рядом жалобно мяукает котик, и, сжав зубы, смогла удержаться от падения в бездонную пропасть.

Отползла на ковер и ошалело уставилась на собственные ноги. Что еще за фокусы?! Я не должна была ничего почувствовать! Ничего! Если только...

Вдохнув и выдохнув, я поднялась, успокоила котика и, переодевшись, нырнула под одеяло.

Нелегко светлой ведьме в логове темных магов. Всякие непорядочные лорды приворожить пытаются, а их родовые замки вместо того, чтобы помочь, через остатки чар подбираются и светлые ниточки силы тянут.

— Злые вы, уйду от вас, — прошептала сердито и, уже засыпая, услышала виноватый вздох.

Так мог бы вздохнуть замок, будь он живым. Чего только не привидится на грани сна и яви!

И чего только не случится за этой гранью, свободной от оков реальности и здравого смысла...

Чуть было не попался. Снова. Сначала едва успел проскочить под носом у Эммы, за каким-то демоном бродящей столь поздно по коридорам, затем — едва увернулся от поискового импульса, счастье, что от таких уже давно научился закрываться. Но как же вовремя он решил уйти! И как же вовремя Миледи пришла на помощь. На этот раз времени оказалось еще меньше, чем он рассчитывал. Намного меньше!

Сердце колотилось у самого горла, когда Эван наконец-то остановился — за пределами замкового сада, на окаянной дороге, ведущей к треклятой деревне, в которой ему точно не следует появляться. Вряд ли местные примут его с распростертыми объятиями, несмотря на все бумаги и доверие лорда.

— Ну, не больно-то и хотелось, — проворчал Эван и, развернувшись, зашагал к нестабильной точке, не столь давно перекинувшей ведьму в лес.

Открыть портал он сумеет, там это под силу даже ему, а отравленный родовым проклятием лес — последнее место, где кого-либо додумаются искать. Тем более его.

Там опасно, конечно. Но если не соваться вглубь, то ничего страшного не случится.

По-хорошему, стоило бы уносить отсюда ноги, и чем дальше — тем лучше, но Эван не мог. Он чувствовал: здесь что-то нечисто и призрачная тварь никуда не делась. Она ведь так и не получила свою жертву, а значит, найдет другую. Именно здесь. Знать бы еще, как обнаружить ее до того, как она вновь убьет.

У него было время на раздумья, и он пришел к выводу, что не так уж ему и не повезло. Сейчас он знал об игрунье намного больше, чем раньше. Он даже не предполагал, что она призрак. Или же нечто другое? Разве призраки умеют вырывать сердца?

Вспомнилась Миледи и то, с какой легкостью она притворялась живой. Она могла воздействовать на предметы, могла казаться теплой, реальной... Но она была древней, как род Грайвенов, а может, и еще древнее. Игрунья же объявилась не столь давно, всего-то лет десять прошло.

Хотя... Вариантов много. Например, она спокойно спала вечным сном, пока ее кто-нибудь не разбудил и не заставил убивать. Или же безвредный дух под влиянием неизвестных обстоятельств озлобился и принялся мстить всем живым напраполю.

Не важно. Главное — придумать, как ее остановить.

И еще. Девушка, которую он видел на террейском кладбище, похоже, никакого отношения к игрунье не имеет. Она была живой, реальной. Испуганной. Теперь, вспоминая, он это понял. Тогда же, ослепленный азартом погони, чуть не ступил на ложный путь. С заколкой той мудрил... И как знать, не намудрил ли? Не навредили ли незнакомке его действия? Впрочем, если уж на самой заколке была такая защита, то и за девушку волноваться не стоило. Наверное.

Запустив руку в сумку, коей вновь обратился модный, но неудобный чемоданчик, заколки Эван не нашел. Даже остановился и не поленился вытряхнуть содержимое на траву, но пропажа так и не сыскалась. Не то чтобы заколка была ему нужна, просто странность эта насторожила.

Обронил по дороге? Или не столь уж и невиновна девчонка с кладбища?

Голова и без новых загадок разламывалась. Морщась от боли, он торопливо сгреб вещи в сумку и пошел дальше, а за пустопорожними размышлениями и не заметил, как добрался до места.

Нестабильная точка сейчас была до обидного стабильна — видно, Деррек постарался, — но Эван не слишком расстроился. Сил придется потратить много, но все же гораздо меньше, чем если бы пришлось открывать портал с нуля, используя лишь свою энергию и, если уж совсем начистоту, скудные знания.

В знакомом лесу он оказался почти без сил — их хватило лишь на то, чтобы очертить защитный круг возле ближайшего дуба. После повалился на землю, подгреб под голову сумку и заметил, что вдоль слабо мерцающего контура топчется нечто сгорбленное, злобное и наверняка голодное.

— Слюной не захлебнись, неудачник, — пробормотал Эван, перевернулся на другой бок и мгновенно заснул, игнорируя обиженное шипение и щелканье мелких, но, несомненно, острых зубов.

ГЛАВА 13

Сон — удивительная вещь. Любой бред воспринимается как должное, особенно если твердо знаешь, что спишь. Во сне можно позволить себе немного больше, чем обычно. Или не немного... По крайней мере лишь во сне я могла вот так запросто выйти из комнаты — в ночной рубашке, босой и с распущенными волосами — неспешно, смакуя каждый шаг, каждое соприкосновение ступней и удивительно приятных на ощупь плит пола, пройти по бесконечным коридорам, сворачивая столь уверенно, будто иду по путеводной нити, не задумываясь, без стука отворить одну из дверей и тенью проникнуть в чужую спальню. Скользнуть к широкой кровати, на которой разметался полуобнаженный мужчина, присесть на край, подтянуться ближе... Полюбоваться в неохотно отступающих предрассветных сумерках на смуглую кожу, четкие черты лица, слегка подрагивающие сомкнутые ресницы и брови вразлет, протянуть руку и коснуться густых черных волос, запутаться в них пальцами и заставить себя отдернуть руку, когда ресницы дрогнули слишком сильно. Замереть на миг, вслушиваясь в ровное спокойное дыхание... Положить ладонь на мерно вздымающуюся грудь и ощутить прохладу гладкой кожи и редкие удары сердца. Сильного, смелого, большого. Тряхнуть головой, отгоняя неуместные здесь и сейчас мысли, и провести кончиками пальцев по плотно сомкнутым губам, прошептав: «Мой...».

Проснуться, когда шепот этот отозвался в ушах тревожным набатом.

И обнаружить, что и не спала вовсе.

Я в ужасе уставилась на Атона Клайдана. Вернее, на свою собственную ладонь, до сих пор вольготно лежащую на его груди. Широкой такой, мускулистой...

Ладонь я убирала медленно, не дыша и неотрывно следя за лицом мужчины, вроде бы безмятежно спящего и не подозревающего о посягательствах одной ненормальной ведьмы. Очнись он сейчас, что я ему скажу?! Я и сама не представляю, что делаю. И зачем. И как! Следующим шагом было сползти с постели и не разбудить ее хозяина, и это оказалось гораздо сложнее. При первой же попытке я едва на него не завалилась, и пришлось вновь опереться ладонью о его грудь, чтобы не уткнуться в нее носом. Замерла, зажмурившись и чувствуя, что сердце вот-вот выскочит, но обошлось. Атон спал на диво крепко, совсем как его пушистый тезка. И потрогать его хотелось совершенно так же...

Ох, дурные мысли дурной ведьмы! Прочь отсюда, прочь, пока ненадежную крышу моего разума совсем не снесло!

В книгах, кои я иногда почитывала развлечения ради, подобные ситуации казались невероятно романтичными. Кто же знал, что в реальности они действительно невероятные — по своей глупости, нелепости и неловкости?!

Грудь подо мной перестала вздыматься. Я вскинула голову и наткнулась на сонный и растерянный синий взгляд, но прежде, чем успела ужаснуться, мир завертелся, и я оказалась прижата к кровати все еще не пришедшим в себя магом. На сей раз он моргнул уже куда осмысленнее, взгляделся в мое перепуганное лицо и хрипло выдохнул:

— Кая?..

И тут нервы бедной ведьмы не выдержали. Ладонь сама собой взметнулась и звучно хлопнула Атона по лбу. Маг вздрогнул, попытался что-то сказать, закатил глаза и обмяк, едва меня не раздавив.

Нелепая смерть вышла бы.

Вполне в моем духе!

Из спальни я словно пробка из бутылки шипучего вина вылетела. И летела до самой своей комнаты, не чуя ног и каким-то чудом не заблудившись. А оказавшись в относительной безопасности — в полной я себя сейчас вряд ли бы где почувствовала, — бессильно осела на пол, закрыла лицо ладонями и расхохоталась.

Спятила. Как есть спятила!

Сны странные вижу. Веду себя как невесть кто. К малознакомым мужчинам пристаю...

Смех резко оборвался, а я похолодела.

Как он меня назвал?

Кинувшись к зеркалу, я зажгла свет и вздохнула с облегчением: бледная кожа, рыжие волосы и чужие черты лица никуда не делись. Но почему тогда прозвучало мое имя? Да еще таким тоном... таким... От одного только воспоминания, каким именно, щекам жарко стало. Нет, имя определенно было не мое. То есть мое, конечно, но мало ли на свете Кайр?

При мысли о том, что Атон просто обозначился, приняв меня за явно небезразличную ему девушку, от сердца отлегло... и одновременно стало грустно, но с последним я быстро справилась. Не придется оправдываться, сочинять, изворачиваться.

Боги, Дара, ну как, как наша в теории безобидная затея обросла таким количеством проблем?! И как поступить, чтобы не усугубить и без того незавидную ситуацию, если порой кажется, что я совершенно собой не владею?

«Рассказать все Дерреку. И с позором вернуться под отчий кров», — ехидно посоветовал внутренний голос.

Дельная мысль. Но... Я лишь на миг представила выражение лица лорда Грайвена, разочарование в его глазах и решительно отказалась от этой идеи.

До бала всего ничего осталось. Как-нибудь перетерплю. А потом уже вернусь домой и больше никогда не стану обманывать. Даже если покажется, что никому это вреда не принесет...

За завтраком царила удивительно тягостная атмосфера, и я от души позавидовала Нейвару, которому хватило благоразумия его проспать.

Напротив меня клевал носом Деррек, наверняка прошедший ночь за усовершенствованием своих артефактов. Время от времени он вспоминал, зачем сюда пришел, вяло ковырял столовыми приборами в тарелке и вновь засыпал с открытыми глазами.

По правую руку страдал Вальдер. В прямом смысле страдал — похмелье не щадит даже благородные головушки, и это немало радовало. В мою сторону он старался не смотреть, и я надеялась, что такое настроение сохранится у него как можно дольше. Желательно, до моего отъезда.

Слева же восседал явно выпавшийся — еще бы, сонные чары мне всегда удавались, — свежий и бодрый Атон, которого больше содержимого тарелки интересовала хмурая ведьма. Ведьма теряла аппетит и нервничала еще сильнее, хотя это и казалось невозможным.

В отличие от некоторых уснуть я так и не смогла, и сейчас, несмотря на все волнения, немилосердно слипались глаза, а в голове шумело море. Все громче и громче, и хотелось смежить веки, раскинуть руки и покачиваться на упругих волнах, ни о чем более не заботясь. Увы, мечты оставались мечтами, и приходилось не просто держать глаза открытыми, но еще и не краснеть от задумчивых взглядов Атона и от воспоминаний. Еще ночью я решила вести себя как ни в чем не бывало. Если господину магу изволил присниться неприличный сон, то честная ведьма тут совершенно ни при чем. И пусть попробует доказать обратное.

Сие унылое общество спасала Илина. Она сияла как летнее солнышко и щebetала утренней пташкой, невольно вовлекая в беседу и брата, и кузена, и даже страдающего дядюшку. Меня тоже вниманием не обделяла, и только благодаря ей я продержалась до конца завтрака, а не сбежала в самом его начале. И все же, покинув столовую, я испытала ни с чем не сравнимое облегчение.

Погода радовала. В окна врвались потоки солнечного света и свежего воздуха, и подумалось, что заниматься в саду будет намного лучше, чем в библиотеке. Илина с энтузиазмом поддержала мою идею. Вот только брать рыжика в сад я не рискнула, и, когда подопечная выпорхнула на улицу, поднялась наверх, груженная подносом с миской молочка и прочими вкусностями для котика. Почесала его за ушком, извинилась за вынужденные меры безопасности и, выйдя в коридор, закрыла дверь на ключ.

Надо бы поводком обзавестись. И котик погуляет, и мне спокойнее будет.

Если только в этом доме вообще возможно спокойствие!

— Тише, госпожа ведьма, я не кусаюсь, — усмехнулся Вальдер Грайвен, шагнувший из-за поворота. Специально караулил, что ли?

— Я иного мнения, — процедила сквозь зубы, лихорадочно соображая, чем бы угостить неугомонного лорда, чтобы донести до него недопустимость такого поведения и одновременно не покалечить.

Не то чтобы его жаль... Просто отвечать за причинение вреда благородному здоровью не хотелось. Дома и так один пострадавший имеется, не стоит увеличивать их число и степень своей вины.

Но он удивил. Даже не попытавшись приблизиться, склонил голову и покаянно произнес: — Прошу прощения, госпожа Эмма. Я вел себя невероятно грубо. Я был пьян... Простите, обычно я не позволяю себе подобного.

Обычно, да.

Обычно и я не прощаю подобного, но в свете ночных приключений и собственного поведения пришлось срочно пересмотреть принципы и милостиво даровать прощение заблудшему лорду. Кто из нас не без греха?

Разве что Илина. С ней было невероятно легко и радостно, и постепенно невеселые мысли и страхи отпустили. Жаль, усталость осталась. И не просто осталась, еще и усилилась. Настолько, что я умудрилась провалиться в сон на уютной лавочке, скрытой от посторонних глаз густыми зарослями черемухи, прямо посреди разбора одного простого, но интересного плетения. И снилось мне синее озеро и отражающийся в его водах парящий в столь же синем небе дракон...

Который, неожиданно приблизившись, обдал горячим дыханием и до крайности раздраженным голосом прогремел:

— Немыслимая наглость!

Я подскочила, не понимая, где я и что происходит. Сердце стучало как бешеное, руки дрожали... одуряюще пахла черемуха, а теплый клетчатый плед от резкого движения сполз на траву. Его точно не было. Илина принести не поленилась. И уставшую наставницу будить не стала, пожалела, позволила отоспаться... Чудо, а не девочка.

— Воспитывать надо было лучше, — послышался второй голос, принадлежавший Дерреку.

— Скажи это своей тетушке, — уже спокойнее предложил первый, по которому я опознала Атона Клайдана.

— Спасибо, но жизнь мне еще не наскучила, — сдержанно отозвался Деррек. — Успокойся, пожалуйста. Мы не можем быть уверены в том, что это он.

— Да неужели? — саркастично спросил Атон.

Они стояли совсем близко: нас разделяла только разросшаяся черемуха. Пройти к моей лавочке можно было только по другой аллейке — или же продравшись сквозь плотно сплетенные ветви. Послышались тяжелые шаги и столь же тяжелый вздох.

— Я устал, Дер. Ты не представляешь, насколько меня вымотал этот... бунтарь малолетний. И самое противное, что я его понимаю. Понимаю, но ничего изменить не в силах. И он это знает. И во всем винит меня.

— Брось. На такое даже у Эвана фантазии не хватит, — не слишком твердо возразил Деррек.

— Ты его недооцениваешь, — вновь вздохнул Атон. — И это после того, как он сбежал у тебя из-под носа!

— Это лишь твои домыслы. Миледи бы распознала личину. Но она ничего не сказала, а это значит, что...

— Что ты как был доверчивым лопухом, так им и помрешь, — хмуро перебил кузена маг.

— На что это ты намекаешь? — с подозрением осведомился Деррек.

— Не намекаю, а прямо говорю. Твоя Миледи — та еще интриганка. Жаль, расспрашивать бесполезно, со мной она принципиально не разговаривает. Древняя, а мудрости как не было, так и нет.

— И после такого ты еще требуешь уважения! — возмутился Деррек. — Миледи такая же твоя, как и моя, между прочим. Она хоть и сдала в последнее время, но об опасности непременно бы сообщила!

— Так какая из Эвана опасность, очнись. Для нее он прежде всего ребенок Энис. И язык у этого ребеночка подвешен как надо, кого угодно уболтает и убедит в своей правоте.

— У него были документы. С печатями, — продолжал отбиваться Деррек.

— Сейчас и не такое делают. К тому же он прекрасно знал, что, показывая тебе эти документы, ничем не рискует.

— Ты прав, — окончательно сник Деррек. — И в мыслях не было...

— Ни у кого бы не было, — успокоил кузена Атон. — Родителей он тоже мастерски обвел вокруг пальца. И меня заодно. Стыд и позор — не могу поймать шестнадцатилетнего мальчишку!

— И почувствовать не можешь? — усомнился Деррек.

— В том-то и дело! — досадливо выдохнул маг. — Паршивец стащил фамильный артефакт, теперь ни по крови, ни по силе не отыщешь. И от листовок толку мало, меняющие внешность зелья он варит получше иной ведьмы. Только и остается, что идти по следам маньяка в надежде, что успею первым, что повезет, что наконец-то удастся его увидеть... и надеяться, что Эван не пострадает.

В последней фразе прозвучало столько горечи, что я невольно сжалась и пожалела, что сразу же не обозначила свое присутствие. Получалось, что я подслушала нечто личное, заглянула в уголок души, не предназначенный для чужих глаз. Сначала я затаилась от неожиданности и иррационального страха, а потом стало поздно. Слишком многое услышала. Кому такое понравится?

Многое услышала, да. И многое поняла. Картинка сложилась, и всем настораживающим меня странностям нашлось простое и логичное объяснение.

Значит, Эван. Эван Клайдан. Несовершеннолетний оболтус, сбежавший из дома. Стоило не хвост ему отращивать, а за ушко к брату доставить. Только кто же знал? Ведьмино чутье... с самого первого взгляда твердило, что с парнем что-то не так. И варианты этого «не так» имелись, так сказать, в ассортименте, вот только единственно верного среди них не оказалось. Точнее, все они были верны, если знать, как именно сложить их вместе. Вот только я не предполагала, что все настолько печально.

Дождавшись, когда Деррек и Атон уйдут, я выбралась из невольного укрытия и направилась в замок. При свете луны он выглядел гораздо величественнее, но и сейчас притягивал взгляд. Вот только было не до красот архитектуры. Мысли упорно возвращались к мальчишке, в который уже раз сбежавшему от брата, и не давали покоя: а что, если бы на его месте оказалась Дейдра? Что бы я чувствовала? Как бы себя повела? Смогла бы вернуть ее до того, как случится непоправимое?

А оно ведь случится. Я вспомнила недавний свой сон и отрешенное лицо Нейвара... вернее, Эвана, видевшего кошмар наяву. Что если в следующий раз он станет не свидетелем, а жертвой?

От нехороших мыслей мутило, а еще я отчето-то чувствовала себя виноватой. Словно обязана была разглядеть под наведенной зельем иллюзией упрямого мальчишку и сделать хоть что-нибудь, чтобы остановить его. А вместо этого хвост ему наколдвала. Стыд и позор.

Что бы сказал на это Атон?

Я замерла на крыльце, потрясла головой. Еще чего не хватало — всерьез размышлять, одобрил бы мои действия малознакомый темный маг! Да и слишком уж я прониклась его проблемами, будто своих не хватает. Моя же задача — как можно быстрее научить Илину контролю, продержаться до бала без приключений и уехать домой... к собственной головной боли, которая в данный момент, надо признать, уже не казалась такой уж невыносимой.

За обедом были только Илина и я. Двое представителей сыскного отдела, в народе ласково именуемые ищейками, прибыли в замок около полудня и изъявили желание немедленно осмотреть место преступления. Оно заботливо опечатал Деррек, а потому шанс что-то найти все же имелся. Крохотный такой шансик, в который я совершенно не верила. Удравший Эван был бы ценным свидетелем, но, увы, его и след простыл, и, судя по мрачному лицу Атона, разговор с Миледи, как он и предполагал, ничего не дал. Хотя спорить готова, что дама приложила свою прозрачную длань к побегу его брата, ибо выбраться без посторонней помощи, не взломав ни единого артефакта, Эван не смог бы. Несмотря на решение держаться подальше от чужих проблем, я все же ощущала невольное любопытство и гадала, что же подвигло мальчишку на погоню за кровавым маньяком. Вряд ли причиной являлась скука — есть множество более приятных и безопасных способов ее развеять. Тут было что-то другое, и ведьмин нос чесался, улавливая запах тайны. Видимо, давно по нему не щелкали. Я сердито цыкала, в очередной раз ловя себя на подобных мыслях, и старалась сосредоточиться на занятиях, благо Илина, не обремененная нездоровым любопытством, проявляла достойную подражания тягу к знаниям. Но сегодня все шло наперекосяк, и я то и дело сбивалась, а

невинный опыт с зельями чуть было не закончился взрывом в выделенной нам лордом Грайвеном лаборатории. Осознав, что ничего путного все равно не выйдет, я нагрузила Илину самостоятельной работой, а сама вновь выбралась в сад. Надеюсь, что свежий воздух хоть немного прочистит голову и выветрит из нее глупые мысли.

Время шло к ужину. Кузены и ищейки задерживались — то ли действительно нашли что-то стоящее внимания, то ли, что вероятнее, до сих пор пытались найти. Мягкий вечерний свет заливал дорожки, окутывал нежно-зеленые листья таинственным сиянием. Я медленно шла, то и дело касаясь покачивающихся на легком ветерке ветвей, и чувствовала, что постепенно успокаиваюсь. Наверное, природа действительно полезна для нервов. Если к ней не прилагаются совершенно бесполезные люди.

И не только люди.

Не знаю, какой демон заставил меня обернуться на замок. С широкой аллеи, на которую я недавно свернула, на него открывался потрясающий вид. Особенно сильно потрясала Миледи, вцепившаяся руками в шпиль одной из башенок и развевающаяся на ветру на манер линиялого стяга.

Я даже глаза протерла, сомневаясь, а не привиделось ли мне. Нет, все осталось по-прежнему, и я даже предположить боялась, что полоумной даме, пусть хоть трижды призрачной, понадобилось на такой высоте и в такой неудобной позе. У каждого человека, хоть бы и давным-давно мертвого, свои тараканы, и для сохранения ясности рассудка лучше никогда не интересоваться подробностями их появления и сути.

Резко отвернувшись от замка и его оригинального украшения, я почти уткнулась носом в грудь старшего лорда Грайвена. Ради разнообразия он был трезв, причесан, гладко выбрит, опрятно одет и благоухал свежестью соснового леса на рассвете.

— Рад нашей встрече, Эмма, — широко улыбнулся он, когда я поспешно отступила на более приличное расстояние.

— Совершенно неожиданной конечно же, — невежливо пробормотала я, подумав, что сейчас предпочла бы даже общество ненормального призрака, изображавшего белье на просушке. В моей жизни в последнее время столько неожиданностей. Одной больше...

— Совсем нет, — удивил Вальдер. Дважды удивил, ибо вопреки опасениям не попытался сократить дистанцию. — Я искал вас.

— Для чего? — насторожилась я. Пальцы знакомо зашипало, и на всякий случай я спрятала руки за спину — велико было искушение по-простому избавиться от досадной помехи.

— Поужинаете со мной? — в очередной раз огорошила «помеха», сияя такой искренней и располагающей улыбкой, что я даже усомнилась, а не подменили ли дядюшку. — Понимаю, что мое поведение оскорбило вас, и не хочу, чтобы оно навсегда испортило ваше отношение ко мне.

— Кажется, я уже простила вас, — напонила я, сильнее сжимая кулаки. Пальцы зудели нестерпимо, казалось, что магия вот-вот выйдет из-под контроля, и приходилось сдерживать себя, чтобы избежать непоправимого.

— Это просто легкий ужин на свежем воздухе, Эмма, — укоризненно произнес Вальдер Грайвен, словно подсмотрев мои недостойные мысли. — Не отказывайте в столь небольшой просьбе раскаявшемуся грешнику. Не лишайте его стимула стать праведником.

Я хотела было заявить, что не в моих силах отпустить грехи и уж тем более наставлять на путь истинный, но вместо этого медленно кивнула. И сама себе поразились, осознав это.

Но отступить было поздно, да и некуда — моя ладонь каким-то неведомым образом уже покоилась на руке Грайвена-старшего, и мы неторопливо шагали по аллее. Впору было бы заподозрить очередное воздействие чар. Я и заподозрила. Проверила. И осталась в полном недоумении, ничего не обнаружив.

Я делала то, чего не хотела, двигалась точно во сне, но при этом мной никто не управлял. Сумасшествие какое-то.

Причем желание избавиться от лорда не исчезло. Оно притихло, затаилось до поры, и я боялась, что эта пора скоро наступит... И тогда от меня совершенно ничего не будет зависеть. Прямо как сейчас.

Кажется, в замке завелся не только сумасшедший призрак, но и абсолютно чокнутая ведьма. И еще неизвестно, чьи тараканы более упитанны и опасны.

В глубине сада среди зарослей шиповника и черемухи стояла ажурная беседка. Предзакатный свет вызолотил молоденькие листики густо обвивающего ее плюща и расписал ведущую к ней

дорожку полупрозрачными узорными тенями. В самой беседке на круглом, застеленном вязаной белой салфеткой столике стояли большая ваза с фруктами, блюдо с тонко нарезанным сыром, свежайший, источающий головокружительные ароматы хлеб и бутылка легкого вина. Две тарелки и пара пузатых бокалов как бы намекали, что Илина приглашения на ужин не удостоилась, и я, до последнего надевавшаяся на чудо, замешкалась на входе. Но лорд Грайвен словно не заметил этого, и пришлось шагнуть следом, а потом и опуститься на заботливо предложенный плетеный стул.

Здесь царил полумрак, и Вальдер легко коснулся подвешенного под потолком фонаря, который мягко засиял, добавляя уюта... и романтичности. Осознав последнее, я с трудом подавила порыв вскочить и сбежать не оглядываясь. Взрослые, умудренные опытом, подчас набитым не одной сотней граблей, ведьмы так себя не ведут. Они непринужденно откидываются на спинку стула, приподнимают бокал с только что налитым вином и, насмешливо изогнув бровь, смотрят на расположившегося напротив мужчину, который уверен в своей неотразимости... Небезосновательно, если честно. А еще они наверняка спокойно пьют вино, не боясь окосеть всего лишь от запаха, и не дергаются от малейшего движения.

И постепенно я действительно перестала дергаться.

Вальдер Грайвен был сама учтивость. Если бы не та встреча в коридоре, ни за что не поверила бы, что он может быть другим, грубым и развязным. Хлеб и сыр оказались невероятно вкусными, фрукты — сладкими и сочными, а вино, которое я осмелилась пригубить, не опьянило, а придало сил и уверенности. Беседа текла легко и непринужденно, не касаясь ничего личного и важного, и я расслабилась, позволила себе насладиться едой, чудесным вечером и приятным — вот уж неожиданность! — обществом. С Вальдером, как ни странно, не приходилось притворяться, и если поначалу я следила за каждым своим жестом и словом, то потом и не заметила, как перестала подражать взрослой ведьме. Я была ею. И это получилось до невероятного просто. И не знаю, какие еще открытия преподнес бы ужин, но в какой-то момент пальцы лорда случайно скользнули по моей ладони... и меня накрыло.

Не так сильно, как в первый раз, но перед глазами потемнело, в ушах застучало, а сердце сжалось от болезненного чувства, которому я не сумела найти названия, но от которого дыхание прервалось, а по коже рассыпались морозные мурашки.

— Эмма? — раздался далекий-предалекий взволнованный голос. — Эмма, что с вами?

Эмма? Кто это? Зачем мне знать, что с ней? Нет, это не нужно, совсем не нужно. А вот сомкнуть ладони, ощущая, как бьется в них чистая сила, вложить в нее то, что переполняет душу, и ударить... со всей мочи ударить склонившегося надо мной мужчину, уроду красивое холеное лицо, сминая его, как картонную фигурку, стирая с лица земли...

Ладони я успела сжать в кулаки, а кулаки спрятать за спиной. Смотрела на встревоженного Вальдера, пытающегося напоить меня вином — за неимением воды, — и с растущим ужасом осознавала, чего только что избежала.

Я ведь и правда хотела ударить. По-настоящему, вкладывая силу не только физическую, но и магическую, отравленную ненавистью. Да, я сумела подобрать название для чувства, что недавно стальным обручем сжимало сердце, не давая дышать. Ненависть. Черная, безысходная, я подобной за всю свою жизнь ни разу ни к кому не испытывала и даже не подозревала, что это возможно.

И лучше бы и дальше оставалась в блаженном неведении!

Сославшись на плохое самочувствие, с ужина я сбежала, не позволив Вальдеру не то что проводить — прикоснуться к себе. Хватит, и одного раза достаточно. Вернее, двух. Что будет на третий, проверять не хотелось.

Что здесь вообще происходит? Что свежий, полезный для здоровья и настроения сельский воздух пробудил в моей душе? И, самое главное, откуда в ней все это взялось?

Окончательно измучив себя вопросами, на которые не было ответов, я скинула туфли, не раздеваясь, свернулась на краешке кровати в клубочек — совсем как сытый и довольный рыжик в кресле — и провалилась в глубокий сон, успев понадеяться, что хотя бы сейчас обойдется без приключений и непонятных сновидений.

Разве измотанная почти до предела ведьма не заслуживает хотя бы немного покоя?

ГЛАВА 14

Ночь в проклятом лесу, как ни странно, прошла спокойно. Эван вымотался настолько, что уснул, несмотря на неприятное соседство, и ближе к полудню, проснувшись целым, невредимым и даже не надкусанным, порадовался надежности защитного круга и своей пусть иногда и «хромающей», но все же неизменной удаче.

О еде он в спешке не позаботился и теперь тоскливо бродил по притихшему до наступления сумерек лесу в надежде отыскать что-нибудь съестное. Грибы, травы, корни — он собирал все, что видел, надеясь обеспечить себя не только завтраком, но и ужином. Кто знает, сколько времени предстоит здесь провести.

На голодный желудок думалось плохо, и план дальнейших действий упрямо не складывался. Улизнуть из замка оказалось легко, но что теперь? Безвылазно сидеть в лесу, отбиваясь от мелкой, но весьма пакостной живности и нежители в ожидании очередного явления игруньи? Она непременно явится, но когда и где? И не сожрут ли Эвана раньше? Не нежить, так комары. Он с болезненным наслаждением расчесал зудящие локоть и шею, потер припухший кончик носа и сунул в сумку еще один вроде бы съедобный корешок. Он бы и сам сейчас кого-нибудь с удовольствием сожрал. Жаль, ночной гость удрал, можно было бы проверить, пригодны ли местные обитатели в пищу.

Поймав себя на последней мысли, Эван осознал, что самый опасный здесь хищник — он сам, и невесело усмехнулся. Запалил небольшой костерок, нанизал свою добычу на прутики и принялся поджаривать ее, вертя над жадными язычками пламени. Без особого аппетита сжевав растительный обед, он вновь призадумался над тем, что делать. Интуиция молчала, игрунья затаилась, а душа изнывала от бездействия. Решившись, Эван двинулся к деревне, поскольку прекрасно чувствовал направление и заблудиться не боялся. Это ведьму лес сбил с пути, лишив уверенности в собственных силах, Эван же давно привык полагаться только на себя и от этой веры отказываться не собирался.

Его расчет оправдался: возле деревни крутились Атон, Деррек и двое незнакомых мужчин. Скорее всего, обещанные кузеном ищейки. Быть обнаруженным Эван не опасался: близко не подходил, и заметить его на таком расстоянии было невозможно. Ему тоже пришлось бы туго... без зелий. Но в заветной шкатулке нашлось и такое, что усиливало остроту зрения, и Эван отчетливо видел, как место преступления изучают чуть ли не по крупичам. Зря только время тратят... Это он мог бы сказать брату, если бы осмелился остаться. Если бы не сомневался в том, что его воспримут всерьез. Если бы знал, что ему позволят закончить дело, а не отправят домой, перед тем, словно провинившегося щенка, потыкав носом во все прегрешения.

Когда кузены и ищейки углубились в деревню в надежде найти зацепку там, Эван развернулся и пошел обратно. На душе камнем лежало принятое решение. Он не будет вмешиваться ни во что. Он никому не позволит встать у него на пути. И в этом клятом лесу хоть вечность просидит, но игрунью дождетя.

Только вот он даже представить не мог, что она сама ждет его.

Эван не помнил, как добрал до своего временного пристанища — заключенного в защитный круг дуба. Не помнил, как оставил там вещи, как просидел до заката, прислушиваясь к себе. И как, встрепенувшись, заспешил в сторону замка...

Очнувшись он на тропке, ведущей к родовому гнезду Грайвенов. Потер ломящие виски, потряс головой, избавляясь от густого шума в ушах, поднял взгляд — и оцепенел.

Напротив, раздвинув тонкие губы в жуткой усмешке, в пяди от земли зависла полупрозрачная, мерцающая в последних лучах заката девушка.

Та самая, что на его глазах вырвала сердце деревенского парня.

Я стояла на берегу невероятно синего озера, в котором отражалось такое же небо, а вокруг шумел летний лес — зеленый, живой, нагретый солнцем и кружащий голову неповторимыми ароматами. Кажется, я уже видела его, и не единожды. И, покопавшись в памяти, на сей раз узнала это место.

Лунное озеро располагалось неподалеку от летнего лагеря ведьмовской школы, в котором я была пять лет назад. Мы с девочками под чутким руководством наставниц совершенствовались в травоведении и зельеварении, учились ориентироваться в лесу и находить нужные травы не только днем, но и ночью — некоторые из них, сорванные в иное

время суток, теряли свою силу. Там я провела чудесный месяц, и все было бы прекрасно, если бы я не умудрилась сильно заболеть — простудилась, искупавшись в озере, воды которого даже в самый жаркий день оставались невероятно ледяными. И последние две недели, пока подруги наслаждались жизнью, я провалялась в горячке, путая бред с явью.

Вспоминать я об этом не любила — при одной мысли начинали кости ломить и голова болеть, — но сейчас воспоминания ожили сами собой, заставив отступить подальше от воды, обещающей блаженную прохладу. И лишь тогда я заметила, что была здесь не одна. Чуть дальше на изумрудной травке берега растянулся самый настоящий дракон. С искрящейся на солнце серебристо-голубой чешуей, устало прикрытыми глазами и бессильно распростертыми крыльями...

Как замороженная, я шагнула к дракону, стараясь не шуметь. Он настороженно приоткрыл один глаз и тоскливо вздохнул. Потянулся навстречу, и я, не выдержав, побежала к нему, оскальзываясь босыми ногами на мокрой траве, но совершенно о том не беспокоясь. Казалось важным как можно быстрее добраться до дракона, но расстояние, только что бывшее ничтожным, вдруг увеличилось, словно чьи-то злые чары отдалили нас друг от друга, и я, уже задыхаясь от бега, ясно поняла: не успею.

Дракон вскочил, расправив крылья, но слишком слабые лапы подвели, и он, неловко завалившись на бок, шумно упал в воду, которая неожиданно сомкнулась у него над головой, будто здесь, у самого берега, притаился опасный омут.

Вместе с драконом в ледяную бездну ухнуло и мое сердце. Я закричала и, в очередной раз поскользнувшись, угодила в хваткие объятия озера, сдавившего шею и потащившего меня вниз, туда, где погибал мой дракон, которого я так и не сумела спасти...

Захлебнувшись не водой, но криком, я бросила ставшее непослушным и тяжелым тело вперед и вверх... и проснулась. Вот только лежала я не на мягкой кровати, а на чем-то жестком, больно впивающемся в бок. Теплую, звенящую от неестественной тишины темноту разбавлял свет луны, зависшей прямо надо мной. Сдавленно охнув, я села, завертела головой, осматривая белеющие в лунном сиянии березы и соображая, как сюда попала, и застыла, увидев неподалеку мерцающий полупрозрачный силуэт, кружащий вокруг неподвижной высокой фигуры. Подавшись вперед и прищурившись, я узнала Нейвара Карти... вернее, Эвана Клайдана и быстро вскочила на ноги. Но, как и лапы дракона из сна, они не пожелали меня держать, и я упала на колени, болезненно вскрикнула... и отшатнулась, когда мерцающее нечто резко обернулось ко мне.

Это определено была девушка. Призрачная, растрепанная, в пугающих белых одеждах, развевающихся на невидимом ветру... с длинными острыми когтями, посверкивающими в неверном лунном свете.

Такими легче легкого пробить грудь и вырвать из нее все еще живое, трепещущее сердце. Прозрачное существо, оскалившись, метнулось к Эвану, слишком рано списав со счетов ошеломленную ведьму. Я все-таки поднялась и швырнула в нечто сгусток чистой силы. Пролетев сквозь призрака, он сбил с ног мальчишку... и привлек нездоровое внимание любительницы чужих сердец, которая наметила новую жертву, позабыв о прежней.

Что ж, я этого и добивалась. Не так ли? А вот о том, что буду делать потом, не подумала.

Сил уже не было — все выплеснула в попытке отвлечь существо. Оставалась энергия некоторых стандартных амулетов, которые я постоянно таскала на себе. Ее и потянула, надеясь отбиться, хотя и подозревала, что надежде этой долго не продержаться. Как и мне. Я ведь не маг и понятия не имею, что с подобной пакостью делать!

Зато знал Эван. Очнувшись от странного оцепенения, он набросил на тварь чары, напоминающие сотканную из огня сеть. В воздухе она расправилась, растянулась и окутала призрака с ног до головы, спеленала его, швырнула оземь... Польшнуло так, что глазам стало больно, и я тоже упала, закрывая голову руками и теряя с трудом собранную силу.

С магами, особенно темными, всегда так. Даже если они тебя защищают, все равно велик шанс попасть под раздачу.

Когда я вновь обрела способность видеть и слышать, вокруг царила самая обычная весенняя ночь, полная шумной жизни. Рядом, как столетний старец, кряхтел, пытаясь подняться, Эван. Я же лежала, раскинув руки, и бездумно пялилась в темное, щедро усыпанное звездами небо. Раздобревший месяц укоризненно покачивался, будто вопрошая: ну и куда ты влезла, глупая ведьма?

Еще какая глупая, мысленно согласилась я.

— Какого демона ты тут забыла?! — возопил поднявшийся на ноги мальчишка, грозной скалой нависая надо мной.

Вот ведь нахал малолетний. Никакого почтения к старшим!

— Пожалуйста, была рада тебя спасти, — прищурилась я на закрывающего собой луну Эвана. — Только на колени не падай, тут жестко.

— И без тебя бы обошелся! — в порыве отнюдь не благодарных чувств взмахнул руками мальчишка — сейчас я даже сквозь иллюзию видела, насколько он молод. — Все было под контролем! Ты все испортила!

— Угу. Она уже приноравливалась, как бы половчее тебе грудь раскроить, это ты называешь контролем? — возмутилась я, приподнимаясь. — И потом, ты же ее уничтожил!

— Если бы, — с досадой выдохнул Эван. — Ушла зараза! Опять...

Он со стоном сел рядом со мной и запустил пальцы во взлохмаченные волосы, из которых забавно торчали травинки и веточки. И внезапно резко обернулся ко мне, впился взглядом... и протянул с нехорошим прищуром:

— Госпожа ведьма, а, госпожа ведьма... Почему это у вас личико так изменилось?!

И он бросился на меня. Еле в сторону откатиться успела!

— Совсем чокнулся?! — выпалила я, вскакивая на ноги и понимая, что вряд ли сумею дать достойный отпор этому сумасшедшему. Магией. А вот по-простому отмутузить окончательно обнаглевшего щенка — запросто! Все они одинаковы, самоуверенны слишком, оттого и за шкирку их схватить нетрудно. А потом и от души носом в совершенное непотребство потыкать...

— Под иллюзией бегают она, а чокнулся — я, — фыркнул мальчишка в облике взрослого мужчины, сверля меня настороженным взглядом, словно почувствовав мои не благие намерения, и моя душа в пятки ухнула, прихватив с собой боевой настрой.

Быстро скользнув ладонью по лицу, я осознала, что иллюзия действительно исчезла. Ну, еще бы, ведь я тянула всю магическую энергию, что во мне осталась! И наведенные зельем чары заодно вытянула... Еще немного — и ауру бы задела. Прав мальчишка, как есть чокнутая! Вот только на пороге смерти не особо думаешь, как с поврежденной аурой жить.

— А Деррек Грайвен знает, кого под свой кров пустил? — продолжал тем временем он, наступая. — Знает, кому сестру доверил? Я ведь тебя уже видел! На кладбище в Террее, когда игрунья в очередной раз убила! Ты убила!

— Чего?! — опешила я от абсурдного обвинения, выкрикнутого побелевшим от ярости мальчишкой.

— У меня и заколка твоя была, — выпалил он. — Это ты же ее из моей комнаты забрала? Ты?!

— Я, — буркнула я. — Потому как это папин подарок, да и вообще тебе она не идет.

Теперь уже опешил Эван. Видимо, такого комментария он не ожидал. И я, воспользовавшись моментом, решила все прояснить. А то мало ли, до чего он еще додумается!

— Меня зовут Кайра. Я дочь террейского артефактора и темной ведьмы, работала в лавке трав, пока не лишилась работы по вине одного придурка. Но даже его я не убила, хотя было и желание, и возможность.

— Ты была на кладбище, — упрямо повторил мальчишка.

— Была, — согласилась я. — Ходила за травами для ленивой младшей сестры. Свалилась в разрытую яму, едва шею не свернула, потеряла заколку... Не видела там ни убитого, ни убийцу, ни тебя. Уж прости, но к твоей игрунье я ни малейшего отношения не имею.

— А что ты тогда забыла здесь, да еще под чужой личиной?! — не поверил Эван. Правильно, я бы на его месте тоже не поверила. Слишком уж подозрительно все выглядело со стороны.

— Я сбежала из дома, — призналась, надеясь, что один беглец другого всегда поймет. — От матушки и навязываемых ею женихов. Я заменила подругу, переигрывать все не было времени, и мы решились на обман. Безобидный обман! Я действительно светлая ведьма, и у меня действительно есть опыт общения с юными ведьмочками. Я сумею обучить Илину основам, как бы это сумела сделать настоящая Эмма Марен. Клянусь, ни словом, ни делом я не наврежу Грайвенам или кому бы то ни было!

— Может, и так, — помолчав, медленно кивнул мальчишка. — Но Деррек все равно должен знать. И он узнает.

Ах, он еще и угрожает? Ну ладно. Я и в самом деле этого не хотела, но он просто не оставил мне выбора!

— Давай, расскажи ему обо мне, — глядя в нахальные глаза, на два тона темнее настоящих, улыбнулась я. — И тогда я расскажу ему о тебе. И не только ему...

— Что? — не понял мальчишка.

— Эван. Эван Клайдан, — с мстительным удовольствием произнесла я.

Он побледнел еще больше и шагнул назад.

— Значит, это и правда ты, — удовлетворенно кивнула я.

Сейчас в мягком свете луны я ясно видела сквозь иллюзию. Испуганный, но решительный взгляд. Упрямо сжатые губы. Копия Атона, только лет на десять младше.

Эван вздрогнул и попятился. Он что же, удрать хочет? Когда мы наконец-то сбросили маски и можем играть по-честному? Ну уж нет!

— Стой! — вскинула я руки. — Я не твой брат и не собираюсь учить тебя жизни при помощи ремня, хотя тебе не помешало бы.

— Я уже взрослый для этого! — насупилась Эван и сразу стал похож на обиженного хомячка. То есть на Дейдру. — Я сам принимаю решения и несу за них ответственность. И мой брат здесь совершенно ни при чем.

— Угу. И чего ты там такого напридумал, что твоими портретиками дорожные столбы украшают?

— Это личное, — поджал губы он. — И касается лишь меня и моей семьи!

— Не повезло тебе с семьей, — посочувствовала я, подумав, что моя еще ничего так. По крайней мере мои криво намалеванные портреты где попало не расклеивают. Хотя... может, еще не успели? И увидев, что он снова сделал шаг назад, взмолилась: — Не убегай, пожалуйста. Давай поговорим. Что здесь вообще происходит?

Может, хотя бы этот ненормальный мальчишка прольет свет на безумие, что творится вокруг меня. Слишком много странностей, слишком много совпадений.

— Я уже говорил, — поморщился Эван. — Когда меня обвиняли в убийстве того парня...

— Ты тогда много чего говорил, господин сыщик, — хмыкнула я. — Удивительно, как хвост длиннее тебя самого не отрос...

Мальчишка вспыхнул, но на рожон лезть не стал.

— Не все в моих словах было ложью, — буркнул он. — Про маньяка — правда. Я только не сказал, что это женщина. А до той ночи понятия не имел, что ко всему прочему она еще и призрак. Или же нечто, очень на него похожее. Я очень долго охочусь за этой... игрушкой. И теперь, когда знаю гораздо больше, чем раньше, просто не вправе сдать! Я должен быть здесь. Пока она рядом...

— Кстати, а она-то как здесь оказалась? Насколько понимаю, тебя сюда случайно забросило. Уж не ты ли привел ее за собой? — нервно хмыкнула я.

— А может, это сделала ты? — не остался в долгу Эван.

Мы посверлили друг друга настороженными взглядами.

— Я вообще о твоей маньячке раньше ничего не слышала, — мотнула я головой, — так что угомонись уже. И почему ты ищешь ее в одиночку? То, что ты узнал, не сомневаюсь, поможет делу. Твой брат...

— Мой брат — настоящий дракон, — перебил великий сыщик. — Он и слушать не станет! А если и выслушает, то все равно домой отправит, к матери и отцу под крыльшко.

— Я бы тоже отправила, — пробормотала я, представив на месте Эвана Дей. — Он за тебя отвечает, в конце концов! Каково ему было бы, случись с тобой беда?! Да она и так только чудом не случилась! Не маньяк убил бы, так разъяренные селяне!

— Не убили же, — нетерпеливо отмахнулся несовершеннолетний кошмар. — Я вовсе не так беспомощен, как может показаться! У меня есть знания. И сила. Амулеты и зелья...

— С которыми тебе нужно срочно завязывать, если не хочешь превратиться в зависимого или же вовсе сгореть, — перебила я разошедшегося мальчишку. — Чего ты хочешь доказать? Что уже взрослый? Так существует множество способов сделать это, не рискуя собственной жизнью и нервами родных! Пока ты лишь доказываешь обратное — что ты всего-навсего избалованный, ни о ком не думающий ребенок!

— Она убила Инара! — крикнул Эван. — И никто, даже Атон, так и не отомстил за него!

Опустили руки, сдались, устали. А эта тварь продолжает убивать. Год за годом. И год за годом

становится все сильнее! Кто-то должен ее остановить. И я остановлю! Чего бы мне это ни стоило!

— Инар — это... — уточнила я, поняв, что продолжения пылкой речи не будет.

— Мой брат, — устало выдохнул вмиг растерявший запал мальчишка и тяжело опустился на траву. — Самый старший. Она убила его одним из первых. А может, он и вовсе стал ее самой первой жертвой. — Эван помолчал и, подняв голову, глухо добавил: — Его нашел я. Растерзанного, в луже крови. Мне было семь, Кая. И вот уже десять лет каждую ночь мне снятся кошмары. Она зовет меня. Издевается надо мной. Играет... Я не могу так больше. Я хочу жить нормально. Но для этого я должен знать, что эта тварь мертва и больше никому не причинит зла.

Я не нашлась, что сказать. Столько усталости и боли было во взгляде и голосе Эвана, что они отделились эхом и в моей душе. Захотелось просто обнять этого взъерошенного ребенка, ласково погладить по голове и уверить в том, что все обязательно будет хорошо. Вот только в последнем я и сама сомневалась.

— Почему ты удрал от брата? — любопытствовала я, нарушая неловкую паузу. — Ты же под иллюзией, которую не каждая ведьма распознает, не то что маг.

— Нормальный маг, — поморщился, словно от зубной боли, Эван. — В моем брате нет ничего нормального, поверь. Он видит сквозь иллюзии, даже наведенные при помощи зелий. При этих словах моя душа ухнула в пятки. Значит, ни с кем меня Атон не спутал. Значит, все же узнал. Причем сразу узнал, при первой встрече в саду! Но при этом почему-то продолжал делать вид, что мы незнакомы.

— Вижу, до тебя дошло, — ухмыльнулся мальчишка.

Я медленно кивнула и прикрыла глаза. И что теперь делать? Как себя вести? Играть в непонятные игры и дальше? А если Атон выдаст Дерреку? Или уже выдал? Какой стыд!

Я спрятала пылающее лицо в ладони и прикусила губу, сдерживая бессильный стон, и тут по моему плечу осторожно похлопали.

— Дерреку он не скажет, не волнуйся, — без труда угадал мои мысли Эван. — Атон не привык лезть в чужие дела, ему хватит и того, что зла ты не замышляешь.

— Откуда ему это знать? — пробубнила я, не отнимая рук от лица. — Ты вон с ходу в убийстве меня обвинил!

— Это я в запале, — хмыкнул он. — А теперь ясно вижу, что ты действительно светлая. На всю голову. И даже полное имя тебе не подходит.

— Почему это? — удивилась я.

— Кайра — имя для темной ведьмы, — уверенно заявил мальчишка, и я не сумела возразить. С тем расчетом и называли. Расчет не оправдался, а имя осталось. — Кая идет тебе гораздо больше.

— И на том спасибо, — обиженной кошкой фыркнула я.

Вот вроде и не хамит в открытую, а все равно насмехается. Умный ребенок, но вредный. По такому ремень горькими слезами плачет.

— Пожалуйста, — отозвался Эван, легко поднимаясь с травы. — Скоро рассветет, пора уходить. Да и тебе не мешало бы в замок вернуться. И да... Не вздумай рассказать Атону. Я — не он, сдам тебя Дерреку. Честное слово, удовольствия мне это не доставит, потому ради нас обоих держи язык за зубами, Кая. — С этими словами он шагнул в сторону и исчез, словно его поглотили тени.

— Щенок нахальный! — выдохнула я, восхищенная мальчишеской самоуверенностью и наглостью.

Вот уж поистине все познается в сравнении, и моя Дейдра на фоне Эвана — кроткое невинное создание!

ГЛАВА 15

До замка я добиралась бегом, подобрав полы длинной ночной рубашки и не обращая внимания на колкие травы и острые камешки под босыми ногами. Возле входных дверей замешкалась, приложившись к ним ухом и чутко вслушиваясь в царившую по ту сторону тишину. Вроде бы

никого. Осмелившись, я открыла створки и скользнула внутрь, а потом ураганым ветром унеслась в свою спальню. Повезло, по пути никого не встретила. Для Атона мой истинный облик, конечно, уже не секрет, но вот Деррек и Илина... Не хотелось бы, чтобы они узнали правду вот так, внезапно и практически помимо моей воли.

В комнате было тихо и спокойно. Мирно дремал в изножье кровати рыжик, шелестела на залетающем в приоткрытое окно ветерке занавеска... Первым делом я отыскала в сумке зелье Дары и сделала пару хороших глотков. Сама не знаю зачем, если метаться уже было поздно. Но я все-таки металась. В прямом смысле слова. Уснуть все равно не получилось бы — я была слишком взбудоражена, — и оставалось лишь мерить шагами комнату, лихорадочно ища выход из некрасивой ситуации. Что сказать Атону, чтобы не оказаться в его глазах бестолковой девчонкой, пролезшей на чужое место? Понятия не имею, отчего это так волновало, но ничего поделаться с собой я не сумела. А ближе к утру пришла к выводу, что поговорить с Атоном действительно нужно, вот только не о собственных прегрешениях — они его совершенно не касаются, — а о том, что произошло сегодняшней ночью. И не только сегодняшней. Надоело все носить в себе, а еще было очень страшно, и мысль довериться кому-то старшему и более опытному показалась невероятно привлекательной. Даже вредная ведьмина интуиция замурчала ласковой кошкой, безоговорочно одобряя план.

Вот только осуществить его оказалось не так-то легко...

Когда небо посветлело окончательно, я быстро привела себя в порядок и бросилась к комнате Атона Клайдана, каким-то чудом помнила, где она находится. Но, сколько ни стучала, никто не открыл. Из запертой спальни не доносилось ни шороха, и оставалось лишь гадать, куда подевалась ее хозяйка. Задумавшую доброе дело ведьму свернуть с праведного пути невозможно, и я отправилась к комнате Деррека. Но и там поджидала неудача. Хотя на сей раз ответ я получила — после очередного удара по двери из нее наполовину высунулась недовольная Миледи и скрипуче рявкнула:

— Чего тебе, ненормальная?

Пропустив мимо ушей тон вопроса, я заявила, что надо мне Деррека. А еще лучше — Атона. И если многоуважаемая дама знает, где и как их найти, то я буду очень и очень благодарна. Я подозревала, что моя благодарность призраку совершенно ни к чему, и не особо надеялась на помощь, но неожиданно ее получила. Миледи не просто сказала, где сейчас находятся мужчины, но и вызвалась проводить к ним, чему я невероятно обрадовалась. Не придется плутать и тратить время на поиски!

Миледи, с каждым шагом плотнее и наливаясь красками, вывела меня сначала из замка, а потом и за его пределы. Мы шли по узкой петляющей тропке, и от волнения я ничего вокруг не замечала, а потому восклицание: «Вот же они!» — застало врасплох. Я встрепенулась, подалась вперед и, получив коварный тычок в спину, упала на колени. Но прежде как сквозь невидимую завесу прошла...

Подняв глаза, обнаружила, что тропка и окрестности замка пропали, сменившись мрачными деревьями и жухлой травой. Похожие я уже видела в вечер своего приезда, и впечатления все еще были свежи, но я не успела ни испугаться, ни возмутиться подлостью призрака, ибо на меня надвигалось нечто большое, обросшее шерстью и явно голодное...

Слотнув, я, не поднимаясь, попятилась. Нечто коротко рыкнуло и припало на передние лапы. — Замри, Эмма, — послышался за спиной напряженный голос Деррека. — Не делай никаких движений. Просто замри. И дыши как можно реже.

Да я, кажется, только что вообще дышать разучилась! Даже вздох облегчения и тот в горле застрял.

Но время шло, я не дышала, нечто исходило рыком и голодной слюной, а Деррек отчего-то бездействовал. Аж между лопаток чесалось от любопытства: что же он там делает?! Никак не может сплести какие-нибудь убойные чары? Или хотя бы самые простенькие, отгоняющие подобную пакость? Я бы и то уже сплела, только, боюсь, не сумею вложить в них достаточно сил. А вот Деррек — сумеет. Вернее, должен бы.

Не выдержав, я очень медленно, одним глазом косясь на урчащую тварь, обернулась — и едва не подавилась, резко вздохнув от негодования. Лорд Грайвен, наследник одного из сильнейших магических родов беспомощно перебирал прицепленные к поясу артефакты!

— Что ты делаешь?! — прошипела я без всякого уважения к хозяину замка.

— Пытаюсь спасти наши жизни, — огрызнулся он, не сводя с твари внимательного взгляда. — И я же просил не шевелиться! А, демоны!..

Связка артефактов выскользнула из пальцев лорда и с грохотом упала на землю. Тварь, казалось, только и ждала команды, взревела и рванулась ко мне. Невнятно выругался Деррек, звеня оставшимися артефактами, взвизгнула я, осознав, что он не успеет... С воинственным мявом метнулся я наперерез лесному чудищу невесть откуда взявшийся крохотный рыжий комочек.

— Атон! — в ужасе воскликнула я, в красках представив, как разогнавшаяся туша сейчас сметет моего не в меру храброго маленького котика с пути, но тут он вздыбил на заливке шерсть, изогнулся крючком, и вокруг него вспыхнуло золотистое сияние. А когда оно погасло, на месте рыжика стоял зверь величиной с матерого волка, а может, и больше. Статный, поджарый, с густой, отливающей всеми оттенками золота шерстью, огромный и сильный кот. Если коты, конечно, бывают такими... И рык, кой он издал, отнюдь не походил на смешное фырчанье неразумного котенка.

Впечатлилась даже тварь. Резко остановившись, она вытаращила болотного цвета глаза и плюхнулась толстой филейной частью на землю.

— Атон? — сглотнув, просипела я.

— Мр-р-ряу, — на мгновение оглянувшись и одарив меня гордым взглядом, пробасил мой подросток котик.

— Светлые боги, — сдавленно охнул лорд Грайвен, и я была с ним полностью солидарна. Котик же, более не обращая на нас никакого внимания, сосредоточился на заметно струхнувшей твари. Плавно шагнул вперед, дернул шикарным хвостом и издал низкое урчание, от которого все волоски на моем теле дыбом встали. Тварь попятилась, но ума остаться пусть и опозоренной, но живой ей не хватило. Прыгнув в сторону, она попыталась достать нас с Дерреком. Кот метнулся к ней золотистым росчерком. Короткий противный визг огласил лес, и к нашим ногам подкатилась чудовищная голова. Подрагивающее тело осталось лежать в луже слабо светящейся зеленой крови.

Рыжик брезгливо потряс лапой, поскреб ею об траву и неспешно шагнул ко мне. Я шумно сглотнула и отпрянула, но уткнулась в застывшего Деррека и обреченно зажмурилась. Горячее дыхание коснулось моих щек, а потом по ним и шершавый язык прошелся. Миг — и острые коготки впились в мою ногу, а снизу донесся требовательный мяв.

Распахнув глаза, я ошеломленно уставилась на крошечного котика, настойчиво привлекающего мое внимание. Подхватила его на руки и вздрогнула от благодарного мурчания.

Что это вообще было?!

— Очень похоже на теневого кота... за исключением некоторых особенностей, которых у них, как правило, нет и быть не может, — растерянно сказал лорд Грайвен, и я осознала, что вопрос произнесла вслух. — Вы точно светлая, госпожа Эмма?

— С утра была, — нервно хмыкнула я и с опаской почесала рыжика за ухом.

Признаться, сама уже не была в этом столь уверена.

— Вы назвали кота Атоном? — спохватился Деррек.

— Он сам так назвался, — вздохнула я. Чистая правда, между прочим. Жаль, что в нее обычно мало кто верит.

— Понятно... — протянул лорд, поймал мой заинтересованный взгляд и торопливо подхватил с земли уроненные артефакты. Сжал один из них в ладони, а свободную руку протянул мне: — Идите отсюда, пока еще какие-нибудь твари не набежали.

Спорить я и не думала, и мы шагнули в белесое марево распахнувшегося портала.

— Чтостряслось? Как вы оказались там? — выпалил Деррек, едва мы ступили на ведущую к замку дорожку. — То есть я видел, что вы вошли в портал, но зачем?!

— Я не вошла, это ваша Миледи толкнула меня! — без зазрения совести наябедничала я.

Деррек побледнел.

— А вот этого я не заметил. Вы уверены, что...

— Абсолютно, — отрезала я, не желая слушать оправданий и заверений, что Миледи — самый кроткий и добрый призрак на свете. Спасибо, лично убедилась в степени ее кротости!

— Не понимаю, что на нее нашло, — растерянно пробормотал лорд и решительно добавил: — Но обязательно выясню!

«Удачи», — мрачно подумала я. Вряд ли вредная, давным-давно мертвая тетка поспешит раскаться в содеянном. А уж в том, что оправдываться и изворачиваться из любой ситуации она умеет в совершенстве, я ничуть не сомневалась.

— А я не понимаю, почему вы не запустили в это чудо-юдо каким-нибудь заклинанием помощнее, — прищурилась я. — Вы ведь маг! Сильный маг. Неужели побоялись, что не справитесь?

— Я не маг, — ошеломил меня Деррек. — Ни я, ни Вальдер, ни мой отец. И мой сын, ежели таковой будет, не унаследует ни капли силы. Все началось с моего деда. Каким-то образом он навлек на наш род проклятие, и теперь прямые потомки по мужской линии лишены магических сил. Этот лес... Он такой из-за отголосков проклятия. Его ограждают защитные артефакты, потому оттуда ничего и не лезет. Большую часть времени по крайней мере. Сколько там охотников за нежитью перебивало, а извести все подчистую не получилось. Отец так и не сказал, что тогда произошло. Дед сделал все, чтобы об этом никто не узнал. Он был талантливым артефактором... это у нас тоже семейное, — невесело усмехнулся лорд. — Артефакты — наше все. Они создают нужную ауру, генерируют заклинания, открывают порталы. Кольца, медальоны, карманные часы, браслеты. Даже пуговицы и шнуры — разве кому-нибудь придет в голову, что дело в них? Так что дед успешно скрывал правду. Как и мой отец. Как и дядя. И я сам... Никто даже не догадывается, что сильный род уже вовсе не так силен. И Миледи, привязанная к нашей магии, слабеет год от года. Возможно, все ее странности как раз отсюда.

Теперь многое становилось понятным. Множество артефактов, попытки Деррека быть ближе к источнику, уверенность Эвана в том, что ни кузен, ни дядя не сумеют распознать поддельные бумаги и уличить его во лжи... Но кое-чего я все же никак не могла взять в толк.

— Зачем... зачем вы рассказали об этом мне? — прошептала я.

— А вы дали магическую клятву о неразглашении всего, что узнаете в моем замке, а это все еще его территория, так что... Я ничем не рискую. Да и потом, вы едва не погибли и заслуживаете правды.

Я горько усмехнулась. Разве та, что скрывается под чужой личиной, может заслуживать правды? Но момент для взаимного откровения был упущен: от замка к нам спешил Вальдер Грайвен, при котором совершенно не хотелось обнажать душу и показывать истинное лицо. Рыжик, до сих пор тихонько сидевший на руках, фыркнул, распушился и ловко забрался мне на плечо.

Защитничек... Знать бы еще, откуда ты такой одаренный взялся.

— На вас лица нет, Эмма, — встревоженно покачал головой Вальдер, выслушав короткий пересказ событий. Несколько искаженный, кстати, не коснувшийся героической роли котика. Рассказывал Деррек, я же молчала, все еще переваривая услышанное. Какое уж тут лицо. Но старший лорд был убежден, что оное ведьмам положено, и, крепко взяв меня под локоток, — с другой стороны от недовольно щелкнувшего зубками рыжика, — повел к замку, потеряв всякий интерес к племяннику. Обернувшись, я увидела, что тот продолжает стоять, задумчиво изучая носы собственных ботинок. Наверняка соображает, как вывести одну прозрачную интриганку на чистую воду. Я бы и вовсе экзорциста пригласила. Как по мне, без полоумной тетки замок станет только краше и безопаснее.

За кровавыми размышлениями и не заметила, как мы вошли под каменные своды — и как свернули в западное крыло. Конечно, мне уже приходилось здесь бывать, но тогда была уважительная причина, сидящая сейчас на моем правом плече. Впрочем, причина, поддерживающая меня под левую руку, была не менее уважительной. Я ведь не одна брожу, а с одним из хозяев дома, так что не стоит переживать.

Мы пришли в небольшой кабинет. На многочисленных полках среди книг стояли разномастные пузырьки, бутылочки и колбы, создавая уютный беспорядок вполне в ведьминском стиле. На столе у окна примостились пузатый чайник и вазочка с пирожными. Усадив меня в удобное кресло, на спинке коего тут же обосновался котик, Вальдер легко коснулся чайника кончиками пальцев, и из изогнутого носика вылетело облачко пара. Внимательно следившая за действиями лорда, я заметила, как блеснул невзрачный камешек в серебряном кольце, обхватившем указательный палец мужчины.

— Деррек рассказал? — усмехнулся он, поймав мой взгляд, и достал из ящика стола чашки.

— Я не напрашивалась, — смутилась я.

— Верю, — кивнул Вальдер, разливая благоухающий летним полднем чай. — Деррек склонен к излишней откровенности. К счастью, не со всеми. Уверен, что вы, Эмма, не из болтливых.

— Магическая клятва надежно избавляет от болтливости, — сухо обронила я.

— Что ж, племянник не так уж и беспечен, — удовлетворенно хмыкнул он. — Приятно знать.

Я обхватила ладонями горячую чашку и только тут осознала, что замерзла. Тело пробила крупная дрожь, и зубы громко клацнули о фарфор, когда я попыталась сделать глоток обжигающего напитка.

— Мне жаль, что вам пришлось это пережить, — мягко сказал Вальдер, неожиданно накрывая ладонью мои озябшие пальцы. — Наверняка вы не так представляли себе жизнь в нашей глуши...

Вспомнив, чем в прошлый раз обернулись прикосновения лорда, я отпрянула, едва не расплескав чай, и выдавила улыбку в ответ на недоумевающий взгляд. Ничего странного не случилось, зря только дергалась.

— Я плохо представляла, во что ввязываюсь. — В попытке сгладить неловкость я потянулась за пирожным и немедленно стала обладательницей всей тарелки. Щедрый какой. И, похоже, сладкое не особо любит. Привлекательная черта в любом мужчине для ведьмы-сладкоежки. — Но мне здесь нравится. Красиво, тихо... большую часть времени.

— Раньше так было всегда, — вздохнул Вальдер, задумчиво вертя в ладонях полупустую чашку.

Отщипнув кусочек пирожного, я поднесла угощение к розовому носу рыжика, за что удостоилась возмущенного фырканья. Еще один мужчина мечты, пусть даже и кошачьей наружности. Сказка.

— Что же произошло? — спросила больше для поддержания разговора, чем из любопытства. Влезать в чужие семейные тайны не хотелось, но я не сомневалась, что лорд сменит тему разговора.

Ошиблась.

— Мой отец был помешан на магии, — медленно, не сводя с меня прищуренных серых глаз, протянул Вальдер. — При всей его силе и таланте, ему всегда было мало. Это он отыскал замок, выкупил его у прежних владельцев и обустроил здесь родовое гнездышко. Вы ведь знаете об источнике?

Я кивнула, тоскливо подумав, что уже слишком много знаю о Грайвенах. Еще немного, и о крепком сне можно будет забыть. Но прерывать Вальдера посчитала невежливым, да и просто понадеялась, что по-настоящему важные секреты он открывать не собирается.

— Но и это перестало его устраивать, — продолжал лорд, обводя пальцем ободок чашки. — И он решил преступить черту.

Я затаила дыхание, молясь, чтобы сам лорд ничего не переступал и оставил бедную светлую ведьму в блаженном неведении относительно пороков своего предка. Но, увы, видимо, близость темного источника не позволяла Светлой паре услышать отчаянные воззвания.

— Дед принес темным богам жертву. Юную темную ведьмочку, полную жизни и силы. А потом еще одну. И еще... Пока не нарвался на ту, что, умирая, сумела проклясть и его самого, и наш род. Так в нашем распоряжении остались лишь артефакты.

Я тяжело сглотнула. Это было как раз то самое, чего мне знать не хотелось! И надо бы промолчать, сделать вид, что все тут же забыла, но вместо этого я прошептала:

— И его так и не наказали? За все его преступления?

— Его наказала сама жизнь, — невесело усмехнулся Вальдер. — Урока он не усвоил и в попытке снять проклятие нарвался на очередную ведьму, которая, вместо того чтобы покорно погибнуть на алтаре, сама вырезала ему сердце.

Я вздрогнула и едва не выронила из вмиг ослабших рук чашку. В глазах потемнело, дыхание сбилось, и показалось, что вот-вот рухну в обморок. Меня вовремя подхватили, невзирая на грозное шипение котика, усадили удобнее и напоили прохладной водой.

— Вы слишком светлая, Эмма, даже для светлой ведьмы, — с грустной улыбкой констатировал Вальдер, присев на корточки возле кресла, в котором полулежала я. — Простите за ужасные подробности, я не подумал, какое впечатление они могут произвести на вас.

Кажется, меня приняли за нежную даму, лишаящуюся чувств по любому поводу. И ведь не объяснишь, что это вовсе не так. В отличие от лорда своими секретами я делиться не хотела.

Чай допивали в молчании. Так же молча вышли из кабинета. Даже рыжик лежал смирно, не пытаясь цапнуть лорда, который провел меня совсем другим путем, так что я совершенно неожиданно оказалась перед дверью в свою комнату.

— Берегите себя, Эмма, — поклонившись и пожав кончики моих по-прежнему холодных пальцев, сказал Вальдер, прежде чем покинуть нас с сонным котенком.

Я немного постояла, бездумно пялясь в стену, зашла к себе и, сгрузив рыжика на кровать, строго на него посмотрела:

— Не знаю, кто ты, но веди себя хорошо. И, пожалуйста, не съешь никого, пока меня не будет! С этими словами я вышла из комнаты и закрыла дверь. Подергала за ручку, оценила толщину створки, припомнила второй облик котика... и с поразительной ясностью поняла, что при желании такая преграда его не остановит.

— И это непременно обсудим, — буркнула едва слышно и решительно зашагала по коридору. Взламывать замки я умела. Жизнь в нашем доме, полном коварных темных ведьм, и не такому научит. Другое дело, что применять свои криминальные знания вне родных стен до сих пор не приходилось. Но все когда-нибудь бывает впервые, и вот уже я, вздрагивая от малейшего шороха, вскрываю дверь в чужую комнату, не испытывая ни малейших угрызений совести. Не грабить же я пришла! Просто сомневалась, что никуда больше не влипну до того, как сумею поделиться всем, что накопилось на душе.

Наконец замок тихонько шелкнул, и я мышкой скользнула внутрь. Осмотрелась, припомнила прошлую ночь и резко выдохнула, отгоняя ненужные мысли. Кресло было занято какими-то бумагами, и я не решилась их сдвинуть, но после получаса бесплодного ожидания ноги запросили пощады, и я, посомневавшись, все же присела на кровать.

Подожду его здесь. И плевать, что он может подумать! Хуже все равно уже не будет.

Измученная ночными потрясениями, плавно перешедшими в утренние, я прикорнула на краешке кровати и даже успела задремать, когда дверь едва слышно скрипнула, пропуская в залитую солнечным светом спальню ее хозяйина.

— Кай... хм, Эмма? — удивился он, увидев встрепенувшуюся меня.

Я бы тоже удивилась, расположившись на моей кровати посторонняя девица. И от неожиданности бы оговорила...

— Вы прекрасно знаете, кто я, — без обиняков сказала я, торопливо вставая. — Наверное, нужно объяснить, как случилось, что...

— Не нужно, — перебил Атон, оказываясь совсем близко, и я, рискнув поднять голову, обнаружила, что он улыбается. — Ты все же сбежала из дома. Признаться, поражен, что ты не сделала этого раньше.

Я открыла и закрыла рот, не зная, что сказать. Все так просто? Стоило лишь прийти к нему и признаться в том, что он и без того уже знал?

— Я выдала себя за другого человека, обманула вашего кузена, — упрямо пробормотала я, не веря, что грозы не будет.

— Невелико преступление, — тихо рассмеялся Атон, осторожно подцепил мой подбородок и, заглянув в глаза, посерьезнел. — Что случилось, Кая? — спросил мягко, но настойчиво, и слова все-таки нашлись. Полились ручьем, и я захлебывалась ими, сбивалась и перескакивала с одного на другое, но маг слушал внимательно, не перебивая, давая выговориться. И про террейское кладбище, и про странные сны о вырванных сердцах, и о встрече с Эваном, выдающим себя за поверенного, и о минувшей ночи... Обо всем, что камнем лежало на душе, и с каждым мигом становилось легче — от осознания, что больше не нужно держать все в себе и бояться в одиночку.

— Значит, Эван где-то поблизости, — кивнул Атон, когда я замолчала.

— Ты совсем не удивлен, — сказала я и поспешно исправилась: — Вы...

— Ты, — качнул головой маг и сжал мою ладонь, невесть когда оказавшуюся в его руках. А еще выяснилось, что мы уже не стояли, а сидели на краешке кровати — я так погрузилась в рассказ, что совершенно ничего не заметила. — Так проще. И да, я не удивлен. Здесь творится что-то неладное, и он не смог бы уйти, не разобравшись. Даже невзирая на страх быть пойманным и отправленным домой. — Атон вздохнул и совсем растерянно добавил: — Мама там с ума сходит, а этот герой...

— Он в опасности. Она его теперь в покое не оставит, да?

— Не оставит, — эхом откликнулся Атон. — Он говорил, что чувствует ее. Поначалу ему верили, шли за ним — тогда мы еще цеплялись за каждую мелочь, — но она ни разу так и не появилась. И мы решили, что ощущения Эвана... Нет, не ложь, а лишь последствия детской травмы. Водили его по целителям, надеялись, что со временем это пройдет. Не прошло. Он способный мальчик. Умный и решительный. Взрослый и смелый не по годам, но такой уязвимый. — Сильные пальцы осторожно скользнули по моему запястью, разгоняя по коже мурашки. — Спасибо, что не промолчала. Спасибо...

— У меня сестра его возраста, — смущенно вымолвила я, отчего-то не пытаясь выдернуть руку. — Не знаю, что бы со мной было, если бы она...

Атон промолчал, и я, чувствуя, что сейчас просто утону в его взгляде, выпалила первое, что в голову пришло:

— Котенок твой? Рыжий, мелкий, со странной склонностью увеличиваться в размерах в опасных ситуациях...

— Мой, — не моргнув глазом признался маг. — Он теневой кот.

Вот с этим бы я поспорила. Мне приходилось видеть теневых кошек, и выглядели они, да и вели себя, мягко говоря, иначе. Гибкие, черные, верные только своему хозяину — темному магу, из кусочка тьмы и души которого и созданы, — растворяющиеся в тенях и сами становящиеся ими — и не способные менять обличье. Да, определенно поспорила бы... при желании. Но желания не было, как и причин не верить словам Атона. О теневых кошках я знаю многое, но не все.

— И что твой кот делает у меня? — прищурилась я.

— Ты сама его подобрала, — пожал плечами он.

— Он мяукал! Жалобно, словно самый обычный бездомный котенок! Что я должна была делать?! — возмутилась я, будто маг обвинил меня в краже своего теневого кота.

— Я и не сомневался, что именно так ты и поступишь, — улыбнулся Атон, крепче сжимая мои пальцы. — Ты очень добрая, Кая. Так что на этот счет я даже не волновался.

Я подавилась очередной порцией возмущения и непонимающе нахмурилась. Так это чудо специально мне подбросили?

— Зачем? — беспомощно выдохнула я.

— Мэт — лучший охранник из всех возможных. А я чувствовал, что тебе понадобится защита.

— Этот охранник ведет себя как обычный котенок, из-за него я дважды в неприятности влипала, — проворчала я.

— Увы, побочное действие оборота — Мэт перенимает черты характера существа, в которое воплощается. Но в действительно опасных ситуациях ему нет цены.

С последним я была полностью согласна.

— Значит, вот как его зовут, — протянула я.

— Ну уж явно я не назвал бы кота в свою честь, — насмешливо хмыкнул Атон.

— Я тоже его в твою честь не называла, — вспыхнула я. — Случайно имя произнесла... А он на него отреагировал! Теперь я понимаю почему.

— Случайно? — приподнял брови Атон.

— Случайно, — упрямо склонила голову я.

Не признаваться же, что сравнивала его с котиком! Неловкостей и так хватает. Взять хотя бы то, что ладонь мою маг так и не выпустил...

Словно подслушав мысли, Атон медленно убрал свою руку, освобождая мою, и меня как ветром к двери сдуло.

— Я пойду, — пробормотала, понимая, что сбежать молча будет крайне глупо и смешно. Хотя в глазах Атона я наверняка такой и выгляжу: смешной и глупой до невозможности.

— Кая, — тихо позвал он. Я, потянувшая уже за ручку двери, остановилась, а он, оказавшись рядом, вновь коснулся моего запястья. — Ты сказала, что пришла к Эвану во сне. Что тебе снилось?

Я помедлила. Увиденное казалось слишком личным, хотя со стороны, возможно, ничего такого и не было. Но, обернувшись и посмотрев в серьезные синие глаза, мгновенно забыла о сомнениях.

— Дракон, — призналась я. — Мне снился серебряный дракон. И лунное озеро. Он тонул, и я хотела спасти его, но упала в воду сама, а потом проснулась. И увидела Эвана и эту... игрушку.

Атон шумно выдохнул и на миг прикрыл глаза. Его пальцы сжались чуть сильнее — и отпустили меня.

— Это что-то значит? — встревоженно спросила я, пытаюсь поймать его взгляд.

— Значит, — светло улыбнулся маг, и улыбка эта коснулась не только губ, но и глаз, засияла в их глубине золотыми искрами, окончательно меня заворожив. — Разве ты не знаешь, Кая? Драконы снятся к счастью.

Уже по пути в свою комнату, размышляя над последними словами Атона, я признала, что он прав. Ведь Эван все-таки остался жив. Это ли не счастье?

ГЛАВА 16

К вечеру в замке появились люди. Не так уж и много, всего шестеро магов-искусников, но мне, привыкшей к пустынным коридорам, казалось, что теперь по ним бродит целая толпа. День бала неумолимо приближался, отменять его, невзирая на все происшествия, никто не собирался, и пришло время привести в порядок и без того опрятный дом. Артефакты поддерживали чистоту, но вот украсить замок, увы, не могли. Если бы у Деррека было что-то, способное создавать иллюзии... Неплохая, кстати, мысль, надо бы поделиться ею с лордом Грайвеном. Уверена, он, с его-то недюжинными талантами обязательно что-нибудь придумает. И тогда тишину и умиротворение этого места больше ничто не нарушит.

Странно, но мне чудилось, что замку не нравится воцарившаяся в нем суета. Он волновался, скрипел и кряхтел, будто недовольный старик, и тихонько вздыхал, пуская по коридорам сквозняки.

О своей идее я рассказала за ужином, и Дерреку, судя по мечтательной улыбке, она пришлась по душе. Настолько, что до конца трапезы он не высидел — извинился и умчался прочь, наверняка в лабораторию. Жаль, что до этого бала он не то что изготовить — разработать новый артефакт не успеет. Мне, как и замку, совершенно не нравились посторонние. В отличие от Илины, которая радовалась новым людям, охотно знакомилась с ними и предлагала свою помощь.

Атон на ужин не пришел. После нашего разговора я его вообще видела только мельком, и это, признаться, радовало. Я просто не знала, как с ним общаться. Не знала, но, сама того страшась, хотела.

Вальдер тоже не предпринимал попыток приблизиться. Возможно, его настораживал мой диковатый вид — я бы к ведьме на взводе тоже не подошла, — а возможно, он просто сказал все, что хотел, и больше не видел нужды в дальнейших беседах. И то и другое вполне меня устраивало: несмотря на то что старший лорд Грайвен оказался приятным собеседником, я по-прежнему не слишком адекватно реагировала на его присутствие и боялась не сдержаться и окончательно подмочить репутацию светлой мирной ведьмы.

Поздним вечером, прихватив рыжика, я сбежала в сад — работы по уборке и украшательству замка не только не прекратились, но и набрали силу и размах, а Деррек, способный держать вошедших в азарт энтузиастов в узде, окончательно пропал в лаборатории. Какой только демон потянул меня за язык именно сейчас!

Я неспешно прогуливалась по дорожкам, наслаждаясь сладким воздухом и соловьиными трелями, когда рыжик, до поры дремавший на моем плече, издал радостный мяв и сиганул на землю — только и мелькнул в кустах шиповника пушистый хвостик. Ругнувшись и подобрал юбку, я приготовилась к очередному забегу, но тут на дорожку шагнул Атон. Он держал урчащего беглеца, который на радостях, кажется, даже немного подрос. Или не немного? — Если он обратится, тебе не поздоровится, — хмыкнула я, наблюдая за кошачьими нежностями.

— Мне не привыкать, — улыбнулся Атон, но котика приструнил: — Мэт, спокойно. Не шали. Рыжик недовольно фыркнул и заметно сдулся, и у меня отлегло от сердца. Признаться, Атона было бы жаль, да и кто бы поручился, что после вымахаивший котик не захотел бы поластиться и ко мне?

— Почему Эван не узнал твоего кота? — спросила я. Точно же не узнал! Я бы заметила, будь это иначе.

— Эван никогда не видел Мэта в этом облике. Нужды не было, — пожал плечами маг. Рыжик завозился, устраиваясь поудобнее, блаженно прикрыл глаза и замурлыкал еще громче.

— Он скучает, — обронила я, кончиками пальцев проведя по пушистой шерстке. — Может, забереешь его?

Не то чтобы я этого хотела. Отнюдь. К рыжику я прикипела всей душой, но прекрасно осознавала, что рано или поздно с ним придется расстаться. И когда его настоящий хозяин покачал головой, испытала облегчение. Да, расстаться придется. Но, главное, не сейчас.

— Тебе он нужнее.

— Дом твоего кузена настолько опасен? — приподняла брови я. О том, зачем он вообще отдал кота, для собственного же спокойствия решила не спрашивать. Что-то подсказывало, что все равно не признается. Не одна же я слишком добрая. Может, темные этим тоже грешат... — Тогда зачем устраивать бал? Я знаю о королевском распоряжении и о том, насколько для Деррека и Илины это важно, но, право слово, угроза слишком велика, чтобы не обращать на нее внимания!

Вот и высказалась, хотя и запретила себе вмешиваться не в свое дело. Но с Атоном было так легко, что о запрете я даже и не вспомнила.

— Мы не игнорируем угрозу, поверь. Игрунья — так ее называл Эван, верно? — теряет бдительность. И обязательно попадется. Ищейки одобрили план. Они останутся и проследят за тем, чтобы больше никто не погиб. Мы с Дерреком — тоже. Слишком много народа уже пострадало. Нужно положить этому конец.

«Пока Эван еще жив», — отчетливо услышала я, хотя этих слов Атон не произнес.

И эти непроизнесенные слова прочно обосновались у меня в голове, раз за разом отдаваясь гулким эхом. Из-за них я едва сумела заснуть. Из-за них мне привиделся очередной сон. И были в нем лунная ночь, облитые серебром деревья и трепещущее сердце в тонкой изящной ладошке. И никакого намека на дракона.

К следующему вечеру все приготовления были завершены, и замок преобразился. Он сиял и сверкал — изнутри и снаружи, — коридоры его походили на небесные сады Светлой пары, каковыми их изображают в священных книгах, залы — на уютные и невероятно прекрасные уголки не оскверненной человеком природы. Светлый и просторный дом казался сейчас сказочной обителью, в которой хотелось остаться навсегда.

А наутро в родовое гнездо Грайвенов стали съезжаться гости. Загрохотали по подъездной дорожке экипажи, холл наполнился гулом голосов и цокотом каблучков, и одна явно одичавшая за несколько дней жизни в сельской местности ведьма надежно спряталась в своей комнате, дабы избежать случайных встреч с кем бы то ни было. Заглянувшая ко мне Илина, не выказывая ни удивления, ни неудовольствия, согласилась заниматься здесь и — о чудо — даже вызвалась принести окончательно спятившей наставнице завтрак, с которым я уже мысленно простилась.

Я сама себя не узнавала. Да, я и раньше не особо любила различные сборища и среди незнакомых людей чувствовала неловкость, но до добровольного заточения в комнате дело никогда не доходило.

Чем дальше — тем страннее. Надеюсь, дома все это пройдет. Отбиваясь от маминых и сестринских тараканов, будет некогда размышлять о повадках собственных.

Вечером притащившая поднос с ужином Илина сообщила, что пока прибыли всего двадцать гостей, из них всего-то десять — собственно юные одаренные, оставшаяся половина — сопровождающие. Кто же в здравом уме отпустит юное дарование невесть куда одного? Если не само пострадает, то окружающих достанет. Девушек и вовсе было всего три, примерно возраста именинницы, и лишь одна из них — темная ведьмочка. Она вызвала особый интерес Илины — темных магов она уже достаточно перевидала, а вот с ведьмами как-то не сложилось, — и я волей-неволей узнала, что приехала выдающаяся особа, самая юная из присутствующих, между прочим, с мрачным парнем лет двадцати, который, судя по виду, от оказанной ему чести восторга не испытывал. Я только хмыкнула. Илина ведь не ведала, что такое молоденькие темные ведьмы и каких нервов и сил стоит их воспитание. Так что незнакомому парню я от души посочувствовала, а подопечной посоветовала держаться от темной подале. Боялась, что встречи двух не слишком контролирующих свой дар ведьмочек замок может и не пережить.

Мои скромные планы отсидеться в комнате бесцеремонно нарушил рыжик, поздним вечером принявшийся скрестись в дверь и требовательно мяукать. Зверь явно засиделся, а мысль отдать его на выгул Илине была отмечена сразу же: Атону я доверяла, но все равно опасалась за подопечную. Мэт ее, конечно, вряд ли станет есть, но вот испугать, обернувшись, вполне способен. А за то, что он не обернется, я поручиться не могла. Я вообще уже ни за что не могла поручиться! И это выбивало из колеи и внушало неуверенность в собственных силах.

— Мяс! — как-то уж слишком утробно рявкнул рыжик, и я поспешно натянула домашние туфли и пригладила растрепавшиеся волосы. Время позднее, гости уставшие, вряд ли кому приспичит бродить по замку... авось никого не встречу.

— Без глупостей, а то пожалуюсь Атону, — отпирая дверь, профилактически пригрозила я коту, и он, гордо фыркнув, неспешно выплыл в коридор. Следом скользнула я, жалея, что так и не обзавелась поводком. Надо было у Атона спросить, может, к этому зверю поводок с ошейником в комплекте идут.

Словно прочитав мои мысли, рыжик возмущенно фыркнул и ускорился. Я заторопилась, проскочила мимо открывающейся двери... и тут в спину донеслось громкое:

— Кая!

Я едва из туфель не выпрыгнула! Мгновенно забыв о котике, который наверняка не пропадет даже в страшном лесу, не говоря уж об обитаемом замке, резко обернулась на голос и замерла, разглядывая окликнувшую меня девушку. Коридор против обыкновения заливал яркий свет, и я отчетливо видела огромные голубые глаза с лукавыми искорками в глубине, светлую нежную кожу, рассыпавшиеся по худеньким плечам темные блестящие волосы... Даже ущипнула себя, надеясь, что все же умудрилась заснуть, но только поморщилась от боли и с тоской осознала: не сплю.

— Дей?! — в ужасе просипела я, все еще не желая верить собственным глазам. — Ты?! Как ты... — Я собиралась спросить, как она оказалась так далеко от дома, но внезапно пришедшая в голову мысль выбила оттуда все остальные: — Как я выгляжу?!

Кажется, сегодня ни разу еще к зеркалу не подходила. Непростительное упущение в моей-то ситуации!

— Как совершенно незнакомая рыжая ведьма, — хихикнула сестрица. — Не волнуйся, ты вообще сама на себя не похожа.

— Тогда как ты меня узнала?

— Я тебя шестнадцать лет знаю, — задрала нос вредная девчонка, — думаешь, меня может обмануть какое-то зелье?

— Дейдра!

— Сережки, — мигом сдалась она.

Ага. Маленькие, изящные золотые пентаграммы с вплетенным в них узором, способствующим наилучшей концентрации светлой силы и даже ее накоплению. Серьги я носила почти не снимая, а подходили они практически под любой наряд. Папина работа, штучная, других таких нет и быть не может. А Дей их хорошо знает и чувствует флер вплавленных чар. Столько раз стащить пыталась, что и не сосчитать! Правда, поносить так и не сумела, сережки упрямо возвращались к хозяйке до того, как мелкая похитительница успевала их хотя бы просто примерить.

— Понятно, — кивнула я, постепенно успокаиваясь и смиряясь с мыслью, что Дейдра не снится мне в кошмарном сне. Убедившись, что мы никого не разбудили и свидетелей сестринской встречи не случилось, я предпочла более не испытывать удачу и затолкала младшую в комнату. И лишь тогда издала крик души: — Какого демона ты здесь делаешь?!

На самом деле с языка рвались более крепкие выражения, в деле воспитания совершенно непригодные. Пришлось подбирать другие.

— Меня пригласили, — задрала нос Дейдра. — Я по итогам года лучшая в школе!

— Ты... с мамой? — выдохнула я, невольно клацнув зубами.

— Не-а, — беспечно отозвалась сестра, плюхнулась на кровать и пару раз подпрыгнула, пробуя матрас на упругость, а ножки кровати — на прочность. — Сначала думала, что не отпустят, потому как у папы срочный заказ, у мамы — сложное зелье, которое требует присмотра целых две недели, а я... Я очень сюда хотела! И мама позволила. Решила, что под твоим надзором я ни во что не влипну, — жизнерадостно прошептала Дейдра.

Угу. Она-то не влипнет. А вот я... Стоп! Что она сказала?!

— Мама знает, где я?! — взывала я. — Дей!!!

— А что сразу я? Я — могила! — возмутилась мелкая, надулась, как обворованный хомяк, и обиженно добавила: — И вообще, ты ни словечком не обмолвилась, куда уезжаешь!

А ведь и правда не обмолвилась. Но матушка все равно узнала. Получается, от нее и на краю света не спрячешься?! Конечно, замок не край света, но и не Террея, где от ведьминога ока ничто и никто не ускользнет.

Наверное, с этим надо было просто смириться. А еще вознести хвалу Светлой паре за то, что матушке не пришла в голову идея явиться сюда лично. Но... кто тогда явился вместо нее?

Я с подозрением уставилась на Дейдру. Та ответила честным взглядом, который никогда ей не удавался.

— Дей, — медленно сказала я, предчувствуя бурю, — так ты здесь одна?

— Я такого не говорила, — хитро блеснула глазами сестра.

— Ага, — кивнула я, припоминая, что там говорила Илина, и уже понимая, что ответ на следующий вопрос мне совершенно не понравится. — А с кем ты приехала?

Все-таки я действительно слишком наивна. И до сих пор в чудеса верю. И в то, что предчувствие пакости самой пакостью хотя бы изредка не увенчается...

Вот и в этот раз увенчалось, хотя я и надеялась отчаянно на обратное.

— Доран был столь любезен, что согласился меня сопровождать, — счастливо выпалила Дейдра, внимательно следя за выражением моего лица.

Я же, не найдя слов, спрятала его в ладонях и застонала.

Уехала от проблем, называется! Только вот не учла, что они за мной последуют. Как хвост.

Кстати, о хвостах...

— Почему после того, что ты с ним сотворила, в нем вообще осталась любезность по отношению к тебе?

— А что я с ним сотворила? — хлопнула длинными ресницами Дей. — Это же ты его рогами одарила с хвостом в нагрузку, наверное, намекала, что его в супружеской жизни ждет, если не отвалит по-хорошему... Ой, Кая, ну чего ты так на меня смотришь? Он сам так решил, а меня никто не спрашивал. Ты же сама говорила, что в некоторых ситуациях лучше молчать.

Угу. Особенно в тех, когда может пострадать тыльная часть одной нахальной малолетки. По-моему, это и без моих слов она накрепко уяснила. Еще с пеленок.

Захотелось постучаться головой о стену. И повить. Долго, громко, со вкусом. И плевать, что приличные ведьмы в принципе не воют. Надоело быть приличной. Надоело!

Я промаршировала к окну. Распахнула его. Пару секунд потарасилась на зависшую вровень с подоконником Миледи... и захлопнула окно.

Пожалуй, одного сумасшедшего призрака замку хватит. Не стоит усугублять.

— Кая... — проныла подскочившая Дейдра, обхватив меня за плечи и с умильной рожицей заглядывая в глаза. Тряпочкой болтающуюся на улице прозрачную тетку она не заметила.

Скосив глаза, я обнаружила, что та и правда исчезла. Наверняка полетела глазеть на остальных гостей. — Ну, Кая! Не дуйся. Доран дурак, что тебе до его мнения? Ну, хочешь, скажу ему, что это моих рук дело?

— Я хочу спать, — отмахнулась я, внезапно осознав, насколько устала. — И, пожалуй, прямо сейчас воплещу это желание в жизнь. А тебя прошу об одном: веди себя тише мышки. Дей, я серьезно.

— Даже и в мыслях не было вести себя иначе, — с видом оскорбленной невинности фыркнула сестра, и я решила сделать вид, что поверила.

Светлые мои боги, мне нужна эта ночь, чтобы как следует отдохнуть. Всего лишь ночь! Ведь не разрушит же Дейдра замок, пока я сплю?..

За ночь замок не рухнул. По крайней мере когда я проснулась под радостные птичьи трели, раздающиеся из приоткрытого окна, все было тихо и спокойно. И даже нагулявшийся рыжик, которого я не стала разыскивать среди ночи — что станется с теньвым котом в мирном доме? — разнеженно мурлыкал на соседней подушке.

— Привет, бродяга, — сонно пробормотала я, потрепав котика по мягкой шерстке. — Никого не надкусил?

В мурчании послышались возмущенные нотки. Экие все обидчивые, прямо и слова лишнего не скажи. Хмыкнув, я отправилась в ванную, где плескалась добрых полчаса, собираясь с силами и

мыслями, а заодно избавляясь от воспоминаний о снах, в которых вновь видела дракона. И Атона. Причем сон с участием последнего от приличий был далек... Погасив пожар щек ледяной водой и несколько раз громко повторив, что за содержание снов никто не в ответе, а потому и думать об этом не стоит, я вышла из ванной, надела темно-изумрудное платье, скромное, но выгодно оттенившее рыжину волос и зелень глаз, и на всякий случай спрятала в потайной кармашек перелитое в крохотную бутылочку — как раз на один глоток — иллюзорное зелье. Постояла, раздумывая, не покончить ли с добровольным заточением и не спуститься ли к завтраку. Там ведь Дейдра без присмотра бродит. Доран не в счет, он Дей не соперник. И потом, надо выходить, иначе и вовсе от людей шарахаться начну. Благо лес рядом. Пусть и населенный недружелюбными тварюшками... я, пожалуй, сейчас еще более недружелюбна.

— Что это на тебе? — ахнули от порога. Закрытая — на ключ, между прочим, после недавних событий я за этим следила строго! — дверь оказалась приотворена, и в моей комнате стояла настоящая фея шпильки и взламывающих чар, оттачивающая свои неординарные умения регулярными побегами из-под домашнего ареста.

— Платье, — буркнула я, решив не тратить нервы и силы на объяснение одной нахальной ведьмочке элементарных правил приличия. Все равно ведь не поймет.

А платье было милое. Простое, прикрывающее колени и не сковывающее движений. И в люди выйти, и от людей в случае чего удрать. Учитывая последние тенденции в моей жизни, как раз для меня наряд.

— В доме полно холостых интересных мужчин! — всплеснула руками Дейдра, и я с содроганием узнала и в этом жесте, и в словах матушку. Сдается мне, она влияет на младшую дочь гораздо сильнее, чем я до сих пор замечала. — А ты на себя мешок из-под репы напялила! В нем даже твоя нынешняя яркость как будто пылью присыпана.

— Ну, присыпана и присыпана, демоны с ней, — не впечатлилась я. — Что тебя так взволновало?

— А то, что эдак ты и вовсе в старых девах останешься! — возмущенно просветила меня сестричка, а я едва удержалась от обидного смешка.

Напугала! Да я и под страхом смерти замуж не пойду. Насмотрелась за двадцать с лишним лет на родителей, и повторять столь печальный опыт совершенно не тянет. К тому же с кем? Всех тех, кого мама успела перетаскать в наш дом, я даже видеть уже не могла, что же касается здешних «холостых интересных», то они были даже чересчур интересными. И гадать боюсь, сколько скелетов утрамбовано в их шкафы. В любом случае для косточек излишне любопытной ведьмы местечко найдется.

— И Атон Клайдан здесь, — провокационно протянула Дейдра, убедившись, что прежний довод так и не достиг моего разума. — Сама видела. Красивущий — жуть!

— У тебя есть парень, — напомнила я на всякий случай, надеясь, что опаливший щеки жар не окрасил их в свекольный цвет. — Твоя большая светлая тайна от мамы.

— А? — нахмурилась Дей, что-то вспомнила и беззаботно махнула рукой: — А! Мы расстались. Он такой... никакой. И целуется так себе. В общем, скучный во всех отношениях.

— Во всех? — насторожилась я.

— На что это ты намекаешь? — оскорбилась сестра. — Я девушка приличная! — Подумала немного и добавила с поразительной честностью: — Ну, почти. Совсем-совсем приличной быть ужасно скучно, уж прости, Кая. — Я лишь головой покачала, а мелкая беспечно продолжила: — Так вот, он слишком приличный, а потому скучный до одури. Да и маму еще больше драконить не хочется, она и так после твоего побега не совсем в себе. Следит за мной денно и нощно, даже странно, как сюда отпустила.

— Вот и мне странно, — согласилась я.

Уж кто-кто, а родительница должна понимать, чем чревата Дейдра на свободе. И не надо говорить, что она под присмотром. Доран и за собой присмотреть не в состоянии, что уж говорить о шустрой девчонке! Надеюсь на меня? Неосмотрительно вообще-то. Замок большой, Дей любопытна, а я не настолько расторопна, чтобы не сводить с нее глаз. Тем более что Деррек платит мне за то, чтобы я присматривала за его сестрой, а не за своей.

Приняв решение, я подхватила Дейдру под локоток и, игнорируя ее восторженный вопль: «Ой, котик!», ловко вытащила в коридор.

По пути в столовую умудрилась прочитать сестре нудную нотацию о приличном поведении и недопустимости использования чар на невинных людях. Та рассеянно кивала и увлеченно

вертела головой, рассматривая преобразившиеся коридоры. Поняв, что мои слова все равно свистят мимо очаровательных ушек, я занялась тем же. Все больше пользы.

В столовую, уже заполненную гомонящими дарованиями и сопровождающими, мы вошли по отдельности. Дейдра чинно села рядом с хмурым, словно бы совершенно невыспавшимся Дораном, в густой шевелюре которого уже и намека на рога не имелось; я привычно опустилась на стул рядом с Илиной, которая при виде меня светло улыбнулась. Подняв голову, я наткнулась на взгляд Атона, почувствовала, что щеки вновь занялись румянцем, и поспешно оставилась в тарелку. Восседавший во главе уставленного различными вкусностями стола Деррек откашлялся, поприветствовал гостей и пожелал всем приятного аппетита.

Вот только аппетит пропал. За собственными переживаниями я совершенно забыла об Эване. Мы здесь завтракаем как ни в чем не бывало, а он скитается неизвестно где. Если игрунья не добралась до него. От последней мысли и вовсе тошно стало, и я, отложив вилку, выскользнула из-за стола — за общей оживленной беседой этого никто заметил, — а потом и из столовой. Остановилась возле распахнутого в сад окна, прикрыла глаза, пытаюсь дышать как можно глубже... и едва через подоконник не перемахнула, ощутив прикосновение к плечу. Хорошо еще типично ведьминским способом — чарами промеж глаз — неотреагировала, решив для начала обернуться.

— Ты совсем ничего не ела, — сказал Атон, глядя на меня как на заболевшего ребенка. — Ты здорова?

Угу. Если не считать проблем с головой. Но он же не о том спрашивает, верно?

— Да, — кивнула я. — Все в порядке. Просто... Об Эване подумала, — выпалила неожиданно для себя и запоздало прикусила губу.

— И что же именно подумала? — прислонившись к стене, уточнил Атон.

Ну что, Кая, раз уж начала — продолжай!

— Как он там, совсем один, без еды и защиты... — выдохнула я и запнулась, поймав очень странный взгляд. — Что?

— Его никто туда не гнал, — веско произнес Атон, а в следующий миг мои холодные ладони оказались в его горячих. — Эван уже не ребенок. Он умен и прекрасно знает, что и зачем делает. И знает, что я ищу его. А я всегда готов ему помочь, но недоверие тоже его выбор. И не тебе за него страдать.

— Неужели ты совсем не волнуешься? — вырвалось у меня.

— Волнуюсь. Но я обязан волноваться, — мягко улыбнулся Атон. — Ты — нет. Как и обвинять себя в чем-либо. Было же?

Я предательски покраснела. Было, чего уж там.

— Ты не можешь иначе, — кивнул Атон словно и не мне, а собственным мыслям. — Эван жив. Я не могу найти его, но это я знаю точно. И, клянусь, доберусь до него раньше, чем это сделает игрунья.

— Звучит как угроза, — нервно усмехнулась я.

— Это она и есть, — серьезно подтвердил маг.

Его пальцы осторожно скользнули по моим запястьям, и только сейчас до меня дошло, что он до сих пор греет мои ладони. Которые в этом уже не нуждались — пылали так же, как и щеки. Окончательно смутившись, я потянула их, боясь, что он попытается удержать... Не попытался. Стало немного обидно.

Да что со мной происходит?

Разозлившись на себя за непонятные эмоциональные качели, а заодно и на вызывавшего их мужчину, я поспешно сбежала, сославшись на необходимость подготовки к занятиям с подопечной.

Так себе повод — яснее ясного было, что Илине сейчас не до занятий, ведь бал должен состояться вечером, — но Атон его благородно принял и даже пожелал в спину позорно улепетывающей ведьме приятного дня.

Одичала. Как есть одичала!

Укрывшись в комнате, сидя с ногами на кровати и глядя рыжика, я призналась самой себе в страшно: мне нравится Атон Клайдан. Нравится так, что дыхание перехватывает и сердце стучит как ненормальное. Причем, если уж совсем начистоту, нравится с первой нашей встречи, случайной и нелепой, как и все в моей жизни в последнее время. И это пугало. Еще никогда я не испытывала ничего подобного ни с одним из кандидатов в женихи, с избытком поставляемых

матушкой. Даже намек на то, что сейчас творилось в душе, не было! Я прекрасно сознавала, что он темный, что по-прежнему остается для меня незнакомцем, что он, в конце концов, старше и наверняка умнее и что светлая ведьма его скорее забавляет, чем всерьез интересуется, но... ни один из аргументов больше не работал. И я абсолютно не знала, что теперь со всем этим делать.

Только едва не став очередной жертвой игруньи, Эван в полной мере осознал, насколько опасна его затея. Он и раньше это знал, конечно, но полного понимания все же не было. До тех пор, пока он не постоял под зачаровывающим, лишаящим воли взглядом призрачной девы. Так вот как чувствовали себя те, кто шел на ее зов. Не помня себя, не ведая, что именно их ждет... На самом деле ему невероятно повезло, что там была Эмма. Вернее, Кая. Подумать только, светлая ведьма, притворяющаяся другой светлой ведьмой — лишь для того, чтобы учить его кузину магии. Странная. Но добрая. Действительно светлая во всех смыслах. И Эван был ей благодарен. За все, кроме хвоста, хотя он, признаться, был честно заслужен. Хотя сейчас в хрупкой лесной тишине никаких неудобств пакостные чары не приносили. Может, если пересидеть так денек-другой, не попадаясь на глаза ни брату, ни кузену, и вовсе отвалятся? На это Эван не слишком рассчитывал, но позволил себе маленькую надежду. С надеждой было веселее, она грела душу и давала смелость думать о будущем. Впрочем, о каком будущем речь, если у него на хвосте — да-да, в его случае практически в прямом смысле — ненормальный призрак со склонностью к вырыванию сердец из живых людей? В то, что игрунья отступится, не верилось. Видимо, крепко он ее достал, раз она решила им заняться. Мелькнула мысль сдать брату — и вопреки обыкновению Эван ее удержал. Повертел недостойную, рассмотрел со всех сторон, представил, как бы это произошло. От Атона он никогда ничего плохого не видел. Напротив, старший брат всегда поддерживал младшего и заботился о нем. Особенно после гибели Инара. И сейчас вдруг подумалось: а что если Атон действительно не смог поймать и обезвредить игрунью? Так, как не может сам Эван. Ведь не всесильный же он. И причина именно в этом, а не в неприязни к Инару, которая, если совсем уж честно, не на пустом месте возникла. Эван помнил, как тот обращался с Атоном. Словно мстил за что-то. За что? Эван слышал обрывки разговоров взрослых, из которых следовало, что была какая-то грязная история, коснувшаяся обоих братьев, но подробностями так и не разжился. Мог ли Атон мстить в ответ, решив не преследовать убийцу Инара? Раньше Эван считал, что мог. Но теперь сомневался. Это совершенно не вязалось с его представлениями о старшем брате, но отравленные ужасными воспоминаниями дни и особенно ночи не слишком способствовали критическому мышлению. Сейчас что-то изменилось. Наверное, близость смерти неплохо прочищает мозги. Эван прислонился к стволу ставшего почти родным дуба, устало прикрыл глаза и прикинул, какое сегодня число. Выходило, что на вечер назначен бал. Вряд ли его отменили — вчера Эван видел, как к замку съезжались экипажи. Удобный случай проникнуть в дом и... На этом мысли трусливо замирали, и, чтобы успокоиться, Эван решил, что просто разведает обстановку, если получится, то разузнает, нашли ли ищейки хоть что-нибудь. А там, может быть... Может быть. Резко выдохнув и тряхнув спутанными волосами, он полез в сумку. Даже это «может быть» произойдет на его условиях. А для этого необходимо как следует подготовиться.

ГЛАВА 17

Илине действительно было не до уроков. Взволнованная подопечная вертелась перед зеркалом, придирчиво разглядывая нежно-фиалковый наряд, придававший ей особую свежесть и в то же время делавший ее немного старше. Ровно настолько, что она больше не казалась несовершеннолетней девчонкой. Сейчас я видела юную особу, полную изящества и красоты, и все было бы отлично, не летай вокруг оной особы золотистые искорки.

— Илина, — негромко кашлянула я, когда искорок стало слишком много, а одна из них и вовсе села на мой нос. Горячая, однако.

— Ой! — воскликнула она, заметив сотворенное безобразие. — Простите...

— Ты не прощения проси, а за собой следи, — посоветовала я. — Не забывай, чему я тебя учила. Что бы ни случилось, не забывай!

Я тоже нервничала, а оттого мой голос звучал слишком громко и, должно быть, заставлял Илину волноваться сильнее. Чем еще объяснить то, что искорки замельтешили, словно снег в метель, и роем разозленных пчел ринулись на меня? Горячее облако окутало, обжигая кожу, — и пропало. Бледная Илина сжимала кулаки, и в ее глазах плескалось настоящее отчаяние. Не ожидала я таких трудностей... Но правильная ведьма даже неожиданным неприятностям вежливо покажет выход и помашет на прощание лопатой.

— Все хорошо, — ободряюще улыбнулась я, стараясь не обращать внимания на горящие щеки и не думать о том, как сейчас выгляжу. — Это просто бал. Ты почти со всеми уже знакома, не о чем беспокоиться.

— Наверное, — всхлипнула Илина.

— Точно, — решительно поправила я. — Ты будешь самой яркой и красивой. Это твой праздник. И твой шанс показать брату и дяде, что ты умеешь владеть собой. Это невероятное ощущение — доказать кому-то, чего ты стоишь, поверь. Ты же хочешь этого?

Илина прекратила всхлипывать и робко кивнула. Уже хорошо. А будет и вовсе замечательно! Нужно только умыть нашу растерявшуюся ведьмочку, обновить легкий макияж, призванный не скрыть недостатки, коих у девушки не было, а лишь подчеркнуть достоинства, закончить с прической. Ну и в процессе продолжать вдохновлять и подбадривать, вселяя уверенность, что светлой ведьме под силу все, было бы желание и правильный настрой. Первого у Ирины имелось с избытком, вторым ее обеспечила я, и к началу праздника подопечная сияла от счастья, а не от вышедшей из-под контроля магии.

Мне же больше всего хотелось закрыться в комнате и, рухнув на постель, уснуть. Последние силы растратила на моральную поддержку! Кто бы меня поддержал... При мысли, что на балу я увижу Атона, и вовсе возникло желание забиться под кровать. После недавних откровений с самой собой встречаться с ним было неловко, будто он мог прочесть мои мысли и понять чувства, с которыми я, как бы себя ни убеждала, так и не смогла совладать.

Зато сумела справиться с приступом трусости. Пошла к себе, сменила платье — в вещах Дары нашлось и нарядное, наверняка предназначенное для подобных случаев, — даже прическу соорудила. Ну, как получилось...

А получилось, на мой взгляд, ничего так. Синее платье, длинное, слегка расклешенное, со скромным декольте и рукавами-фонариками шло моему нынешнему облику необычайно. Завитые локоны свободно падали на плечи и спину, подчеркнутые темно-коричневым карандашом глаза блестели — от волнения и иррационального страха, но вполне могло сойти и за блеск радости и предвкушения веселья. Кто там разбираться будет?

Не ведьма, а красotka. Даже жаль на миг стало, что на самом деле это не моя внешность.

Переложив склянку с зельем, с которым теперь старалась не расставаться, в кармашек нового наряда и строго-настрога наказав наблюдавшему за мной рыжику не покидать комнату или хотя бы не пугать гостей, я глубоко вдохнула, собираясь с силами, и вышла в коридор.

Впереди был очень длинный вечер и не менее длинная ночь.

В тот момент я даже не представляла насколько...

У дверей комнаты, прислонившись плечом к стене, стоял Вальдер Грайвен. Серый, расшитый золотом костюм сидел на нем идеально, и даже букет снежноцветов в его руках смотрелся на редкость гармонично.

— Вы великолепны, Эмма, — сияя улыбкой, заявил лорд и вручил мне цветы. Я даже растерялась — не идти же с ними на бал! — Отнесите к себе, я подожду, — верно истолковав замешательство, подсказал он, но перед тем, как я вернулась в комнату, ловко вытащил из букета несколько похожих на снежинки бутонов на хрупких стебельках и воткнул в мою прическу.

Смутившись, я юркнула в спальню, положила цветы на подоконник — снежноцветы очень долгое время могли обходиться без воды — и вышла обратно, успев бросить мимолепный взгляд в зеркало и оценить, что получилось недурно. Но все равно старший лорд Грайвен не входил в мои планы на сегодняшний вечер. Откровенно говоря, в планах значился единственный пункт: приглядывать за Дейдрой, и я как-то упустила из виду всевозможные помехи. Опасаясь повторения недавних ощущений, на предложенную лордом руку я не оперлась, сделал вид, что не заметила. Невежливо, конечно, зато голова ясной осталась, и

желания кого-нибудь убить не возникло. Так и спустились по увитой яркими цветами и мерцающими огоньками лестнице, прошли через превратившийся в диковинный сад холл и оказались перед цветущей аркой, за которой находился бальный зал. Звуки музыки смешивались с гулом голосов, и показалось, что гостей слишком много — за завтраком столько не было.

— К вечеру прибыли королевские посланники и припозднившиеся приглашенные, — склонившись ко мне, сказал Вальдер.

Горячее дыхание пощекотало шею, я, нервно вздрогнув, чуть отстранилась и, решившись, шагнула под чудесную арку — словно в волшебный портал, такой, какими их описывают в сказках.

Музыка стала громче, голоса — звонче, ароматы цветов — насыщеннее. Множество огоньков парило в воздухе, освещая убранство зала и наряды гостей, зажигая в глазах ответные отблески, обещая что-то невероятное и удивительное. И ярче всех сияла Илина. Вовсе не от магии — ее она контролировала превосходно. Девушка, окруженная сверстницами и сверстниками, непринужденно смеялась и о чем-то говорила, и не верилось, что всего несколько минут назад она ужасно боялась внимания и того, что не сумеет удержать свою силу. Подопечная совершенно не походила на ту девчонку, какой я впервые увидела ее: босоногую, в коротком платьице, самозабвенно играющую с котенком. Сейчас она была настоящей юной леди, рожденной блистать. И, любуясь ею, я испытала невольную гордость оттого, что пусть и самую малость, но тоже причастна к этим волшебным переменам.

Любовалась я недолго, вспомнив об основном долге перед мирными гостями. Но те несколько минут, что я позволила себе расслабиться, позволили Дейдре ускользнуть. Я увидела ее возле самой арки, а потом она выпорхнула в коридор. Зачем, спрашивается? Бал и не начался толком, она только-только пришла сюда, и причин покидать зал столь быстро я не видела. Зато знала, сколько соблазнов таит замок, особенно для юной темной ведьмочки, в которой любопытства несоизмеримо больше, нежели здравого смысла. Если последний вообще имеется, в чем я часто сомневалась.

На полпути к арке я наткнулась на Вальдера Грайвена и приглашение на танец. Вернее, он и не спрашивал, просто крепко сжал мою ладонь и увлек за собой. Паника опалила сердце холодом, но ничего не произошло. Я по-прежнему чувствовала лишь все возрастающую тревогу за Дейдру — и ни капли желания избавиться от лорда особо извращенным способом. Мелодия была приятной, Вальдер вел легко и уверенно, и в другое время я непременно бы получила от танца удовольствие, но сейчас, когда все мои мысли были сосредоточены на младшей сестре, происходящее вызывало лишь раздражение. Вырваться получилось не сразу. Невежливо оттолкнув старшего Грайвена, я кинулась к выходу. Ведьмино чутье уже не шептало, а вопило, что младшая сестра если и не влипла в неприятности, то уже несется им навстречу.

На выходе я едва не сбила Атона. Увернула от его рук, пытавшихся меня поддержать, и побежала дальше. Сестру я чувствовала, обострившаяся интуиция вела меня подобно путеводной нити, и все, что оставалось, — успеть до того, как Дейдра что-нибудь натворит... или же кто-нибудь ее обидит.

Пробраться в замок оказалось делом нехитрым. Он полнился гостями, словно переспелый огурец семенами, хотя первоначально, насколько Эван помнил, речь шла о более скромном количестве приглашенных. Но это было ему на руку — одним парнем в этой толпе меньше, одним больше. Главное, что зла он не таил, и перестроенная охранная сеть легко пропустила его на территорию.

Замок изменился. И внутри, и особенно снаружи. Как будто и не родовое гнездо важных лордов, а какая-нибудь обитель сказочных эльфов. Именно так в детстве, слушая легенды, и представлял жилища этого народа Эван. Приблизившись к группке припозднившихся гостей, он церемонно раскланялся со встречавшим их Дерреком и вместе со всеми прошел в бальный зал, озираясь по дороге в поисках брата. Но того не было ни в холле, ни на лестнице, ни в самом зале. На первый взгляд по крайней мере. Эван, изображая прогулочный шаг, двигался вдоль стен, вглядываясь в веселящийся народ, и на миг изумленно замер, увидев Илину. Кузина сама на себя не походила. Тихая и скромная, почти незаметная девочка сияла и приковывала к себе взгляды. А чуть в стороне Эван заметил и Эмму, вернее, Каю, с блаженной улыбкой взвизгивающую на подопечную. Ведьма вновь была под личиной, но теперь он ясно представлял

светло-золотистые кудряшки и восторженные голубые глаза вместо маски идеальной рыжеволосой красавицы.

Истинный облик шел Кае намного больше. Его же собственный надежно прятал грим и накладные, чтоб им, усы — второй комплект обнаружился в сумке, и оставалось лишь похвалить себя за хомячью запасливость и предусмотрительность. Эвану не хотелось, чтобы его обнаружили раньше, чем он будет к этому готов. И сейчас все сильнее сомневался, а будет ли вообще. Не разумнее ли уйти, пока не поздно? Конечно, страшно вновь оказаться лицом к лицу с игруней беспомощным, не осознающим себя, но, может, в следующий раз все пройдет иначе? Может, он слишком рано сдался, использовав не все шансы и не испытав до конца удачу? Она ведь, как известно, любит смелых. А Эван все-таки струсил. Но что лучше: быть смелым и мертвым или же трусливым, но живым? Глупая смерть никак не поможет восстановить справедливость и отомстить за Инара.

От круговерти мыслей разболелась голова, и громкая музыка, помноженная на веселый шум, лишь усугубляла плачевное состояние. Так и не определившись с дальнейшими действиями, Эван пробрался к выходу, лавируя между танцующими парами, чуть не столкнулся с дядюшкой, не сводящим глаз с Эммы-Каи, — интересно, а знает ли он, как она выглядит на самом деле? — и вздохнул с облегчением, едва миновав замысловато украшенную арку, отделяющую бальный зал от относительной тишины коридора. Потер лоб, вспомнил о гриме и, негромко выругавшись, зашагал к холлу. Нет, он пока что не уходил. Наверное. И если бы сейчас ему встретился Атон, он бы не стал тянуть с признанием... Но встретился Эвану отнюдь не брат.

Сначала он услышал легкие быстрые шаги и, обернувшись, застыл, словно пыльным мешком по макушке огретый. Она выпорхнула из-за угла — маленькая, яркая, благоухающая сладкой вишней и молочным шоколадом, и на всем ходу врезалась в Эвана. Он быстро пришел в себя и успел подхватить ее, не дав рухнуть на пол. Не разжимая рук, замороженно разглядывал попавшее к нему чудо. Чудо без малейшего стеснения рассматривало его в ответ.

Темные длинные волосы, шелковым водопадом спадающие на худенькие плечи и узкую спину. Голубое с серебряным шитьем платье, простое, но невероятно милое. Серебряные сережки-гвоздики в виде свернувшихся клубочком котят с сапфировым глазами, на длинной цепочке поблескивала крупная подвеска — серебряный же кот в ведьминой шляпе. Девчонка по-кошачьи шурила голубые глазищи, и Эван внезапно почувствовал себя беспомощной, загнанной в угол добычей, которую вот-вот сцапает когтистая лапка.

— У тебя ус отклеился, — доверительно шепнуло чудо, и, вздрогнув, Эван отпрянул. Даже руки за спину спрятал, чувствуя, как щеки наливаются мучительным жаром, и так ничего и не сказал. А когда девчонка, тихо рассмеявшись, убежала, быстро провел ладонью над верхней губой, убеждаясь, что ус действительно сгинул.

Решительно оторвав и второй, Эван, не отдавая себе отчета, бросился за чудом. В холл, а оттуда — на улицу, залитую закатным солнцем. Заметил в конце аллеи светлый силуэт... и зачем-то кинулся за ним. Вернее, за ней. Для чего, в тот момент ответить бы не смог. Просто чувствовал, что так надо. А он всегда привык доверять своим чувствам настолько, что сначала действовал, а потом уже думал. Конечно, иногда это выходило боком, но в большинстве случаев все же себя оправдывало.

Чудо оказалось не только ярким, но и шустрым. До березовой рощицы с нестабильной аномалией оно добралось слишком быстро, будто давно запланировало эту прогулку. Судя по отголоскам силы, которые ощутил Эван, девчонка была темной ведьмой, а с ними хлопот обычно куда больше, чем со светлыми. Любопытные не в меру. И самоуверенные до безумия. Хотя последним он и сам периодически страдал, а потому осуждать не имел никакого права.

— Стой! — рявкнул Эван, понимая, что не успеет добежать, но только хуже сделал. Нерешительно топтавшаяся возле вновь набравшего энергии портала ведьмочка вздрогнула, обернулась, увидела несущегося к ней незнакомца — уже безусого, но все равно наверняка страшного, — и рыбкой нырнула в туманное марево.

Да чтоб всем чокнутым ведьмам метлой по мягкому месту прилетело! Не успел с одной отмучиться, как другая на голову свалилась!

Не раздумывая ни мгновения, Эван последовал за девчонкой.

Лес встретил неласково — корнем под ноги и камнем под колено. Шипя сквозь зубы, Эван поднялся, огляделся и обреченно застонал.

Этих ведьм определенно тянет в одно и то же место. Ходячие неприятности, а не девчонки! Бежал он быстро. На пределе возможностей, не боясь ни упасть, ни попасть в распахнутые объятия какой-нибудь голодной пакости. Пронесло. Скорее всего, пакость сама убиралась с дороги, едва завидев взбешенного мага, готового убивать голыми руками.

На берег озера Эван вылетел чуть ли не кубарем, все-таки запнувшись и только чудом не упав. Она стояла поодаль, глаза на водную гладь, которая вдруг вздыбилась, пошла кругами и взорвалась брызгами, выпуская на волю хвостатую тетку с мерзким характером.

— Ух ты, русалка! — восторженно воскликнула девчонка, незнакомая с нравом и специфическими пристрастиями здешней обитательницы. И прежде чем Эван сообразил, кинулась к озеру...

Он был слишком далеко. Ситуация повторялась почти один в один, как с Каей. Да что ж этим полоумным ведьмам нейдет?! Проклятое озеро медом, что ли, намазано?!

Пара ударов сердца — и Эван ясно понял, что оказался не прав. Никаких повторений. И новое толкование старой пьесы понравилось ему гораздо больше.

Плюхнувшуюся в озеро ведьму ожидаемо схватили за ноги и потянули на дно. Вот только сама русалка — совершенно неожиданно — оказалась сцапана за растрепанные волосы и профессионально пнута в хвост. Будь дело на земле, и противница темной ведьмочки давно уже запросила бы пощады. Вода же сдерживала задиру, но русалке и того было достаточно — судя по тому, что она пыталась уплыть, дабы сохранить свой роскошный хвост в целостности и сохранности. Эван тоже бы оным озабочился: уж больно крепко вцепилась в главную русалочью красу девчонка. Словно не просто спасала свою жизнь, а заодно и трофейным хвостом обзавестись решила.

Услышав жалобный вопль нечисти, Эван понял, что пора ее спасать. Как-никак местная достопримечательность, негоже будет, если ведьмочка все же оторвет ей, несомненно, нужную часть тела.

Ловчая сеть удалась не с первого раза — руки дрожали от сдерживаемого смеха, подогреваемого непрекращающейся борьбой. Теперь напала девчонка, не давая русалке уплыть восвояси. С боевым кличем она таскала нечисть за превратившиеся в спутанное воронье гнездо волосы и успокаиваться явно не собиралась. Пришлось помочь...

Когда сияющая сеть бережно выловила ведьмочку из озера и аккуратно вытряхнула на травку, русалки и след простыл. Эван не удивился бы, реши она сменить место обитания.

— У, селедка тощая! — в запале крикнула девчонка, подхватываясь с земли и пытаясь вновь нырнуть в воду. Еле успел поймать.

Она брыкалась, явно еще находясь в горячке боя, и, несмотря на ее мелкий рост и худенькое телосложение, Эвану приходилось несладко. На какой-то миг он даже почувствовал несчастной русалке... И крепче прижал к себе мокрую воинственную ведьму, бормоча что-то успокаивающее и на редкость глупое. Постепенно она затихла, но не успел Эван вздохнуть с облегчением, как на полянке стало слишком тесно...

Сначала к озеру вырвалась Кая. Растрепанная, с глазами, безумно горящими колдовскими огнями, безобидную светлую ведьму она ничуть не напоминала. Такая любую опасность с пути сметет и даже не заметит. Эван вздрогнул и, поспешно выпустив девчонку из объятий, отступил подальше. На всякий случай. Вдруг еще решит, что это он ее...

За Каей вывалились Вальдер, Деррек и Атон. Ладони последнего сияли золотым светом, и Эван подумал, что такого шока местная нечисть давно уже не испытывала.

— Ты не пострадала?! — наседкой квохтала над девчонкой не на шутку перепугавшаяся Кая.

Она вертела ведьмочку, осматривая со всех сторон, будто подозревая, что от нее оттяпали приличный кусок и не то что не отравились — даже не подавились. — Тебя не ранили?!

— Лучше бы спросила, цела ли русалка и сможет ли она после этого плавать, — буркнул Эван едва слышно, но вот момент выбрал неподходящий: все как-то разом умолкли, и во внезапно упавшей тишине его недовольный полушепот прозвучал криком.

— Я ей всего один плавник отодрала, — смущенно пробормотала девчонка. — И, кажется, ухо надкусила... Думаешь, не сможет?

Первой не выдержала Кая. Странно всхлипнув, она закрыла лицо руками... и расхохоталась.

Это оказалось заразным. Даже Эван не удержался, смеялся до слез, уже не заботясь о сохранности грима. Толку-то? Попался так попался. Но эта мысль, как ни странно, не казалась

ужасной. Наоборот, он ощутил ни с чем не сравнимое облегчение, и оно тоже вырвалось наружу вместе с перемешанным со слезами смехом.

ГЛАВА 18

В замок возвращались молча в сгущающихся сумерках, под бдительным присмотром полной луны, похожей на полупрозрачный леденец. Я цеплялась за высушенную и приведенную в порядок Дейдру, как утопающий за соломинку, из-за чего сестра шипела и недовольно фыркала, но открыто перечить не смела. Правильно. Слишком тонка была грань, отделяющая чувство облегчения от злости на своевольную мелочь. И не важно, что она не пострадала, везение не может быть вечным и обычно заканчивается неожиданно.

Перед нами шли Вальдер и Деррек. Оба бросились за мной, ни о чем не спросив, и при каждом взгляде на них душу омывала теплая волна благодарности. Позади, крепко ухватив под локоток Эвана, шагал Атон. Я думала, в том озере он брата и притопит... Выдержке мага оставалось только позавидовать. Но что мальчишка свое получит, я ничуть не сомневалась. Нервы своей семье он помотал изрядно. Даже не знаю, что бы я сделала с Дейдрой, окажись она на месте Эвана.

Бал продолжался как ни в чем не бывало. Отголоски музыки наполняли холл, и именно здесь меня и прорвало...

— Не смей выходить из замка, — резко остановившись и не смущаясь свидетелей, заявила я Дейдре. — И по замку лазить — тоже! Если еще куда-нибудь влипнешь, я тебя домой посылкой отправлю, клянусь!

Сестра шмыгнула носом и округлила бесстыжие глаза. Клятвами я никогда не разбрасывалась, это она знала твердо. Если уж чего пообещала, непременно исполню. И сейчас отступить от своих слов не собиралась.

— Ну зачем же так сурово, — хмыкнул Вальдер Грайвен, и его пальцы накрыли мои, сжавшиеся на тонком запястье сестры, заставляя ослабить хватку. Вовремя. Еще немного, и синяков мелочи наставила бы... — В одиночку и правда ходить не стоит, но в компании — почему бы нет? Здесь много интересного, и окрестности красивые. Как я понимаю, вы родственницы?

— К несчастью, — выдохнула я.

— Я больше так не буду, — проныла Дей, хлопая ресницами и устремив на меня умоляющий взгляд. — Я одна больше никуда не пойду! Честное слово!

И да, я ей поверила. Возвращаться домой посылкой девчонке явно не хотелось.

Пока я давала выход гневу, Атон с Эваном исчезли. Надеюсь, старший брат не убьет младшего. Я тут Дей и за меньшее прегрешение едва не покусала. Деррека тоже не было видно, и я предпочла думать, что он пошел с кузенами. В такой момент им лучше наедине не оставаться.

— Все будет хорошо, — подмигнул Вальдер, имея в виду дела то ли своей семьи, то ли моей, то ли обеих сразу. — Идите веселиться, впереди еще вся ночь.

— Я бы предпочла прилечь, — пробормотала я, прижав пальцы к вискам.

Оживившаяся было Дейдра скисла. Знала ведь, что я теперь с нее глаз не спущу. И Дорану уж точно не доверю — сбежала раз, сбежит снова, а он наверняка до сих пор не в курсе, что случилось. И вот этого безответственного мальчишку матушка видела моим мужем? Какой ужас!

— Отдохните, — кивнул Вальдер. — Но не стоит портить вечер юной леди. Она, конечно, провинилась, но это из-за любознательности, а вовсе не по злему умыслу. К тому же она наверняка все осознала и больше не совершит подобной ошибки.

Дей закивала так, что я испугалась, не отвалилась бы голова, и вновь одарила меня умильным взором кротких глаз. О да, когда надо, она и такой быть может.

Злость схлынула, уступив место усталости. В сущности, Дейдра ведь не дура и уроки усваивает на лету. Да и накосячить дважды за один вечер — это даже для нее слишком. К тому же она действительно заслужила этот праздник, и кто я такая, чтобы лишать ее радости? Быть злобной сестрой не хотелось. Глупой — тоже.

— Не волнуйтесь, я присмотрю за ней, — вмешался в мои размышления Вальдер, и чаши весов тут же склонились в пользу Дей. Уж человеку, у которого есть три племянника и наверняка немалый опыт в их укрощении, можно довериться.

И я доверилась. Погрозила расцветшей Дейдре кулаком, проводила взглядом удалившихся в бальный зал сестру и Вальдера и поплелась к лестнице, мечтая о горячей ванне и мягкой постели. Не покидало ощущение, что это меня русалка утопить пыталась, а не скачущую резвой козочкой сестру. Она даже внешне выглядела свежей, будто и не случилось ничего, благо магией и одежду удалось высушить, и прическу подправить, а косметикой Дей не пользовалась — при ее природной яркости это было бы лишним.

На лестнице я встретила Миледи. Ну как встретила... Странная дама неслась навстречу, как если бы куда-то опаздывала, и пришлось приложить немало усилий, чтобы с ней разминуться и не рухнуть вниз, считая ступеньки собственными костями. Я прекрасно помнила, что она способна становиться материальной, и не хотела проверять, в каком состоянии фамильное недоразумение Грайвенов пребывает в данный момент.

Переступив порог темной и уютной, наполненной мерным мурлыканьем спальни, я зажгла свет, погладила рыжика, развалившегося на подушке, приняла ванну и переделалась в домашнее платье, светло-голубое, расшитое по вороту и подолу солнечными ромашками, не забыв переложить зелье. Такой наряд больше шел не эффектной Эмме, а обычной Кае, но сейчас мне хотелось быть собой. Хотя бы немного.

Стало тоскливо. Спать расхотелось. Я лежала поверх покрывала, лениво почесывая разомлевшего котика, когда послышался осторожный стук в окно. Поначалу я подумала, что показалось, но нет: стук повторился уже более отчетливо. Рыжик насторожился было, приподнял голову, но тут же расслабленно растекся на подушке, из чего я заключила, что опасностью здесь и не пахнет.

Хорошо. Хватит с меня на сегодня приключений.

Хотя, если считать приключением стоящего под окном Атона Клайдана, еще на одно я очень даже согласна.

Увидев меня, распахнувшую окно, он улыбнулся — я отчетливо видела это в свете золотистых огоньков, украшающих темный сад, — поманил меня рукой, и я словно во сне ступила на подоконник и, не задумываясь над тем, что делаю, шагнула вниз...

И ни на миг не испытала ни сомнений, ни страха.

Меня сразу же бережно подхватили невидимые воздушные ладони, спустили вниз и аккуратно поставили на землю. Ноги заметно дрожали и пытались подогнуться, но Атон не дал мне упасть.

— Привет, — зачем-то пробормотала я, во все глаза глядя на весьма довольного чем-то мага, облаченного в темные брюки и простую белую рубашку.

— Привет, — еще шире улыбнулся он. — Хочешь прогуляться?

Станный вопрос. Не хотела бы — не шагнула бы с подоконника.

— Сад диво как хорош. И совершенно пуст, — продолжал Атон. — Мало кто догадывается, что есть на свете что-то интереснее танцев в душном зале.

Сад и в самом деле был чудесным, поздний вечер — удивительно теплым, а настроение, еще несколько минут назад едва не скатившееся в бездну уныния, романтичным.

— Эван жив? — вырвалось у меня, едва мы успели сделать пару шагов.

— Эван спит, — хмыкнул Атон. — Бедняга измотан, но, слава богам, у него хватило ума вернуться.

— Он испугался, — кивнула я.

— Любой бы испугался, — пожал плечами маг. — Но я боялся, что глупость окажется сильнее страха. Что ж, я слишком плохо знаю брата.

— Он тебя — тоже, — вновь помимо воли сказала я и, смешавшись под пристальным взглядом, пробормотала: — Он почему-то думает, что ты не можешь ему помочь...

— Он думает, что я не хочу ему помочь, — невесело усмехнулся Атон, продолжая шагать по узкой тропке. Здесь я еще не гуляла, но теперь было не до того, чтобы смотреть по сторонам, и я следовала за магом, почти не обращая внимания на дорогу. — С Инаром у нас были сложные отношения. Более чем сложные. Самое забавное, что ни моей, ни его вины в том не было.

Наверное, ничьей не было и вовсе, просто так сложились обстоятельства... Это долгая история.

— У меня есть время, — улыбнулась я.

— И ты действительно хочешь ее услышать? — недоверчиво уточнил Атон.

Говорить, что я хочу хоть что-нибудь узнать о нем самом, не стала, лишь кивнула, но маг, похоже, все и так понял по моим глазам. И решил поведать гораздо больше, чем я могла рассчитывать.

И не только поведать.

Я и не заметила, как мы вышли на укромную лужайку, со всех сторон окруженную липами и сладко благоухающей черемухой. Пара лавочек с резными спинками располагались по ее краям, путь к ним зарос травой, и подумалось, что не слишком часто сюда кто-то приходит. Слишком уж уединенное место, как раз для странного свидания ненормальной ведьмы и загадочного мага. Мягкая тьма весенней ночи почти осязаемо обнимала за плечи, вздыхала теплым ветерком. Здесь было совсем мало сказочных огоньков, они покачивались на острых кончиках травинок и походили на самых настоящих светлячков.

От последнего сравнения стало слегка не по себе, а в дыхании ветра почудился полузабытый шепот.

— Пстой здесь, — попросил Атон, а сам зашагал в центр лужайки. Трава доходила ему до колена, и огоньки пугливо разлетались при каждом его движении, но несколько особо смелых, взвившись вверх, осели на распущенных, едва достающих до плеч темных волосах, придавая магу таинственности. — Кая, — позвал он, обернувшись. — Ты мне веришь?

Я кивнула без раздумий, хотя, казалось бы, как можно доверять незнакомцу?

— Тогда прошу тебя — ничего не бойся. Что бы сейчас ни произошло, тебе ничто не грозит, клянусь, — со звенящим в голосе напряжением сказал Атон, и я заволновалась.

Нет, я по-прежнему не чуяла опасности, но обострившиеся чувства кричали, что сейчас произойдет что-то важное, что-то, способное изменить все. Или всего лишь направить на верную дорогу?

Когда Атона окутала слабо мерцающая серебристая дымка, я прижала ладонь ко рту. И не зря: дымка разрасталась, меняла очертания... и через пару ударов сердца развеялась, оставив посреди лужайки самое что ни на есть волшебное существо.

Серебряного синеглазого дракона из моих снов.

Как замороженная, я двинулась ему навстречу. Сейчас он не отдалялся, не исчезал, не тонул... и вскоре моя протянутая ладонь ощутила прохладу и гладкость чешуи, а волосы на макушке взъерошило горячее дыхание.

— Ты настоящий! — восторженно прошептала я, поднимая голову и без страха глядя в знакомые синие глаза. — Какой же... Какой же ты красивый!

О сказанном я ничуть не пожалела. Дракон был не просто красив — великолепен. До сих пор я ни одного не видела, разве что только на картинках да во снах, но с реальностью ни в какое сравнение это не шло.

Мгновение, серебристая мягкая вспышка — и вместо дракона передо мной вновь стоял мужчина. Ближе так, просто до неприличия, но я и не подумала отстраниться. Восхищение все еще переполняло меня, и я просто не знала, что сказать, как выразить то, что чувствовала.

— Я бы предложил тебе полетать, — улыбнулся Атон, проведя кончиками пальцев по моей щеке, — но, боюсь, мы привлечем нежелательное внимание. Но в другое время и в другом месте я с радостью покажу тебе мир с высоты драконьего полета. Хочешь?

Говорить я все еще не могла, а потому закивала, совсем как Дейдра недавно. Ею же себя и почувствовала — и наконец-то пришла в себя.

— Почему ты это сделал? — воскликнула я, все же отступая на шаг. — Такой тайной направо и налево не разбрасываются!

Хотя, если подумать, вполне в духе их семейства. Вон сколько секретов я уже узнала. Вот только Атон, в отличие от Деррека и Вальдера, не знал о магической клятве, обязывающей меня хранить молчание.

— Я и не разбрасываюсь, — покачал головой маг. — Ты сама пожелала узнать мою историю. И это ее неотъемлемая часть.

— Но...

— Ты сказала, что доверяешь мне, — не дал возразить он. — А я доверяю тебе. Все просто. Все просто, да. Если не брать в расчет то, что мы совершенно не знали друг друга!

Настоящее безумие. Но оно, как ни странно, мне нравилось.

До скамейки я дошла на негнувшихся ногах. Атон одним движением руки расчистил к ней тропку, и травяные заросли не доставили ни малейших хлопот. Опустившись на теплое, все еще хранящее тепло солнечного дня дерево, я подняла глаза на присевшего рядом Атона:

— А Эван тоже?..

Почему-то подумалось, что дракон из мальчишки вышел бы смешной, нескладный и путающийся в собственных лапах и хвосте непременно с кисточкой на конце, и образ этот, яркий и объемный, вызвал улыбку.

— Нет, — покачала головой Атон. — Только я.

— Как же так получилось? — выпалила я и запоздало прикусила язык. Не стоит лезть не в свое дело!

Но Атон считал иначе. Он совсем не рассердился, помолчал немного и признался:

— Я ношу эту фамилию не по праву крови. Александр Клайдан усыновил меня сразу после рождения.

Ни тоски, ни ноток горечи в его тоне я не уловила, а потому осмелилась задать вопрос:

— Значит, Инар... Он тебе не брат?

Это объясняло, почему именно они не ладили. Ревность в таких семьях — дело, увы, нередкое.

— Брат, — озадачил меня маг. — Единоутробный. У нас троих одна мать. И только Инар с Эваном — истинные наследники рода Клайданов. Вернее, теперь только Эван...

Атон все-таки нахмурился. Наверняка мысли о погибшем брате до сих пор причиняли боль, и стало неловко оттого, что я невольно разбередила старые раны. Видит Светлая пара, я не хотела и дальше продолжать этот разговор, слишком тяжелый для Атона, но он отчего-то решил поделиться тайнами своей семьи. И я слушала затаив дыхание, потому как видела: ему нужно выговориться. Не знаю, почему именно здесь и сейчас, почему именно мне, но это уже было не важно.

Оказалось, что юную — пожалуй, даже слишком — Энис Грайвен выдали за Александра Клайдана против ее воли. Жениха она толком не знала и узнать не стремилась, зато трижды пыталась сбежать. Последний раз — уже после замужества и рождения Инара — увенчался успехом.

Беглянку искали всеми силами, но так и не нашли. Та объявилась сама — через три года.

Исхудавшая, перепуганная почти до смерти... ждущая ребенка. Вопреки ожиданиям Александр принял ее обратно. Более того — со всех свидетелей взял магическую клятву о том, что они никогда и никому не выдадут подробностей возвращения блудной жены. А когда родился Атон, без колебаний назвал его сыном, дал свою фамилию и покровительство рода. К тому моменту он уже знал, что глупая девчонка, каковой была Энис три года назад, умудрилась влюбиться, и не в кого-нибудь, а в самого настоящего дракона. Влюбиться сильно, страстно, до потери разума. Причем взаимно. Вот только до свадьбы дело так и не дошло: он погиб незадолго до церемонии. Энис осталась одна в окружении не слишком дружелюбно настроенных драконов. Судьба чужачки, чистокровного человека, их не волновала — ее терпели лишь из-за того, что она была избранницей их собрата, — но вот ребенок, которого она ждала, дело другое. Не так уж часто у драконов рождаются дети, и даже полукровка был ценен. Энис окружали заботой и вниманием, считая дни до заветного дня, но однажды ей удалось подслушать разговор, после которого будущая мать и сбежала — в чем была, ничего с собой не прихватив. Лишь дитя, которое у нее хотели отобрать, едва он издаст свой первый крик.

Конечно, ее нашли. Но к тому моменту Атон уже родился и принадлежал могущественному магическому роду, тягаться с которым не решились даже драконы. Впрочем, в их клан Атон все равно попал, но уже по собственной воле — и надолго не задержался, поняв, что просто не сможет там жить. Все-таки он в большей степени человек, нежели дракон, и вряд ли что-то может это изменить.

Энис же, лишившись иллюзий молодости, сумела другими глазами взглянуть на мужа — и полюбить его. Потом на свет появился Эван, и старая история окончательно забылась. По крайней мере никто о ней не вспоминал.

Почти никто.

— Мама сама рассказала мне все, — невесело усмехнулся Атон. — Когда у меня начались... некоторые проблемы со второй ипостасью, коей у приличных магов нет и быть не может. Кто же знал, что наш разговор слышал Инар. Он так и не простил маму. И меня — тоже. До последнего был уверен, что я вообще не имел права на жизнь, что мама предала его, оставив в

младенческом возрасте, что всю любовь, предназначавшуюся ему, отдала мне. Конечно же, мы не ладили. Оттого Эван и не верит, что меня расстроила гибель Инара. И что я действительно старался отыскать и покарать убийцу...

— Я верю, — вырвалось у меня. Слишком уж потерянным выглядел сейчас Атон, сердце так и сжималось от незаслуженно нанесенных ему обид. Одни только боги ведают, чего ему пришлось натерпеться в юности. Озлобленные старшие братья, как никто, умеют портить жизнь, в этом я ничуть не сомневалась.

— Почему? — в упор посмотрел на меня маг, и сердце пустилось в галоп. Даже больно стало, и дыхание сбилось, а в голове ни единой мысли не осталось.

Наверное, именно потому я и сделала то, что сделала: подалась к Атону и быстро коснулась губами его щеки.

Колбочая. А глаза — удивленные.

Правильно, вряд ли к нему каждый день чокнутые ведьмы пристают.

Хотя, если посчитать еще и ночь...

Окончательно смутившись, я вскочила с лавки и метнулась к тропинке, но не успела. Атон заступил дорогу, и я совершенно по-глупому попятилась, будто не сама только что его поцеловала.

Сделав еще один шаг назад, я уперлась в ствол дерева. Атон оказался рядом, навис надо мной, протянул руку и кончиками пальцев, едва касаясь, провел по моей щеке. И я почувствовала, как поплыл наведенный зельем облик.

— Не надо!.. — прошептала в панике, не зная, что предпринять.

Конечно, он и так знал, кто я, видел под иллюзией настоящую меня, но совсем лишиться ее было страшно. Я куталась в нее, как в пусть и дырявую, но уютную шаль, и совершенно не желала с ней расставаться.

— Я хочу видеть
тебя,

Кая, — покачал головой Атон. — Сейчас ты словно в дымке. Позволь мне...

Маг поймал мой испуганный взгляд, улыбнулся... и я успокоилась. Нет, не было никаких чар, просто я вдруг тоже очень захотела, чтобы он меня видел. Без всяких дымок. И без лжи, которая в последние дни стала моей тенью.

Легкий ветерок огладил щеки, бросил в глаза прядку волос. Светлую, без намека на рыжину даже в свете золотистых огоньков.

— Так гораздо лучше, — выдохнул Атон и, склонившись, накрыл мои губы своими. Замер, давая шанс отстраниться, но я им не воспользовалась. Напротив, подалась навстречу магу, обвила руками его шею и прикрыла глаза, растворяясь в ощущениях, что дарили осторожные касания его губ, с каждым мигмом становящихся все смелее и щедро делившихся этой смелостью со мной.

Когда мы оторвались друг от друга, казалось, что мое сердце вот-вот из груди выпорхнет. Но когда маг вновь потянулся ко мне, я отпрянула и неуверенно прошептала:

— Атон, нет... Это неправильно!

Неправильно целоваться под разросшейся черемухой с темным магом, еще недавно бывшим незнакомцем. Неправильно чувствовать к нему то, что чувствую я. Неправильно терять голову от одного только взгляда на него.

И ловить себя на мысли, что все это не впервые, — тоже.

— Ты действительно так думаешь? — легко уловив ведьмины сомнения, улыбнулся Атон, отводя от моего лица растрепавшиеся прядки, и я, не в силах лгать ему, мотнула головой. На самом деле ничего более правильного я и представить не могла. — Тогда почему тебя это тревожит?

Понятия не имею. Глупые страхи, теряющиеся в синей глубине глаз... Но кое-что меня действительно тревожило. Настолько, что я решила признаться.

— Я знаю тебя, — пробормотала растерянно, перебирая пальцами по вороту его рубашки. — Не помню, но знаю. А сейчас кажется, что и помню... — Окончательно запутавшись, я прикусила губу и беспомощно посмотрела на Атона.

Ну же, не молчи, помоги мне! Помоги разобраться с тем, что сводит с ума и не дает покоя...

В следующий миг меня сгребли в охапку, и я оказалась на коленях у опустившегося на лавку мага, но даже и мысли вырваться не возникло. Прижалась доверчиво щекой к его груди, а он выдохнул в мою макушку:

— Позволь рассказать тебе сказку...

Вот такого я точно не ожидала!

— Не хочу сказок! — рванулась было я, но тщетно.

— Все равно расскажу, — упрямо заявил Атон. — Слушай внимательно. Жил-был один глупый-преглупый дракон...

— Почему глупый? — поняв, что освободиться не выйдет, смирилась с участью слушательницы я. Да и, признаться, любопытно стало: к чему все это?

— Потому что он был не совсем драконом. Только наполовину. Но всегда мечтал стать... полноценным. И делал для этого все. Почти все — вреда он никому и никогда не чинил, так как был пусть и глупым, но, в сущности, не злым. И была у дракона невеста. Умная и красивая девушка. Пожалуй, даже слишком умная и красивая. Невесту он потерял. Вдвойне глупый дракон, не находишь? Потерять то, что у тебя уже в руках, упустить собственное счастье. И ладно бы хоть чему-то после этого научиться. Умный бы не оказался в такой ситуации. А даже если бы и оказался, то извлек бы урок.

— Что случилось с его невестой? Она его предала? — спросила я, когда Атон замолчал.

— Он застал ее со своим старшим братом в весьма пикантной ситуации, — вздохнул он. — Но сейчас речь не о том. Однажды наш глупец узнал, что некоторые редкие травы в определенное время в конкретном месте могут исполнить его заветное желание — единственное, что у него к тому моменту осталось. И он, раздобыв нужные травы и собственноручно, никому не доверившись, сварив сложное зелье, отправился к озеру, воды которого, по легендам, раз в месяц превращались в чистейший лунный свет и на сутки становились волшебными.

— Он добрался? — посчитав, что пауза слишком затянулась, поторопила рассказчика я.

— Да, — вздохнул Атон. — Добрался вовремя, как раз к раннему утру после полнолуния. Выпил зелье и нырнул в озеро. Вот только вынырнуть не сумел. О хозяйке озера, не жалующей незваных гостей, легенды почему-то умолчали, а сам дракон беспечно не озаботился собственной безопасностью. Как я уже не раз упоминал, он был глуп. Это все объясняет.

— Он утонул? — разочарованно протянула я, не заметив, как увлеклась этой странной сказкой.

— Нет, — усмехнулся Атон. — Иногда глупцам неоправданно везет. На его счастье, к озеру пришла прекрасная девушка, которая увидела тонущего и отважно пришла ему на помощь. Вернее, приплыла... Без раздумий она бросилась в воду, хотя видела, кому ей придется противостоять.

— Она была магом? — уточнила я.

— Она была ведьмой. Юной светлой ведьмочкой, пылающей, как светлячок.

Сердце сжалось и пропустило удар, в глазах потемнело, а в ушах прошелестел голос, сейчас показавшийся знакомым.

Светлячок...

— У нее случился...

— Выброс силы, — прошептала я, перебив Атона. Он вздрогнул, нашел мои заледеневшие ладони, сжал их и продолжил:

— Да. Выброс силы. Только поэтому она не погибла по его вине.

— Она сама сделала выбор, — пробормотала я.

— Для слишком добрых, чистых душой ведьмочек в таких ситуациях выбора нет, — не согласился Атон. И в его голосе почудилась грустная улыбка. — Итак, она спасла его.

Вытащила полуживого из воды. Вдохнула в него жизнь. И две недели ходила к озеру, потому что в главном легенды не лгали: купание в волшебных водах действительно запустило смену ипостаси. Вот только так же, как и о хозяйке озера, в легендах не было ни слова, какую цену за это придется заплатить. Глупый дракон умирал. И добрая ведьмочка почти не отходила от него, отгоняя смерть, облегчая боль, выворачивавшую суставы, изменяющую тело. Стоит ли удивляться тому, что, казалось бы, окаменевшее сердце дракона дрогнуло — и он по-настоящему полюбил своего Светлячка?

Я вновь дернулась — мне нужно было обернуться, нужно было видеть глаза Атона. Но он держал по-прежнему крепко, хоть и бережно, и ничего у меня не вышло.

— Но у него уже была невеста, — возразила я, с трудом проглотив стоявший в горле ком.

— Тогда дракон еще не совсем был драконом, зато был слишком юн и еще более глуп, — напомнил Атон.

— Так он не любил ее?

— Любил, — помолчав, не слишком уверенно сказал Атон, будто и сам не знал верного ответа. — Как мог на тот момент. Как могло человеческое сердце... Сердце дракона оказалось больше. Как и его любовь. Это совершенно неувидительно. Удивительно другое, — продолжил маг, и голос его зазвучал глухо, — то, что она тоже полюбила его. Всем своим светлым добрым сердцем. Глупого дракона, который ничем этого не заслужил. Который не сумел сберечь свое счастье. Он должен был уйти домой, но обещал Светлячку вернуться. Она поверила. Еще бы — он и сам верил в это. Но дома его ждал сюрприз — объявился брат отца. Не того, что воспитал его и дал свою любовь и защиту. Другого. И речи новообретенного дяди были подобны меду, обещая глупому дракону неземное счастье и исполнение всех желаний, если он добровольно отречется от рода приемного отца и войдет в род родного. Только вот все мечты дракона уже сбылись, о чем глупец и поведал дяде. На что тот, взглянув на него странно изменившимися глазами, сказал, что мечты иллюзорны и закончатся горем. Что по вине дракона его Светлячок погибнет. Наш глупец не поверил, хотя и знал, что дядя способен заглядывать в будущее. Он сказал, что справится со всеми бедами, что сумеет отстоять свою любовь... Но дядя напомнил, что одну любовь глупый дракон уже потерял, и он засомневался. Сама мысль о невозможности быть с той, которой отныне принадлежало его сердце, сводила глупца с ума, но оттого, что она может погибнуть по его вине, становилось еще хуже. Он и в самом деле думал, что должен отказаться от нее, что время и расстояние однажды помогут им забыть друг друга. Думал, но так и не смог решиться. И тогда его дядя, настоящий, правильный дракон, родившийся таковым, а не ставший в результате безумного ритуала, посоветовал провести еще один ритуал, призванный отвести несчастье. И наш глупый дракон с радостью ухватился за предложение дяди, не разуваясь о подробностях. И о том, для чего он предназначен на самом деле. У драконов, Кая, тоже всякое случается. И очень редко, но бывает, что любовь, та самая, большая и безумная, не взаимна. А у драконов есть такая особенность — сходить с ума в разлуке с любимой. Именно потому и создали когда-то ритуал забвения, позволяющий разорвать паутину губительных чувств и сохранить здравый рассудок. Для надежности нужно соблюдать всего лишь одно условие: не видеть объект своей любви хотя бы год. Обо всем этом дядюшка, конечно же, умолчал. Ему нужно было вернуть племянника в род. Любой ценой. И сначала ему это удалось... Вот только вопреки чаяниям все пошло не совсем так.

— Он ее не забыл? — с замиранием сердца прошептала я. Теперь бы я и сама не обернулась. Но Атон сжал меня еще сильнее, словно боялся этого.

— Забыл, — тихо сказал он. — Но потом выяснились три вещи... Первое: ритуал рассчитан на неразделенную любовь и не смог начисто стереть любовь взаимную, и еженощно дракона мучили сны, разгадать которые не получалось, но они оставляли после себя непонятную тоску. Она-то и привела к тому, что он покинул клан. И второе — все усилия дядюшки оказались напрасны. С учетом первого обстоятельства даже пяти лет мало, чтобы чары закрепились и не рассеялись при одном лишь взгляде на нее при случайной встрече.

— А третье? — хрипло спросила я.

— Что? — растерянно переспросил успевший задуматься Атон.

— Ты сказал, что выяснились три вещи, но назвал только две, — спокойно ответила я, хотя в душе не чувствовала ни капли этого спокойствия.

— Ты же помнишь, что он настоящий глупец? — тоскливо уточнил Атон. — Он не так понял предсказание. Он был не угрозой, а защитой. И уйдя, пусть даже и не желая того, сам подставил ее под удар...

— А она? Она знала об этом? Он рассказал ей о предсказании и ритуале, который собирался пройти ради нее? Спросил, чего хочет она? Согласна ли рисковать им? Расстаться из-за какого-то неясного видения, которое могло и не сбыться? Отказаться от него, положившись на время и расстояние? У него хотя бы мелькнула мысль о том, что неплохо бы поделиться с ней своими страхами?!

С каждым словом во мне натягивалась невидимая тугая струна. И от одного короткого хриплого «нет» она лопнула, освобождая все мысли и чувства разом. Из объятий я выскользнула легко — Атон не держал меня больше. И столько обреченности и боли было в его глазах, что на миг сердце протестующе дрогнуло. Но лавина эмоций вновь захлестнула с головой, и я, одарив его звонкой пощечиной, сбежала, не чуя под собой ног и глотая злые слезы. Глупый, глупый дракон, считающий себя вправе решать за других! И не менее глупая ведьма, невзирая ни на что продолжающая его любить...

ГЛАВА 19

Эван, наконец-то чистый и сытый, лежал на хрустящей от свежести постели, измотанный, уставший до предела, и, как ни старался, не мог уснуть. Тело ныло, мышцы выкручивало, а разум настойчиво требовал отдыха, но все попытки так ни к чему и не привели. Слишком уж насыщенным оказался вечер, богатый не только нелепыми приключениями и встречами с родственниками, но и неожиданными открытиями. И сейчас перед мысленным взором вновь и вновь прокручивались все события от столкновения с сумасшедшей девчонкой, оказавшийся — вот уж сюрприз! — сестрой не менее сумасшедшей Каи, до серьезного разговора с Атоном, который прошел совсем не так, как того ждал и одновременно опасался Эван.

По дороге к замку он готовился ко всему. К обвинениям, крикам, некрасивому скандалу... Заслужил. А вот братские объятия его немало удивили. Оказывается, он знал Атона не так хорошо, как полагал. Упреков тоже не последовало, будто Эван не сбежал из дома, а отправился на охоту за убийцей с семейного благословения. Однако короткое «рад, что ты жив» возымело действие, какое не под силу и тысячам нелестных слов в адрес беглеца. Заворочалась до сего мига тщательно усыпляемая совесть, напомнив, что помимо брата у него еще и родители имеются. Отец уже совсем не молод, а мама... Мама есть мама, она тревожится по любому пустяку, и даже представить невозможно, что она испытала, когда ее младший ребенок отправился на поиски той, что погубила старшего. Но Эван все же попытался. Задохнулся от нахлынувшей боли и, закусив губу, резко вытер рукавом невольно выступившие слезы, заодно стирая остатки ненужного уже грима.

— Вижу, осознал, — усмехнулся Атон, внимательно следя за братом.

— Осознал, — буркнул тот, без сил падая в удобное кресло.

Хотелось есть и спать, но сначала нужно было сделать то, ради чего он и решил сдаться. Потому, залпом осушив стакан воды, он без предисловий выложил Атону все, что удалось узнать за это время. Начиная с Террей, где он впервые увидел Каю и почувствовал несвойственные игрунье следы, напоминавшие эхо какого-то темного ритуала, и заканчивая последней встречей, когда он остался жив лишь благодаря ведьмочке.

— Насчет ритуала... Раньше такого точно не было? — спросил брат задумчиво, когда Эван замолчал и вновь налил воды из стоявшего на прикроватном столике графина.

— Точно, — уверенно кивнул Эван. — Я только из-за этого и поставил защиту, чтобы кто-нибудь не вляпался.

— Сдается мне, слишком поздно поставил, — мрачней на глазах, пробормотал Атон.

— Сразу же, как она от меня ускользнула, — надулся Эван. — Никого там не было! Никого, кроме... — Он осекся и с ужасом уставился на брата. — Ты думаешь, что Кая...

— Что толку думать, — оборвал его Атон. — Нужно проверить. Она... странная.

— Еще какая, — фыркнул Эван. — Бегаёт под иллюзией, зато меня отчитывает.

— Не то, — поморщился брат. — Она не вспомнила меня при встрече в Террее. Я вспомнил, а она...

— Ты тоже странный, — помолчав, решил Эван.

Наверное, общение с ведьмами не проходит бесследно. Может, он сам тоже изменился, но пока этого не замечает?

На последней мысли, пробежавшей по кругу раз сто, не меньше, его в конце концов сморило. Но желанный сон отнюдь не был спокойным. За эти десять лет спокойные сны стали редкостью, ценимой чуть ли не превыше всего.

Я упала, споткнувшись, и только тогда очнулась от сведавшей души боли. Огляделась в удивлении — я оказалась под старой, щедро усыпанной цветами вишней. Уголок был тихим и укромным, и вставать я не стала. Подтянулась поближе к дереву, обняла шероховатый ствол, прикрыла глаза, чувствуя, как по щекам скользят слезы, и позволяя вернувшимся воспоминаниям наполнить разум и душу.

Я должна была вновь пережить позабытое прошлое, чтобы решить, как жить в настоящем... Трава под босыми ногами тепла и нежна, так и ласкает кожу, так и манит прилечь, но я не поддаюсь, хотя глаза и смыкаются после бессонной ночи, проведенной в поисках трав. Девчонки отсыпаются, их не влечет умытое росой свежее утро, им не шепчет запутавшийся в зеленых косах деревьев ветер, и у них не ноют в сладком предвкушении неведомо чего сердца... Счастливые.

Но я не жалею. Сон витает вокруг меня, легко касаясь век; я отмахиваюсь, шагая все дальше и дальше, к затерянному в глубине леса озеру, к которому наставница нас никогда не водила и запрещала к нему приближаться. И оно открывается во всей своей красе — огромное, яркое, переливающееся щедро отданным полнолунием серебром. Завороженная, скольжу по траве к самой кромке воды, слишком студеной для купания, но желанное умиротворение, едва коснувшееся души, исчезает, и я пячусь, широко открыв глаза, чувствуя, что оказалась в кошмарном сне, не в силах отвести взгляд от человека, в полной зловещей тишине борющегося с вцепившейся в него русалкой. Здесь ее называют хозяйкой озера и не лезут в воду не столько из-за ледяной прохлады, сколько из-за скверного нрава нечисти. И не просто не лезут — стараются лишний раз даже близко не подходить.

Вода обжигает тело раньше, чем я успеваю осознать, что не могу оставить того, кто нуждается в помощи. Холод выбивает из легких воздух, сжимает сердце, скручивает судорогой ноги... Но то, что рождается в душе, огненно-красное, жаркое и неудержимое, намного сильнее паники и русалочьих чар.

После выплеска силы случается всякое. Реальное или нет — не важно. В те мгновения реально даже то, чего быть не может. Все обретает более яркие краски и невероятную глубину, каждый миг превращается в вечность, а мир становится хрустально хрупким и бесконечно синим.

Синее небо. Синяя вода.

И легкие горят от нехватки воздуха.

Нечисть сильна, но разъяренная, пусть даже и юная, ведьма — сильнее.

Синее небо. Синие глаза.

Вдох. Выдох.

Сила в ладонях, равной которой я еще не ощущала. Сила на кончиках пальцев и в голосе, от которого нечисть корежит. Словно полоску раскаленного металла под кузнечным молотом. Мужская ладонь в моей руке, смыкающаяся так крепко, что кажется — не разомкнется уже. И берег с ласковой травой, обнимающей, утешающей...

Синее небо без единого облачка. Синяя гладь озера. Синие глаза, в которых искрится солнце и дрожит мое отражение. Перепуганное, мокрое, шмыгающее красным носом; ладони и глаза сияют золотисто-белым, и кажется, что я свечусь, будто...

— Светлячок.

Шепот похож на шелест ветра в цветущих яблоневых ветвях, и солнце превращает синий взгляд в золотой, а потом жаркое и тягучее и вовсе заполняет собою все...

До того мига я даже со свойственной семнадцати годам романтичностью совершенно не верила в любовь с первого взгляда. Тогда же просто растаяла, растворилась в другом человеке, осознала, что именно его и ждала... и ждала бы всегда, не встретиться мы сейчас, не встретиться вообще. Потому что никто другой никогда не станет для меня настолько близким и понятным. Моим.

И зеркальным отражением — те же чувства в его глазах.

Ненадолго. У нас было всего пять минут до того, как на него накатил первая волна боли...

Меняться всегда больно. Даже если эти изменения — часть твоей сути. А если этой части слишком мало, будет сложнее и больнее.

Я видела, как рождается новый дракон. Я была с ним почти все время, сказываясь больной и не участвуя в общих занятиях и девчоночьих посиделках у костров. Я боялась, безумно боялась, что Атон не выдержит...

Я еще не знала, насколько он силен и как любит жизнь. И, как оказалось, меня. Он называл меня Светлячком в бреду очередной волны изменений и в ясном сознании, и мне нравилось. А на третью ночь вместо ослабленного мужчины на берегу высеребренного луной озера оказался дракон. Большой, красивый, казалось, он был соткан из лунного света, а вот глаза ничуть не изменились: синие, с золотыми искорками, по-прежнему добрые и ласковые. Он взлетел еще через две ночи. Кружил над верхушками деревьев, снижался, едва не касаясь воды, взмывал к сияющей в темных небесах луне. Я лежала на спине и неотрывно смотрела на него, и чудилось, что я летаю с ним, как если бы и у меня внезапно выросли крылья. В последнюю ночь Атон тоже летал. Со мной. И никогда еще я не чувствовала себя счастливее. А потом он ушел, клятвенно обещав вернуться. Ко мне. За мной. И я ни на миг не усомнилась в его словах и в том прощальном поцелуе, что, казалось, до сих пор горел на губах. Только вот мой дракон так и не вернулся. Он встретил брата отца, который напророчил гибель его Светлячка и сделал так, что даже воспоминаний о нем у меня не осталось. А целых две недели счастья превратились в недели жара и бреда. Как он мог? Как мог решить все за меня?! Я бы не испугалась невнятного предсказания. Я бы ни за что не отказалась от синеглазого дракона, родившегося на моих глазах.

Задохнувшись, я вынырнула из воспоминаний. В голове будто неутомная семейка гномов поселилась, трудолюбиво стуча молоточками в виски; я почти ничего не видела из-за пелены слез, а сердце противно ныло, разрываясь между обидой и любовью. Хотелось одновременно вернуться к Атону — и бежать от него как можно дальше. Как он сбежал от меня. И пусть на то у него были серьезные причины, пусть даже он и не знал, к чему все приведет... В итоге я выбрала третий вариант — осталась лежать под цветущей вишней, тихонько глотая слезы и пытаясь ни о чем не думать. Получалось плохо, к тому же головная боль усилилась, а перед глазами и вовсе потемнело. И в какой-то миг мир исчез, растворился в полной черноте, в которой я захлебнулась — и частью которой вдруг стала. — Кая! Кая, пожалуйста... Ты слышишь меня? Я слышала. Вот только ответить не могла. Да и хотела ли? Но, к величайшему своему удивлению, все же проговорила:

— Да. Я... Все хорошо. Т

о

ни...

Я распахнула глаза и прильнула к тормошившему меня магу, хотя, поклясться готова, не контролировала себя... Совершенно не контролировала! И все же мое тело двигалось, губы шевелились, и мой собственный голос, звучащий вроде издали, шелестел в унисон с усыпанными цветом ветвями.

— Прости, что убежала. Я глупая, да? Ты ведь хотел как лучше. Я понимаю твой страх. Ты не мог меня потерять. Просто не мог. А я... Прости.

Собственные глаза казались окошками в чужом доме, и в окошках этих я видела изумленного, явно не ожидавшего такой покладистости Атона, различала даже свое отражение в глубине его зрачков и сама себе казалась ненастоящей.

Настоящей была тьма, что баюкала меня. Она убеждала расслабиться и забыть обо всем, довериться ее напевным колыбельным и надежным объятиям, которые все крепче смыкались вокруг. Но за глазами-окошками светила луна и мерцали волшебные огоньки, разгоняющие тьму не хуже солнца. Я говорила, дышала, прижималась к Атону... И в то же время оставалась недвижимой и безмолвной, словно запертой в собственном теле. Словно...

— Мне нужно немного времени, Тони, — звенел между тем мой голос, и мои пальцы скользили по слегка колючим щекам мага, будто вспоминая их очертания. — Я должна побыть наедине с собой и все обдумать.

«Помоги!» — мысленно возопила я, но он меня, конечно же, не услышал. Я и сама себя не услышала, и тьма злорадно хихикнула, укрывая меня с головой. Пришлось рвануться, освобождаясь от невидимых пут.

В глазах Атона мелькнула тревога. Он хотел было что-то сказать, но моя ладонь вновь коснулась его щеки, окутывая сонными чарами, и маг безвольно прислонился к вишне. — Так будет лучше, — прошелестел мой шепот.

Пальцы выудили из кармашка бутылочку с зельем, и оно, безвкусное, скользнуло по горлу, вновь меняя мой облик. А после перед глазами-окошками замельтешили ветви, кусты, кусочек расшитого звездными узорами неба... Я будто ехала в экипаже, но, как ни стремилась, выйти так и не сумела.

На крыльце я столкнулась с Миледи. Она принарядилась и вроде даже посвежела, была материальнее некуда и явно чем-то довольна... Ровно до того мига, пока не увидела меня. Моя рука сама собой метнулась вперед и сжалась на шее побледневшего и пошедшего рябью призрака.

— Ты-ы-ы... — просипела Миледи, жутко вытаращив глаза, и теперь сквозь нее отчетливо сияли разноцветные фонарики, украшавшие крыльцо. — Не с-с-смей...

— Это ты не смей, — холодно прозвучал мой голос. — Не смей путаться под ногами. А впрочем, зачем мне лишняя головная боль? Прикончу тебя здесь и сейчас, как давно мечтала! Ладонь сжалась крепче, забилось под ней что-то неживое, но яро желающее жить... И утекло дымкой сквозь пальцы.

— Твар-р-рь!

Рычание, вырвавшееся из моего горла, напугало меня. Как и алая пелена, застывшая взор. Но через мгновение ноги вновь несли меня куда-то помимо моей воли.

После тишины сада царившее в доме веселье оглушало. Мелькали яркие наряды и лица... И одно лицо, проплыв мимо, вдруг снова оказалось в поле моего зрения.

Вальдер Грайвен, устроившийся на низком пуфике, что-то увлеченно рассказывал внимающей ему темноволосой девице. Она обернулась, и я с тревогой узнала Дейдру. А в следующую секунду меня захлестнуло жгучей ненавистью, ослепив и чуть не отправив в распахнутые объятия тьмы.

— Эмма, — заметил меня Вальдер и тут же встал. — Признаться, я вас потерял.

— Я всегда нахожусь, — неискренне прозвучал мой смех. — Можно ли вас на пару слов, милорд?

На любопытно навострившую ушки Дей никто не обращал внимания, и сквозь глаза-окошки я видела, как она надулась, как подалась было вперед...

«Уходи, дуреха!» — заорала я, отчаянно надеюсь... сама не знаю на что. Здесь и сейчас творилось нечто странное и страшное, и я всей душой желала, чтобы моя непоседливая сестренка оказалась отсюда как можно дальше.

Дейдра вздрогнула, как от удара, окинула меня удивленным взглядом... и шагнула назад.

Неужели услышала?! Интуиция у малявки всегда отличной была. Да и чего я теряю, в конце-то концов?

«Позови Атона. Найди его, Дей!»

Казалось, я сама стала этим криком, посланным ведьмочке, которая, вновь вздрогнув, отступила еще на шаг и скрылась за одной из колонн.

Поняла ли что-нибудь? Не показалось ли мне? Знать бы наверняка!

Ухода Дейдры никто не заметил. Вальдер предложил руку и галантно повел взбудораженную ведьму через зал, время от времени бросая на нее полные восхищения и огня взгляды, от которых становилось не по себе. Мне. Но не той, что сейчас была мною.

Об одержимости я знала мало. Да что уж там — практически ничего не знала. Встречалось это явление весьма редко, изучено было кое-как, а некоторыми магами и вовсе за байки считалось, но сейчас я была твердо уверена в том, что сия чрезвычайно редкая, почти мифическая пакость случилась со мной.

Какая же я все-таки дура! Не замечающая важных мелочей, наивная — мечта всяких незаконных подселенцев! Будь я внимательнее, и этого кошмара удалось бы избежать. Но нет. Мама как-то говорила, что каждый получает лишь то, чего заслуживает. Глупая ведьма, видимо, просто не заслужила ничего другого...

Скатерть на обеденном столе свисает до самого пола, и под ее складками так удобно прятаться. Можно даже почитать прихваченную с собой книжку и рассмотреть картинки, яркие, но пугающие. Атон говорил, что ему еще рано брать в руки малый иллюстрированный справочник

по видам нежити, но Эвану было все равно. Любопытно же! И пусть немного страшно, но так даже интереснее. Читать младший отпрыск Клайданов умел лет с четырех, и читал он все, что попадалось, и все, что мог утянуть втайне от родителей и братьев. Эван впитывал знания жадно, как губка, быстро учился и стремился узнать как можно больше. Но и простые детские радости не были ему чужды, и он просто не смог отказаться, когда Инар, лукаво улыбаясь, сказал: «Поиграй со мной!»

Инару исполнилось целых двадцать лет, и Эвану льстило, что тот не отмахивается от младшего брата, как от надоедливой мухи, а рассказывает много интересного, достает ранее не читанные книги, а иногда еще и участвует в играх, словно ему тоже было всего лишь семь. Вот и в этот раз он прилежно искал Эвана по всему дому, пока тот, удобно устроившись под столом, листал страницу за страницей, с удивлением, а иногда и с отвращением рассматривая изображенных на них опасных существ.

Эван твердо решил, что станет боевым магом. И кто знает, возможно, однажды именно он избавит мир от всей нежити.

Скромные мечты семилетнего мальчишки, еще не знающего о том, что очень скоро они станут далекими и не важными...

Медленно текли минуты, а Инар все не появлялся. По прикидкам Эвана, он давно уже должен был прийти в столовую, и тогда в ход обязательно пошли бы изученные на днях чары невидимости.

Терпением младший Клайдан обладал отличным, но что-то едва ощутимо кольнуло сердце, и он, позабыв о книжке, выбрался из-под стола и уже сам отправился на поиски старшего брата. Особняк казался непривычно тихим и пустым. Родителей пригласили на ужин друзья, Атон тоже где-то пропал — когда Инар был дома, средний брат старался куда-нибудь уйти. Эвана это огорчало, и пока что он не знал, как все исправить. Обходя комнату за комнатой, мальчик все больше волновался. Поднявшись на второй этаж, он остановился перед спальней Инара, с замиранием сердца толкнул чуть приоткрытую дверь — брат всегда запирает ее на ключ — и шагнул внутрь комнаты.

Инар лежал на полу, и на некогда светлом ковре бурели странные пятна. На негнувшихся ногах Эван подошел ближе, все еще надеясь на то, что брат просто неудачно упал и ударился головой об угол стола, серьезно, но все же излечимо... и пронзительно закричал, разглядев широко распахнутые, навеки застывшие глаза и развороченную грудную клетку.

«Поиграй со мной», — шепнул влетевший через открытое окно ветер, и Эван выбежал прочь, не разбирая дороги, не видя ничего. Запнулся на лестнице, кубарем скатился по ступенькам и погрузился в беспросветную тьму, которая беспрерывно шептала одно и то же.

Поиграй со мной. Поиграй...

Резко открыв глаза, Эван перевел дыхание, осознавая, что это лишь сон, отголоски прошлого, которое никак не может оставить его в покое... Или же он сам держится за прошлое, не в силах смириться с потерей и позволить себе жить как ни в чем не бывало?

Не важно. Главное в том, что тот день изменил все. И последние слова брата преследуют Эвана каждую весну. Вот уже десять лет...

Ему было почти четырнадцать, когда он впервые услышал эти слова не во сне, а наяву. За окном шел не по-весеннему мерзкий дождь, строки учебника расплывались перед слипающимися глазами, и Эван так бы и уснул... и тогда, возможно, ничего не случилось бы. Но шепот осенним листом залетел в комнату, покружил по ней, отражаясь от стен, взбудрил не хуже особых зелий, в которых Эван только еще учился разбираться. Ни на миг не задумавшись, он перемахнул через подоконник и как был, в домашней одежде и конечно же без зонта, поспешил за все удаляющимся шепотом, сам еще не зная зачем.

Замешкавшись у стоящего рядом с нужной дорогой особняком, Эван потерял много времени и упустил путеводную ниточку, но, когда вновь сумел найти ее, пожалел об этом столь остро, что даже сердце сжалось. В начале темного переулочка под мигающим, то и дело гаснущим фонарем, окруженный начавшими собираться зеваками, лежал Инар. Точно такой, каким запомнил его Эван — бледный, с широко открытыми, полными навеки застывшего удивления и ужаса

глазами, с развороченной грудной клеткой. Не сразу до смятенного разума дошло, что это совершенно незнакомый мужчина.

Возвращался Эван в полнейшей растерянности. Конечно, он все рассказал отцу и Атону и, вновь услышав шепот, позвал их. Вот только в тот раз ничего не вышло. И на следующий — тоже. И если поначалу Эвану поверили, то потом надежда в глазах старших родственников сменилась тревожным пониманием: с младшим что-то не так. И вновь начались визиты к целителям, в доме появились различные снадобья, кои Эвану надлежало есть, пить и чуть ли в них не купаться.

Шепот исчез с уходом весны. И вернулся через год.

Тогда-то Эван и решил, что поймать убийцу брата и остановить новые преступления суждено именно ему. Одному, без помощников, которые лишь мешают в достижении цели.

А еще через год он впервые сбежал из дома. Правда, его до обидного быстро поймали, но решимости это не убавило, напротив, лишь укрепило. Эван налег на учебу, жадно поглощая знания и оттачивая теорию на практике. Стал лучшим в своем классе, и ему пророчили большие успехи в Академии чародейства, куда его с удовольствием готовы были взять хоть сейчас без всяких испытаний. Но вовсе не академия была целью Эвана. И он ее все-таки добился — удрал и от родителей, и, что важнее, от старшего брата, слывшего лучшим охотником на нежить и наверняка даже не помышлявшего о том, что будет вынужден разыскивать младшего чуть ли не по всему Арстону.

А вот поймать ту, что перевернула его жизнь с ног на голову, Эван так и не сумел. Хотя и оказался к ней намного ближе всех. Настолько близко, что до сих пор удивлялся, как жив остался.

Вновь уснуть не получилось. Как только его затягивала в свои тенета желанная дрема, как он вздрагивал всем телом, разрывая сонные путы. А ближе к полуночи во взбудораженный недостатком отдыха и навязчивыми воспоминаниями разум ворвался вкрадчивый шепот, который Эван уже успел возненавидеть всей душой.

Поиграй со мной. Поиграй...

ГЛАВА 20

Скрипнула, открываясь и вновь закрываясь, дверь, едва слышно провернулся ключ в замке, отрезая блаженную тишину комнаты от отголосков веселья. Повинуясь щелчку пальцев, зажглись светильники, озаря скромную, но уютную обстановку. Светлые стены, забранное темно-бордовыми шторами окно, небольшой столик темного дерева перед ним, пара стульев и диван, обтянутые тканью в тон шторам.

— Вы хотели что-то сказать? — нарушил молчание Вальдер Грайвен, разглядывая стоящую напротив ведьму столь откровенно, что, будь возможность, я немедленно сбежала бы отсюда.

— А вы? — с несвойственными ранее нотками кокетства прозвучал мой голос.

— Простите? — растерялся лорд. От обычно сдержанной Эммы подобного он явно не ожидал.

— Я же вижу, как вы смотрите на меня, — продолжала та, что стала мной. — Мы взрослые люди, Вальдер. К чему эти недомолвки и никому не нужная скромность? Хватит ли у вас смелости открыто сказать, чего вы хотите?

Вместо ответа лорд порывисто шагнул вперед, прижал меня к себе. Губы обожгло поцелуем, но ничего похожего на ощущения, что переполняли душу и тело от прикосновений Атона, не было и в помине. Я забилась внутри себя самой, не в силах вырваться из двойного капкана, а потом задохнулась от острой чужой ненависти. И как я вообще когда-то могла допустить мысль, что чувства эти принадлежат мне? Сейчас они кружили вокруг, словно стая хищных птиц, а я отчаянно хваталась за реальность, чтобы не соскользнуть в наполненную тьмой бездну.

Поцелуй меж тем все длился, и мои собственные руки с неожиданной силой рванули рубашку Вальдера, разрывая ткань, оставляя на его коже глубокие царапины. Он глухо застонал и отшатнулся... вернее, попытался. Та, что захватила мое тело, легко удержала его, превращая поцелуй в болезненный укус, — я явственно ощутила привкус крови на своих-чужих губах — и

сама оттолкнула лорда. На ногах он не устоял, пошатнулся, тяжело опустился на пол, глядя на меня-не меня широко распахнутыми глазами, в которых отражалось непонимание вперемешку со страхом.

— Я ждала нашей встречи, — промурлыкала нечисть моим голосом. — Знаешь, для тех, других, все происходило быстро и почти безболезненно. Даже для Инара. — От этого имени сердце опалило гневом, а на языке стало горько. — С ним я ошиблась, но с тобой подобного не допущу. Тебя я буду убивать долго. Очень долго. — Глаза Вальдера, полные уже не растерянности, а ужаса, оказались совсем близко, и мой палец медленно скользнул по его окровавленным губам. — Я хочу, чтобы ты мучился. Хочу насладиться каждым твоим стоном, каждой мольбой оставить тебя в покое... или же прекратить наконец-то твои мучения. Хочу поймать твой последний вздох и посмотреть в остекленевшие глаза... Я мечтала об этом десять долгих лет. А ты, Вальдер Грайвен, хотя бы раз за эти долгие годы думал обо мне? Или даже имени моего не помнишь?

— В-вира, — хрипло выдохнул он, безвольной куклой сидя на полу и не пытаясь сопротивляться.

— Помнишь, — удивленно хмыкнула она, а я ощутила, что стала еще меньше, истончилась настолько, что меня уже почти не стало. И наконец смогла разграничить нас. Прозрачную, как воздух, себя и занявшую мое место Виру.

Игрунью, что столь упорно преследовал Эван. Девушку, что убила его старшего брата и теперь хочет убить дядю. Я продолжала чувствовать ее ярость и ненависть, но уже не так ярко, как прежде. Сейчас я наблюдала за всем со стороны. Ясно видела и бледного, дышащего через раз Вальдера, и себя, вернее, Виру, склонившуюся над ним со столь зловещим видом, что даже мне стало жутко. Было отчего. Я медленно исчезала, растворялась, словно кусок сахара в горячем чае, в то время как в моем теле хозяйничала призрачная убийца, чью совесть запятнала кровь не одного и даже не двух человек!

Она толкнула Вальдера, и он упал на спину, все еще оглушенный — то ли нежданной встречей, то ли магией, чуждой, такой же горько-острой, как и ненависть этой девушки. Вира обошла замершего мужчину по кругу, напевая незнакомый мотив, резко наклонилась и сорвала со своей жертвы остатки рубашки, обнажая расцарапанную грудь. Провела, пока что едва касаясь, ногтями по коже, там, где в бешеном ритме билось сердце, и предвкушающе зажмурилась. Я все еще ощущала ее эмоции, и от них нещадно мутило, настойчиво подталкивая во тьму. Но я держалась, потому как откуда-то прекрасно знала: если сдамся, уже не очнусь.

В следующий раз ногти оставили на коже различимый след. В третий — расцветили ее новыми ранами.

— Умоляю... — одними губами выдохнул Вальдер, опутанный чуждой магией так, что и шевельнуться не мог.

— Умоляешь, — протянул Вира. — Да, это так сладко... Я ведь тоже умоляла. Помнишь?

Ногти легко погрузились в плоть, сорвав с искусанных губ Вальдера полный муки стон.

— Тсс, не все так страшно, ну что ты, — ласково пропела она. — Я скажу тебе то же, что сказала Инару, когда он понял, что пощады не будет, и проклял меня: я знаю, что такое вечные муки. Ты счастливчик. Тебе они не грозят.

Если бы я могла, закричала бы. Я помнила эти слова, помнила отчетливо, будто сама их произнесла. Первый кошмар, приснившийся в доме Дары. Сон, где в моих руках оказалось все еще живое сердце... И полные ужаса и боли синие глаза, так похожие на глаза Атона, тоже помнила. Так, значит, то был не сон вовсе, а воспоминание. Воспоминание чужой души, уже тогда дремлющей в моем теле.

Уцепив ниточку не моей памяти и потянув за ее кончик, я неожиданно размотала весь клубок. Нитка получилась путаной, в неаккуратных узелках и местами разорванной, и главного — смерти Виры — я не видела, но все равно узнала и почувствовала многое. И былое, и нынешнее.

Атон. Любовь? Да, возможно. Щемящая нежность и желание быть рядом.

Боль от вынужденной разлуки и отчаянная надежда все вернуть...

Инар. Любопытство. Братья так похожи... Что плохого в том, чтобы сравнить насколько?

Застарелая ненависть, не смытая даже кровью.

Вальдер. Интерес. Острый, бодрящий, ни на что не похожий...

Ярость, застилающая глаза. Желание убивать медленно и жестоко. Растянуть для него миг боли в вечность... сожаление, что это нереально.

И если до сих пор я думала, что подцепила эту заразу здесь, то теперь уверилась, что Эван оказался прав: я действительно привезла игрунью с собой, ибо случилось это еще в Террее. Кладбище — отчетливо поняла я. Больше и негде. Причем произошло все совершенно случайно. То ли я оказалась настолько невезучей, то ли Вире в кои-то веки повезло, но условия для вселения сложились идеальные, будто кто специально подготовил. Ночь новолуния, напитанная особой энергетикой земля, кровавая жертва... Вире и делать-то ничего не пришлось, лишь пожелать занять мое место. Остаюсь я дома, мама обязательно бы почувствовала неладное и выгнала не успевшую окрепнуть подселенку прочь. Но я сбежала. До того, как матушка хоть что-то заподозрила. И не куда-нибудь, а именно в замок Грайвенов, туда, куда этой подселенке и было нужно.

Второе озарение стало еще неприятнее первого. Заговор на удачу. Темный заговор. Он дал шанс нам обеим, но вопрос, кому при этом больше повезет: светлой ведьме или же темной, каковой и являлась Вира при жизни, — изначально подразумевал лишь один ответ.

Ее носило по Арстону, как сухой лист осенним ветром. Она и была частью ветра, холодного, озлобленного, не знающего пощады. Лишь раз в год, на несколько предшествующих ее гибели дней Вира обретала подобие жизни и, чтобы продлить его, забирала сердца тех, кто, по ее мнению, утратил на них право. Таких людей она чуяла безошибочно. Они шли на зов, покорные своей участи, и ее рука ни разу не дрогнула. Она отчаянно стремилась попасть в замок Грайвенов, куда ей не было хода в обычном своем состоянии. А вот в теле ничего не заподозрившей ведьмы проникнуть на запретную прежде территорию оказалось легко. С той встречи на кладбище ей вообще все давалось легко, словно когда-то упорхнувшая удача вновь вернулась к ней. И с каждым моим шагом по земле, в которой были погребены ее кости, она становилась сильнее. Вот что напугало рыжика, едва мы приехали сюда, — он почувствовал окрепшую во мне чужую душу, полную ненависти и боли. Не природа меня тогда опьянила, а принадлежавшие Вире чувства, осознать кои в полной мере я не сумела. И котик, находясь в слишком уязвимой ипостаси, не смог справиться со страхом, а очнувшись, сбился с моего пропитавшегося чуждой силой следа. В итоге я угодила в русалочьи объятия... После чего игрунья затаилась, решив стать осторожнее и не выдать себя раньше, чем окончательно наберется сил и сможет подчинить меня своей воле, а потом и вовсе вытеснить из собственного тела. До тех пор она могла покидать его, оставаясь связанной с ним невидимыми, но прочными нитями, из-за чего я и видела странные сны, которые снами вовсе и не были...

Только вот рядом с Вальдером игрунье плохо удавалось контролировать себя. Ее ярость была так велика, что я почти исчезала, проваливаясь во тьму ненависти, позволяя захватчице стать сильнее. Это она перехватила воспоминания об Атоне при нашей встрече в родительском доме, не позволив мне вспомнить его. Это она, а не я, подпитавшись от источника и впервые получив полную власть над моим телом, пришла к магу ночью, чтобы просто прикоснуться к нему, как она давно того отчаянно желала... Ее разрывало от ненависти и болезненной любви, и я задыхалась от смешения этих чувств, будто тонула в том самом лунном озере, где впервые увидела моего дракона, которого она до сих пор упрямо считала своим.

Вира тем временем продолжала мучить Вальдера. Из обрывков чужих чувств и воспоминаний я так и не поняла, в чем именно он провинился, и было невыносимо видеть, как он страдает. Но и сделать я ничего не могла — лишь цепляться за реальность, чтобы окончательно не раствориться в воздухе. Наверное, это очень романтично — стать частичкой ветра, как и Вира когда-то, — но на поверку романтик из меня оказался так себе. На диво практично хотелось жить. Желательно — в своем собственном теле. И со своим собственным драконом, за появление которого сейчас я бы отдала что угодно...

— Вирана!

Я не слышала, как открылась вроде бы надежно запертая дверь, и вздрогнула от резкого окрика. Если бестелесные сущности умеют вздрагивать и хоть как-то реагировать на происходящее... Наверное, сегодня у Светлой пары было хорошее настроение, раз они услышали и столь быстро исполнили отчаянную просьбу одной почти уже исчезнувшей ведьмы.

— Тони?

Вира потеряла интерес к распростертому на полу Вальдеру и обернулась к магу. Расплылась в улыбке и порывисто шагнула вперед. Наверняка бы повисла на Атоне, не выстави он вперед руку.

— Ты... Ты мертва? — выдохнул он.

— Я не просто мертва, — горько усмехнулась она. — Меня убили.

— Я думал, ты сбежала, — ошеломленно проговорил Атон, все еще не веря. — Я искал тебя.

Хотел... найти и посмотреть в глаза. Я даже предположить не мог, что ты...

— Разве я могла покинуть тебя? — укоризненно спросила Вира, вновь пытаясь броситься в объятия моего дракона — и вновь встретив сопротивление.

— Смогла же ты изменить мне с моим собственным братом, — парировал он, прислонившись к двери. На недвижимого дядюшку, казалось, маг и вовсе внимания не обратил.

— Вы были так похожи, — промурлыкала Вира. — Мне стало любопытно, во всем ли.

— Что ж. Ты удовлетворила свое... любопытство, — процедил Атон.

— Вполне. Ты лучше.

— Избавь меня от подробностей, — поморщился он.

— Злишься, — протянула Вира. — Значит, неравнодушен.

— Не делай поспешных выводов. Ты мне не нужна.

— А кто нужен? Глупая ведьма? Она обижена настолько, что даже видеть тебя не желает. Ее ты все равно не вернешь. А я здесь. И мне нравится это тело. Я стала достаточно сильной, чтобы остаться в нем навсегда. Что скажешь, Тони? Тебе же тоже нравится, я вижу, чувствую. Больше чем просто нравится...

— Мне нравится его истинная хозяйка. Не ты.

— Когда-то нравилась я, — не сдавалась захватчица.

— Тогда я еще не знал о твоих сравнительных экспериментах, — криво усмехнулся Атон. — Тогда у меня были невеста и брат.

— И тебе даже неинтересно, что со мной случилось? Кто сделал это со мной?

— И кто же? — словно нехотя спросил он.

— Инар, — четко произнесла Вира.

— Ложь, — покачал головой Атон. — У Инара были своеобразные представления о чести, но до такого бы он не опустился.

— Какая благородная вера в брата, который мечтал лишь об одном: уничтожить тебя, — скривилась Вира. На ставшем почти родным мне лице выражение это смотрелось чуждо. — Он соблазнил меня. Не потому, что любил, о нет. Потому что я была твоей. Но и этого ему показалось мало. Он хотел отобрать у тебя все. И на мне бы не остановился. Но я остановила его. Ради тебя.

— Выходит, ты меня спасла? — в притворном удивлении приподнял брови маг. — Спасла, убив моего старшего брата почти на глазах у младшего?

— В самую первую очередь я хотела отомстить, — призналась Вира. — Но и о тебе я ни на миг не забывала.

— Даже когда была с ним? — вырвалось у Атона, судя по досадливо прикушенной губе, — невольно.

— Все-таки ревнуешь, — заключила Вира, и мне страстно захотелось вернуться в собственное тело и заставить ее замолчать — раз и навсегда. Жаль, что одного желания оказалось слишком мало. — Не стоит. Забудь об этом. Он давно уже сгнил в могиле, а мы... Боги дали нам второй шанс. Шанс на счастье, которое у нас украли, вырвали вместе с моим сердцем той страшной ночью, растоптали вместе с твоей душой... — Она подалась вперед, тонкие руки скользнули по плечам Атона, пальцы легко коснулись его щеки.

— О каком шансе ты говоришь?! — отшатнулся от нее Атон. — Ты убивала. Все эти годы ты убивала случайных людей, крала их надежду на счастье, вырывала сердца не только им, но и тем, кто любил их и кого любили они! Чем ты лучше моего брата, Вира?!

— Я делала это не ради удовольствия, а лишь для того, чтобы не исчезнуть!

— По-твоему, это оправдание? Чем ты в таком случае отличаешься от него?!

— Тем, что никогда не трогала невинных! — крикнула Вира. — Никогда! Выбирала лишь тех, чья душа запятнана настолько, что никакими молитвами не очистишь... Террейский подонок измывался над ждущей ребенка женой, а все закончилось тем, что нерожденное дитя погибло, а женщина до сих пор не может оправиться! А этот сельский... Спроси у его невесты, теперь уже,

к счастью для нее, бывшей, почему она согласилась на брак с ним! До свадьбы она бы не дожидка. Уже и крок покрепче в сарае приглядела...

— Выходит, ты творила добро? — глухо спросил Атон. Признаться, даже меня проняло, хотя на грани жизни и смерти мало что может так подействовать.

— Нет, — мотнула головой Вира, и рыжие волосы разметались по плечам. — Меня — такую, как сейчас, — породило зло. Зло же не дало мне окончательно умереть. Твое добро, Тони, не защищает тех, кто ему верен. Но я и не чудовище, каковым ты меня считаешь. Я просто хотела жить. Хотела вернуть то, что у меня украли. Ты можешь меня за это осудить?

— Я не судья, — сухо обронил Атон. — Но ответь, что тебе сделал Эван? За что ты мучила его? Почему пыталась убить?

— Я не желала ему зла! — воскликнула Вира, молитвенно сложив ладони. — Мне всегда нравился Эван. Забавный мальчик. Увы, с Инаром я оказалась слишком несдержанна, а Эван — слишком восприимчив. Эхо моего отчаяния задело его душу, изменило ее... Я не хотела, клянусь!

— Допустим. Но все равно пыталась убить, — холодно напомнил Атон.

— Я не всегда могу себя контролировать, когда голодна. А по милости Эвана я осталась без пищи. И он снова помешал бы мне. Я просто не видела иного выхода.

— И после этого ты смеешь говорить о чувствах ко мне, — выдохнул Атон.

— Смею! — вздернула подбородок Вира. — Говорю и буду говорить, пока ты не услышишь! Пока не согласишься.

— Почему же ты сразу не пришла ко мне? Почему обо всем не рассказала?

— Именно потому, что продолжала тебя любить, — горячо проговорила Вира. — Я боялась причинить тебе вред. Боялась... увидеть в тебе Инара, потерять голову и...

— Довольно, — поморщился Атон, отступая.

— Не веришь, — вздохнула Вира. — Знаешь, что не лгу, и все равно не веришь. Я понимаю тебя. Но все же молю дать мне шанс. Я докажу свою любовь! Я... Я оставлю в покое Вальдера, — с отвращением выплюнула она, — пусть живет. Я ради тебя на все готова!

— На все? — уточнил Атон.

— Да!

— Тогда отпусти Каю, — потребовал он.

— Что? — словно не расслышав, переспросила Вира.

— Отпусти Каю, — четко повторил Атон. — Ты же хочешь, чтобы я был счастлив? Без нее ничего не выйдет.

— Ты... — Захватчица тяжело задыхалась, сжимая и разжимая кулаки. — Ты издеваешься? Я хочу быть с тобой!

— А я хочу быть с ней, — прямо заявил мой дракон, и от этих слов даже тьма отступила. — Я люблю ее, Вира. Ее, а не тебя.

На Виру было страшно смотреть. Маска Эммы Марен пошла рябью, ее перекосило, а потом по лицу пошли трещинки, и иллюзия разлетелась на кусочки, обнажая мое собственное лицо, почти до неузнаваемости искаженное яростью. Не знаю, на что рассчитывал Атон, выводя из себя бывшую невесту, но получил он злого призрака в теле не самой слабой ведьмы. Издав невнятный возглас, она воздела правую руку, кою тут же охватило сияние, и, ослепленная злостью, рванулась к магу. Который, в отличие от нее, трезвости рассудка не утратил. Он с легкостью перехватил окутанную чарами руку, развеял их и, крутанув Виру, прижал ее спиной к себе.

— Отпус-с-сти! — шипела, извиваясь в крепком захвате, она. — Ты! Будь ты проклят! Как ты мог! Как...

— Кая, — не слушая ее, тихо-тихо позвал Атон, но этот шепот я слышала так, словно он кричал. Ощущала всей душой, которой сейчас и была. — Кая, я знаю, ты все еще здесь. Борись. Слышишь? Борись! Ты сильная, ты сможешь. Не сдавайся. Ради себя. Ради меня. Я люблю тебя, Светлячок. И если я тебе нужен... Прошу, вернись. Вернись ко мне.

Вернуться? Но как?! Я отчаянно того желала, но понятия не имела, что делать!

Атон продолжал подбадривать меня, перемежая призывы вернуться приятными словами и признаниями, а я металась возле собственного тела, не имея ни малейшего представления, как к нему подступиться.

Словно во сне отметила, что Вальдер пришел в себя. И оценив ситуацию, теперь шустро ползет к выходу. Правильно, нечего ему здесь прохладиться. Долго Атон Виру не удержит, и если я не соображу, что и как делать, здесь будет жарко. А так и себя спасет, и нас, если догадается ищеек позвать. Они же должны знать, как остановить спятившую игрунью! А если очень повезет, то и мне вернуться в собственное тело помогут.

Шепот заполнял спальню, давил на виски, от него темнело в глазах и нещадно мутило. Эван даже с кровати встать не мог, не то что куда-то идти. Казалось, призыв шел отовсюду, и ясным было лишь одно: игрунья здесь. Заявилась в замок как ни в чем не бывало, и кто знает, кого она убьет, пока Эван борется с собственной слабостью? В любом случае эта кровь будет на его совести.

Последняя мысль придала сил. Он скатился с кровати, полежал на полу, стараясь выровнять дыхание, и все-таки поднялся на ноги. Сосредоточенность на цели помогала, и Эван даже смог надеть брюки и рубашку. На то, чтобы обуться, время тратить не стал. Считая вдохи и выдохи, ровные и глубокие, совсем как на занятиях по медитации, он добрался до двери и почти выпал в коридор. Пол оказался неожиданно холодным, и это бодрило. А может, то и не холод вовсе, а магия темного источника, что скрывался под замком и щедро делился силой с тем, кому ее отчаянно не хватало. Не важно. Важно другое — с каждым шагом Эван шел все увереннее, хотя шепот и не стихал. Даже дышалось намного легче, и это обнадеживало, вселяло веру, что на сей раз все непременно получится, и тому, что не давало ему покоя целых десять лет, придет конец. Но уже спустившись с лестницы, ступени которой, несмотря на поддержку источника, казались почти непреступными, он внезапно понял, что не желает идти на шепот. Интуиция звала его совершенно в другую сторону. Туда, где витал аромат вишни, шоколада и... страха. Колебался Эван всего мгновение. Но внезапное осознание, что именно оно, мгновение это, может все решить, заставило его окончательно забыть о слабости, и в подвал, куда дорогу помнил еще с детства, он почти бежал.

Закрытая дверь преградой не стала. Нетерпеливый пасс — и створка смялась, точно лист бумаги. И снова лестница, узкая и крутая, один неверный шаг на которой мог обернуться очень долгим падением с почти гарантированным смертельным исходом. Об этом Эван, перепрыгивая через несколько ступеней сразу, не думал. Он вообще ни о чем не думал, прислушиваясь к нарастающей тревоге, что учащала пульс, заставляла дрожать руки... и напрочь заглушала шепот, который до сего момента ничто не могло одолеть. Но это тоже не имело никакого значения. Не сейчас, когда лестница все же закончилась, а вишнево-шоколадная нить, поплутав по длинным извилистым коридорам, освещаемым лишь летящим впереди магическим светляком, привела к очередной запертой двери. Здесь холод ощущался особенно сильно, так, что Эван вдруг отчетливо почувствовал, что бос и вообще не слишком-то одет. И разливалось в воздухе нечто странное, неуловимо знакомое, успокаивающее и одновременно будоражащее, нечто, от чего хотелось кричать, смеяться и плакать, а еще — обнять весь мир, зная, что при желании способен его уничтожить одним лишь усилием мысли.

И Эван понял, что скрывается за этой дверью.

Темный источник.

Раньше он никогда не находил к нему дорогу, хотя и пытался неоднократно, пару раз даже с Илиной, которой вопреки надеждам источник тоже не пожелал явиться. Теперь-то понятно почему. Понять бы еще, отчего сейчас неведомый путь оказался столь простым.

Повинуясь недремлющей интуиции, Эван прижал ладони к створкам, опалившим кожу ледяным холодом, навалился на них всем телом... и оказался в просторном каменном зале, в центре которого над увитым черным плющом постаменте пылал, окруженный фиолетовыми искрами, шар темного пламени. Завороженный, Эван простоял бы целую вечность, созерцая источник во всей его красе и удивительной мощи. Но, увы, атмосфера в зале не способствовала любованию прекрасным, ибо творилось здесь нечто такое, что никоим образом не одобрялось законом, но однозначно пришлось бы по вкусу давно уже сгинувшим Темным богам.

Время шло, а я все никак не могла вернуться. Злилась, чувствовала себя слабой и никчемной, что отнюдь не помогало... Но отчаяться не успела.

— Кая, иди сюда, — глядя прямо на меня, позвал Атон. И ладонь протянул, удерживая брыкающуюся Виру одной рукой. — Просто доверься мне, ладно?

Ему довериться было легче, чем себе, и я, не сомневаясь ни мгновения, положила свою ладонь на его. Он тут же сомкнул пальцы и, прикрыв глаза, дернул меня вперед. От неожиданности я поддалась и с размаху влетела в собственное тело. Вдохнула резко, закашлялась, забившись в стальной хватке, и увидела — собственными глазами, казавшимися сейчас на диво непривычными, — как от меня отделяется что-то темное, бледнеющее на глазах, а вскоре и вовсе слившееся с воздухом.

Я обмякла в руках мага, и он, развернув меня, пристально вгляделся в мое лицо.

— Кая? — настороженно позвал он, словно опасаясь, что это все еще не я.

— Ага, — всхлипнула я и совершенно неромантично шмыгнула носом. Смутилась, покраснела и еще раз всхлипнула.

— Кая... — с явным облегчением выдохнул Атон и порывисто прижал меня к себе. — Прости, если сможешь...

— А я и не злюсь больше, — призналась я, не стремясь вырваться из тесных объятий. Было хорошо. Настолько, что хотелось навеки остановить мгновение и безраздельно наслаждаться им.

Но оставалось еще одно незаконченное дело. Атон отпустил меня, развернулся чуть правее и, вытянув руку, перебрал пальцами. Воздух в том месте сгустился, принимая очертания женской фигуры, и полупрозрачная Вира зашипела злобной кошкой, уставившись почему-то на меня. Будто это я ее сюда притащила!

— Ты же не думала, что я дам тебе уйти? — спокойно поинтересовался Атон.

Не думала? Да она была в том уверена! Вон как личико перекосило. Полный ненависти взгляд вновь достался ни в чем не повинной мне. А вслед за взглядом в меня полетела и сама Вирана... Я охнула, вскинула руки и зажмурилась, но ничего не случилось. Вообще ничего! Открыв глаза, я увидела злощую Виру, наворачивающую возле меня круги. Похоже, ни на что иное она больше не была способна.

— Бесполезно, — подтвердил мои выводы Атон. — Условия не те, место не то, да и компания, как ты должна бы понимать, неподходящая. Я, конечно, не некромант, но кое в чем разбираюсь неплохо и даже могу применить это на практике. Сейчас покажу...

Всего лишь несколькими движениями руки он заключил Виру в мудреную фигуру, которая, вспыхнув, сжалась, опалив призрака. Вира зашипела еще отчаяннее, пытаясь вернуться, и простерла тонкие руки к Атону, будто моля о помощи.

— Подожди! — крикнула она. — Еще ничего не закончилось! Тони!..

От последнего вскрика я вздрогнула и едва не отвернулась. А вот Атон... Он выдохнул, разжал сжатую в кулак правую ладонь, и огонь, готовый поглотить Виру, исчез.

— Говори, — отрывисто приказал маг, когда она, пошатываясь, осознала, что все еще не развеяна.

— Ты поторопился с расправой, любовь моя. Совсем не я здесь главная злодейка, — искривила губы Вирана. — Пока вы тратите время на меня, он продолжает свое черное дело. И я его даже понимаю... Как ни странно. Когда цель так близка — только руку протяни, — кто в здравом уме откажется от нее?

— О чем ты? — устало спросил Атон.

Кажется, бывшая невеста изрядно его утомила. Меня тоже, но что-то в ее словах настораживало. Что-то, созвучное с неясным беспокойством, зарождающимся в душе.

— Ты же не думаешь, что Инар убил меня лишь для того, чтобы досадить тебе? — хмыкнула Вира. — И что он был один? Неужто и вправду думал? Тони, не разочаровывай меня. Вспомни, какая сегодня ночь. И представь, на что способна пролитая в полнолуние кровь вкупе с нужными чарами...

— Прекрати говорить загадками, — прорычал Атон, сжимая кулаки. — Скажи прямо!

— А я и говорю, — усмехнулась она и резко обернулась ко мне: — Где твоя сестра, Кайра?

— На балу, — растерянно отозвалась я. — Но при чем здесь Дей?

— Действительно, при чем здесь единственная среди присутствующих темная ведьмочка, юная и сильная, чья жизнь, отданная колдовской ночи на откуп, вполне может снять любое проклятие

и вернуть магию тому, кто давно уже отчаялся? — нараспев протянула Вира, и мое сердце, казалось, рухнуло в пропасть.

— Тебя тоже принесли в жертву? — тихо пробормотала я, ища опору и находя — в крепкой руке Атона.

— Дядя, — выдохнул маг, не дожидаясь очевидного ответа, и ненависть Виры к Вальдеру наконец-то обрела смысл.

— Дейдра, — прошептала я, припомнив, что именно с Вальдером и видела сестренку до того, как все завертелось.

— Это она нашла меня и привела в чувство, — нахмурился Атон. — Но я велел ей идти к себе и не высовываться...

Когда это Дей кого-либо слушалась?! Сейчас, когда я пришла в себя — в самом прямом смысле, — ощущение подступающей беды усилилось. Я уже ничуть не сомневалась, что сестра в опасности. Вот только, как ни старалась, не могла понять, где искать Дейдру. Что-то сбивало с толку, не давало сосредоточиться, путало след...

— Она у Вальдера, — заявила Вира, когда моя очередная попытка почувствовать сестру провалилась, а от паники стали дрожать руки. — Он закрыл ее от поиска. Вы потратите слишком много времени, разыскивая их. У меня это получится гораздо быстрее. Конечно, не за просто так...

— Нет, — отрезал Атон.

— Твоя непримиримость убьет девочку.

— Заткнись, если не хочешь, чтобы я занялся тобой прямо сейчас, — зло процедил маг. — Я тебе не верю. И Каю не отдам.

— Атон, пожалуйста! — взмолилась я. — Если она может помочь — пусть поможет! Дей... Я не смогу жить, если с ней случится беда!

— Кая, — устало посмотрел на меня он, — ты знаешь, что именно она потребует взамен?

Я отчаянно замотала головой:

— Нет. И мне все равно. Я на все согласна!

— Твое тело на остаток этой ночи, — тут же озвучила условия Вирана. — И твой поцелуй, — перевела она взгляд на Атона. — Всего один. Такой, как прежде, когда ты еще любил меня. Первая часть условий меня пугала, но со страхом я вполне могла совладать, а вот вторая вызвала в душе горячий протест. Который пришлось подавить. Это все ради Дейдры. Да и плата, по сути, не так уж и велика.

Жаль, что Атон считал иначе.

— Кая, она хитра и опасна, — терпеливо, как ребенку, сказал он, все еще надеясь на давно покинувшее меня благоразумие. — И сильна, очень сильна. Если она не пожелает добровольно покинуть твое тело — а она не пожелает, в этом я ничуть не сомневаюсь, — справиться с ней будет невероятно сложно.

Я понимала. Отчетливо и ясно, как никогда. Но выбора для меня просто не существовало.

— Я справлюсь, — одними губами прошептала я, глядя в полные тревоги синие глаза, и Атон поверил.

Поверил мне. Поверил в меня.

Я повернулась к зависшей над полом Виране и протянула ей руку. Мои пальцы коснулись ее, холодных и невесомых, и на мгновение я словно в лед превратилась. А потом вновь стала всего лишь гостьей в собственном теле.

— В лес? — хрипло спросил Атон, готовясь открыть портал, но Вирана, вновь ставшая мной, покачала головой и, к чему-то прислушавшись, уверенно сказала:

— В подвал.

Посреди огромной, вписанной в круг пентаграммы стоял крепкий столб. К столбу же было привязано вишнево-шоколадное чудо, и Эвану это не понравилось настолько, что он, забыв об осторожности, рванулся вперед. Огляделся запоздало, убедился, что его поспешность останется безнаказанной, и обошел вокруг ведьмочки, которая молчаливо — из-за кляпа — следила за его передвижениями.

— Сейчас уберу, — оценив толщину веревок и крепость узлов, предупредил девчонку Эван. — Только, богов ради, не ори!

Дейдра отрывисто кивнула, и он осторожно размотал платок, мешавший ей не только говорить, но и нормально дышать.

— А без дурацкого грима тебе лучше, — выпалила она, едва сумела говорить. Благо, хоть шепотом.

— Угу, — сосредоточенно пробормотал Эван, примериваясь к путам.

Прочные какие... Заговоренные к тому же. Можно подумать, не на хрупкую девушку рассчитаны, а на какого-нибудь рогатого демона под два метра ростом. Изловчившись, он принялся осторожно перепиливать веревки крохотными искрами чар, чтобы, не дайте боги, не взволновать источник и не выдать себя. И дело шло бы гораздо быстрее и легче, не надумай девчонка давать советы! Всего через пару минут Эван горько пожалел, что разлучил ее с кляпом. С ним она была милой, а главное, тихой. Впрочем, сейчас она тоже громкостью не отличалась, но болтовня, пусть даже в целом полезная, в такой момент раздражала.

— С кляпом ты нравилась мне больше, — наконец не выдержал он, едва не сорвав ноготь.

— Лучший собеседник — тот, что не может ответить? — не осталась в долгу Дейдра.

Пожалуй, зря Эван считал Каю сущим наказанием. По сравнению с собственной сестрой она казалась воплощением кротости.

Огрызнуться он не успел, хотя и хотелось. Усиленный эхом шорох шагов прокатился по залу, заставив нервно оглянуться. Тот, кто шел сюда, не скрывался, а значит, то было вовсе не спасение. Эван заторопился, обжег пальцы зашипевшими искрами, а вдобавок еще источник всколыхнулся, потянулся к нему, словно ласковый пес...

— Не получится, — трезво оценила их шансы Дейдра. Эван промолчал, лишь губу закусил, продолжая перепиливать веревки. — Уходи, — не хуже искр прошипела девчонка. — И мне не поможешь, и сам подставишься!

Он упрямо не слушал, надеясь неизвестно на что, хотя ведьмочка была права: шаги неуклонно приближались. Еще немного — и затеявший все это войдет в зал и непременно заметит Эвана, который уже просто не успевал спрятаться. Да и где? Все как на ладони, не колонной же притворяться!

— Мой кулон, — шепотом рявкнула Дейдра, изловчившись и пнув Эвана по ногам. — Надень и сдвинь шляпу влево! — не попросила — приказала она.

— Зачем? — нахмурился он, продолжая лихорадочно пилить путы, хотя понимал, что уже бесполезно.

— Надо.

Ведьмочка была на диво краткой. Но что самое удивительное — спорить с ней не хотелось. Интуиция твердила, что так действительно надо, и под двойным натиском Эван сдался. Снял с девчонки и надел на себя цепочку с болтающимся на ней серебряным котом, нажал на его шляпу, чуть сдвигая в сторону, и, спрятав безделушку под рубашкой, почувствовал неслабый флер чар, коснувшихся кожи.

Тут же с губ ведьмы сорвались незнакомые слова, и мир подернулся туманной пеленой.

— Без резких движений, — выдохнула Дейдра. — Так тебя не заметят...

А в следующее мгновение через противоположный «парадному» ход в зал ворвался не кто иной, как дядюшка Вальдер собственной персоной, и Эвану стоило огромного труда обойтись без резких движений и не менее резких, исключительно неприличных слов. Сжав зубы, он медленно попятился к стене, положившись на ведьмин артефакт. Судя по тому, что дядюшка его не заметил, оный работал исправно.

Мысли заматались в поисках решения неожиданной задачи. О том, зачем Вальдеру это вообще понадобилось, Эван не думал. Не важно это сейчас, выбраться бы. И главное, Дейдру вытащить. До того, как будет поздно.

Вальдер старше и физически сильнее, но он не маг. Хотя артефакты, коими он увешан, дадут фору любым чарам, и Эван не мог гарантировать, что справится. Если только призвать на помощь темный источник... Дядя им точно не воспользуется, не сможет, а значит, какое-никакое преимущество у Эвана есть. Еще бы не растратить его впустую...

На этой мысли он вновь едва не раскрыл себя, ибо Вальдер, внимательно осмотрев зал и зачем-то нахрунув пару кругов возле источника, подошел к перепуганной ведьмочке.

— Вот же одаренная малявка, — протянул он, увидев, что Дейдра избавилась от кляпа.

— И не стыдно такому взрослому магу малявок-то обижать? — тут же пошла в наступление она. — Отпустите меня немедленно!

— Не могу, прости, — мотнул головой Вальдер, и искренности в его голосе заметно прибавилось.

— Не прощу! — надулась Дейдра. — Я тебя и после смерти достану, вот увидишь! И маме явлюсь и все-все ей расскажу!

Кажется, угроза проняла дядюшку. Он поежился и даже отступил от воинственной ведьмочки.

— Не явишься, — проскрипел до дрожи знакомый голос, и между Вальдером и Дейдрой соткалась Миледи. — Я об этом позабочусь.

Она метнулась к девчонке и щелкнула призрачными зубами. Звук получился отнюдь не призрачным и таким зловещим, что даже Эвану подурнело, что уж говорить о Дейдре? Она побледнела, вжалась в столб и не нашлась с ответом.

Эван мысленно зарычал. Миледи все усложняла, заставить дядюшку врасплох теперь и мечтать не стоило. Да и вообще... Здесь, вблизи источника, привидение обретало почти прежнюю силу и запросто могло запустить в противника какими-нибудь чарами. Убить, конечно, не убьет — Эван прекрасно знал, что причинить вред потомку рода она побоится, — но обездвижит так, что и пальцем не шевельнешь.

Нужно было все рассчитать. Чтобы одним ударом упокоить двух вурдалаков и при этом не задеть девчонку и не пострадать самому.

«Это тебе не за игруней бегать», — зло подумал Эван и медленно, не дыша, принялся передвигаться подальше.

Тем временем Вальдер вновь лишил Дейдру возможности говорить — на сей раз чарами одного из множества своих артефактов — и принялся дочерчивать недостающие символы. Миледи летала вокруг столба, что-то тягуче напевая, и за ней вихрились темные нити силы. Эван никак не мог взять в толк, что именно эта парочка задумала, и от этого нервничал еще больше. Наконец Вальдер закончил, и рядом с ним выросла Миледи. Ее голос взвился под потолок и резко оборвался, а на протянутых вперед ладонях призрака за клубился черный туман. С каждым вдохом он густел и менял очертания, пока не превратился в длинный кинжал с рукоятью в виде черепа, глазницы которого слабо мерцали алым.

От кинжала даже на расстоянии веяло холодом и тьмой, и вряд ли бы Эван осмелился к нему прикоснуться. Проклятое оружие, оружие Темных богов. И ритуал темный не только по названию, но и по смыслу. Черный даже. Эван на миг задохнулся от сгустившейся застарелой злобы, а когда Вальдер, перехватив кинжал, шагнул к извивающейся в путях ведьмочки, спешно принялся чаровать две силовые плети. Если захлестнуть ими и дядюшку и Миледи одновременно, будет шанс...

Миледи вновь затянула пробирающую до мурашек песнь, Вальдер занес кинжал, и Эван с поразительной ясностью понял: не успеет. И в то же мгновение зал содрогнулся от крика. Миледи сбилась и зашипела, Вальдер же, не опуская кинжала, чуть повернул голову и болезненно скривился, увидев застывшую в нескольких шагах от него Каю в истинном своем обличье. За ней стоял Атон, и обе его ладони пылали в полумраке подземного зала, а сила источника виляла вокруг, признавая право распоряжаться ею.

Только вот Эван отчаянно боялся, что даже Атон не сможет ударить, прежде чем уже занесенный кинжал пробьет грудь ведьмочки.

Я оказалась в кошмаре наяву. Это ощущение зародилось, пока мы бежали по коридорам подвала, и окончательно окрепло, когда я увидела огромный мрачный зал, светящуюся пентаграмму и собственную сестру, над которой занесен длинный острый кинжал.

Вирана отступила вглубь сознания, позволив мне чувствовать в полной мере. И действовать, как полагается старшей сестре, а не давным-давно мертвой ведьме.

Мой крик заставил Вальдера остановиться, а Миледи зашипеть так, что сердце от страха в комок сжалось.

— Делай что нужно! — по-прежнему шипя, приказал призрак старшему Грайвену. — Не медли! Он дрогнул, и кинжал ринулся вниз, к обреченно зажмурившейся Дей.

— Прошу, не надо! — отчаянно взмолилась я, и Вальдер вновь замер, тяжело сглотнул, мучительно поморщился... и медленно, будто через силу, опустил кинжал.

Вернее, попытался. С яростным криком метнулась к нему Миледи, вырвав кинжал из рук лорда, она без раздумий направила его в сердце Дейдры.

Но за миг до того, как острое лезвие нашло предназначенную ему жертву, между ними словно ниоткуда возник Эван.

Кинжал легко мазнул по груди и ушел вбок. Удивленно расширив глаза, Эван резко выдохнул, покачнулся и осел на пол.

— Нет... — прошелестела Миледи, стремительно бледнея и превращаясь в клочок тумана. — Нет! Не-е-ет!!!

От последнего вопля, пронзительного, жалящего, как осколки стекла, заложило уши, содрогнулись стены, а с потолка что-то посыпалось. Застонав, схватился за голову и упал на колени Вальдер. Бросился к брату Атон. Дергалась в путах Дейдра... А я стояла, точно огушенная, и не могла осознать, что здесь только что произошло.

ГЛАВА 22

Сохранять спокойствие было сложно, но Эван старался. Он неторопливо, шагком за шагком, приближался к Дейдре и Вальдеру, пока еще не зная, что делать, но в полной уверенности, что обязательно придумает. Если, конечно, у Атона и Каи ничего не выйдет.

Почти вышло. Эван даже поверил, что все обошлось, но вмешалась Миледи... Он сам не понял, как успел заступить ей дорогу. Просто шагнул наперерез, закрывая Дейдру и думать не думая о кинжале.

Остром, оплетенном темными чарами кинжале, который должен был пробить его сердце, но вместо этого скользнул по одолженному амулету и оставил длинную рану на боку. Было даже небогато. А вот чарами приложило сильно, так, что он едва чувств не лишился, словно какая-нибудь нежная девица. Тело онемело, губы не двигались, и сообщить о том, что он жив, не получилось.

— Кая! — раздался невнятный возглас Дейдры. — Не стой столбом!..

Эван честно хотел дернуться, но не преуспел. Возопить о том, что сейчас только светлой магии ему для полного упокоения и не хватает, тоже не вышло. Оставалось с ужасом ждать, когда же его добьют...

— Все будет хорошо, — уверенно сказала Кая, склонившаяся над ним, и вслед за этим раздался облегченный вздох Атона. Кажется, голова Эвана покоилась на его коленях. Трогательная забота. Если бы еще кто-нибудь сообразил, что Кае его лучше не трогать!

— Отвяжите меня уже, наконец! — уже отчетливее потребовала всеми забытая Дейдра. Эван почувствовал, что его осторожно перекалывают на пол, а мгновением позже его окутало вишнево-шоколадным ароматом. — Я сама! — совсем близко проворчала ведьмочка. — Еще не хватало, чтобы ты светлой силой его накачала.

Слава богам! Хоть у кого-то в этой теплой компании прорезался глас разума! Странно, конечно, что именно у Дейдры. И немного страшно. Но выбора не было, пришлось смириться. Да и, судя по тому, что Кая не протестовала, в лечении ее сестричка худо-бедно понимала.

Как оказалось, не худо и даже не бедно, а очень хорошо. Вливать в него силу она не стала, наоборот, забрала ту, что оковами сдавила тело и лишила возможности говорить и дышать полной грудью.

Эван приоткрыл слезящиеся глаза, слабо застонал и пошевелил пальцами левой руки, все еще немного онемевшими, но стремительно возвращающими чувствительность, как и прочие части тела.

— Живой! — взвизгнули над самым его ухом, заставив на миг сильно об этой самой живости пожалеть, а потом постарались озвученное исправить, едва не задушив в объятиях. И не то чтобы Эвану было неприятно... Напротив, очень даже приятно, вот только силу своей радости ведьмочка явно не рассчитала.

— Отстань от него, — вовремя вмешалась Кая, и Эван смог сесть — не без помощи брата, который поддержал его. — Как ты?

— Живой, — сипло усмехнувшись, повторил Эван. — А Вальдер?..

Непраздный вопрос, кстати. Все столь дружно столпились вокруг, что наверняка проморгали безумного дядюшку.

— Тоже жив, — спокойно ответил Атон. — И кажется, в глубочайшем шоке.

— В глубочайшем шоке должна быть я, как едва не состоявшаяся жертва, — негодуяще фыркнула Дейдра, и Эван кивнул, соглашаясь.

— Не хотел он тебя убивать, — поморщилась Кая, и в ее облике, как и в голосе, почудилось что-то чуждое. — Какой позор, все эти годы я ненавидела марионетку, когда стоило охотиться за кукловодом! Призрачная тварь всех провела...

— Миледи? — выдохнул Эван. Других призрачных особ, вне зависимости от их нелестных характеристик, он не знал. — Где она?

— Где-то в замке, — рассеянно отозвался Атон, настороженно изучая Каю.

— И ты так спокойно об этом говоришь?! — взвилась на ноги та. — Да она может...

— Ничего она больше не может, — отрезал брат, тоже вставая и потянув за собой Эвана. Пол покачнулся, но устоял. — А совсем скоро ее и вовсе не станет.

— Плакать не буду, — передернула плечами Кая и в упор посмотрела на Атона.

Он заметно напрягся, словно перед схваткой, и ответил таким же пристальным взглядом. Да что между этими двумя происходит?!

— Я жду, — сказала Кая теперь уже с совершенно отчетливыми незнакомыми нотками в голосе. Но столь уж незнакомы они были? — Поцелуй меня, Тони. Меня, а не ее.

Атон едва заметно вздрогнул, хотел было что-то сказать, но передумал и, шагнув к Кае, притянул ее к себе и на самом деле поцеловал. По-настоящему, так, что рядом с ними сразу стало неловко. И не только Эвану — Дейдра тоже явно желала оказаться как можно дальше отсюда.

Переглянувшись, они пожали плечами и отвернулись, ожидая, когда непонятная блажь отпустит их родственников.

Но и здесь Эвана поджидал сюрприз. Еще один родственник. И тоже сумасшедший.

Вальдер сидел прямо на полу, обхватив руками колени, и раскачивался из стороны в сторону. Застывший, пугающе стеклянный взгляд, казалось, был устремлен в такие дали, что простому смертному видеть не дано.

Эван передернул плечами и развернулся обратно, благо бесплатное представление для всех желающих и, что самое неприятное, нежелающих уже закончилось.

— Отпусти Каю, — тяжело дыша, потребовал Атон, и Эвану подурнело от мысли, что брат действительно тронулся умом.

— Не передумал? — с печальной улыбкой спросила Кая, проведя ладонью по щеке Атона. Тот упрямо тряхнул головой, уворачиваясь от ласки. — Ну что ж...

Девушка отступила, глядя на Атона с почти осязаемой тоской, и длинно выдохнула. Над ней воспарило что-то белое, а сама Кая пошатнулась и рухнула в предусмотрительно распахнутые объятия Атона, в которых ее сжали так, словно уже и не чаяли увидеть.

Но не успел Эван окончательно увериться, что все вокруг сошли с ума, как белое нечто плавно опустилось на пол, медленно обретая форму и некое подобие плотности. И он замер, встретившись взглядом с игруней. Вот только не было больше лишаяющих воли и мыслей чар. Парализующего страха тоже не было, и Эван тотчас узнал ее.

Вирана. Невеста Атона, бросившая его десять лет назад перед самой смертью Инара.

Призрачная девушка, столь долго преследовавшая Эвана в кошмарах и едва не ставшая причиной его гибели, повернулась к Атону и горько усмехнулась:

— Я выполнила свое обещание. И сделаю еще кое-что... Проклятие с Грайвенов снять сложно, но можно. Я знаю условие, при котором оно развеется.

— Какое же? — поторопил ее Атон. Он совершенно не сожалел об окончательном расставании с бывшей невестой и не считал нужным это скрывать.

— Любовь, — протянула она, как показалось, издевательски. — Настоящая, безумная, такая, за которую и жизнь отдать не жаль. Увы, ты носишь другую фамилию, и твое сумасшествие не засчитают. Деррек влюблен в артефакты и ничего вокруг не замечает, на его счет можно не обольщаться. Вальдер, — скривилась Вира, — и вовсе на подобные чувства не способен. Их род обречен. И не скажу, что меня это печалит.

— Не удивлен, — хмыкнул Атон. — Но что, если ты все-таки ошибаешься?

— Я не ошибаюсь, — уверенно заявила Вира. — Я знаю их гораздо лучше тебя, и сомнений в том, что никто из них не в силах снять проклятие, не испытываю. В ином случае об условии его отмены я бы и не заикнулась. Не настолько добра, чтобы прощать тех, по чьей вине умерла. Но на того, кто пострадал из-за меня, моей доброты хватит.

Она в упор посмотрела на Эвана, все еще не оправившегося от внезапных откровений. Конечно, у него были не все детальки мозаики, и придется основательно потрясти брата, чтобы их получить, но даже сейчас картина стала намного понятнее.

Вирана же протянула Эвану руку и поманила его к себе, на что он, памятуя о ее слабости к свежесвернутым сердцам, лишь головой помотал. Так, что она едва с плеч не укатилась. — Я не причиню тебе вреда. Ну же. — Вира не опустила руку, выжидательно глядя на Эвана, и было в ее взгляде что-то, заставившее его шагнуть ближе и вложить свою ладонь в ее, призрачную, холодную, как лед.

Она крепко сжала его пальцы, и холод растекался по венам, обдал тело зимней стужей. Миг — и холод исчез, а вместе с ним исчезло нечто, что десять лет невидимыми оковами сжимало сердце, мучило душу, отравляло жизнь ядом прошлого.

Эван отступил, с недоверием прислушиваясь к себе, а Вирана, печально улынувшись, начала таять, сливаясь с воздухом. Легкий вздох — и она исчезла.

Навсегда ли?

— Все кончено, — ответил на невысказанный вопрос Атон, по-прежнему обнимая притихшую Каю. — Она отомщена.

«Все кончено», — повторял про себя Эван, пока они выбирались из подвала: Кая под руку с Дейдрой, почти висющий на Атоне Вальдер и он сам, нога за ногу бредущий позади. Кончено.

От этой мысли становилось спокойно, как никогда ранее. Не то чтобы он забыл и простил гибель Инара... Просто отпустил. И брата, и свою боль, и желание во что бы то ни стало добиться справедливости. Та, что представлялась ему воплощением зла, давным-давно мертва. Теперь уже наверняка. А мстить мертвым — дело бессмысленное и неблагоприятное. И такая вдруг навалилась усталость, словно Эван не спал все эти безумно долгие и тяжелые десять лет. Заснуть он не боялся, потому что откуда-то точно знал: кошмаров больше не будет. Никогда.

Я шла, сжимая ладошку Дейдры, и не верила, что все закончилось. Вздрагивала от каждого громкого звука и боялась обернуться, как будто по пятам до сих пор шла беда. Неприятное ощущение. И чтобы избавиться от него, я решительно посмотрела назад в тонуший во мраке извилистый коридор. Пустой и мирный. Ни Миледи, ни Виры и в помине не было. Оставалось лишь убедить себя, что больше и не будет.

Я не особо верила, что Вирана сдержит слово и добровольно покинет мое тело. И в своих силах тоже сомневалась. И то, что я вновь принадлежу себе, безмерно удивляло и казалось ненастоящим. Да что уж там, весь мир сейчас казался до отвращения зыбким, как отражение полубытого сна. И страшно было от мысли, что это и в самом деле всего лишь сон. Победа над Миледи, уход Вираны... Атон. Я даже коснулась его, идущего впереди, вроде ненароком, убеждаясь, что он реален. И все крепче цеплялась за Дейдру, чтобы доказать себе, что я тоже настоящая.

Когда мы выбрались из подвала, тихий холл наполняли предрассветные сумерки. Бал закончился, и никто из гостей так и не узнал, что именно творилось в самом сердце замка, пока они беспечно болтали и танцевали.

Счастливые...

На лестнице нам встретились встревоженный Деррек и не менее взволнованная Илина. За ними маячил перепуганный Доран, все же заметивший пропажу и наверняка во всех красках представивший, что с ним сделает госпожа Райна, если он не найдет ее младшую дочь. Я посчитала, что это уже само по себе жестокое наказание, а потому ограничилась лишь многообещающим взглядом, который узнавший меня Дор понял правильно и, сдавленно ойкнув, с завидной скоростью взлетел вверх по лестнице. Через несколько мгновений где-то неподалеку громко хлопнула дверь.

Осмотрев нашу потрепанную компанию, отметив почти невменяемого Вальдера и незнакомую девушку, то есть меня, брат и сестра Грайвены не задали ни единого вопроса, а просто присоединились к нам. И молчали до самой комнаты Атона, пока он не сгрузил на кровать дядюшку и не перевел дух.

Тогда и пришла пора ответов. Но перво-наперво Атон отослал Эвана в его бывшую спальню — приводить себя в порядок и отсыпаться. Еще и Дейдру с Илиной отправить попытался, но

девчонки дружно возмутились и уходить наотрез отказались. Едва за Эваном закрылась дверь, мне пришлось представляться заново. Вернее, представлял Атон, причем тоном, исключающим любое негодование в мою сторону. Деррек лишь вздохнул и укоризненно покачал головой, отчего захотелось немедленно провалиться сквозь землю. Илина же заявила, что от перемены имени и внешности я хуже как наставница и человек не стала, и даже крепко меня обняла.

На этом сентиментальные порывы, слава Светлой паре, закончились.

Пока Атон скупо пересказывал недавние события, очнулся Вальдер. Рад этому он не был: после осознания, что случилось, он застонал так мучительно, что даже во мне жалость шевельнулась, а после рассказа старшего лорда Грайвена и вовсе расцвела буйным цветом.

История эта началась с одной темной ведьмы, которая настолько не хотела умирать, что заключила договор с сильным магом, пообещав стать вечной хранительницей его рода. Вот только один из первых Грайвенов оказался на редкость ушлым типом и о том, что вечность придется провести призраком, не обмолвился. Однажды, неудачно упав с лошади и очнувшись вне собственного тела, ведьма осознала все коварство магов и подобных договоров, но, подумав, пришла к выводу, что такая жизнь лучше никакой. Тем более что сила рода питала ее. Год от года креп род Грайвенов — и год от года крепла Миледи. Она научилась касаться предметов и становиться почти материальной. Потом она обнаружила, что может отлучаться из замка на приличные расстояния — при условии, что при ней будет что-то, принадлежащее роду, — и жизнь после смерти и вовсе показалась не лишенной смысла. И уже гораздо позже Миледи осенило, что силы много не бывает. Чем демоны не шутят, а вдруг небывалая мощь рода вернет ей настоящую жизнь? На этот раз — действительно вечную, без обмана.

Миледи сама нашла замок с расположенным под ним темным источником и склонила своего хозяина к покупке и переезду. Самым сложным было привязать одно из семи средоточий темной магии к Миледи, не обрывая связь источника с отвечавшим за его безопасность хранителем, причем так, чтобы оный ничего не заметил и не забил тревогу. Но ее хозяин был достаточно силен и умен, чтобы провести нужный ритуал. Лишних вопросов он не задавал — ему и самому хотелось овладеть источником.

На какое-то время прирученный источник умерил ее аппетит, но вскоре Миледи захотелось большего. Лорд Грайвен тоже жаждал обрести как можно больше силы, и внушить ему мысль, что благая цель оправдывает любые, пусть даже и самые низкие средства, оказалось на удивление легко. Как и найти книги, в которых опытному магу не составило труда разыскать парочку подобных средств. И сила действительно росла, наполняя Миледи, позволяя надеяться, что ее мечта вот-вот исполнится.

Кто же знал, что какой-то несчастной ведьме удастся не только перехитрить своего палача, но и проклясть его род?

С тех пор Миледи слабела... и умирала. Магия рода, питавшая его и в свою очередь питавшаяся от его представителей, медленно иссякала, что отражалось и на призраке-хранителе. Но Миледи слишком сильно любила жизнь, пусть даже и призрачную. Она привыкла быть могущественной, привыкла быть вечной, как само время. А вот сдаваться без боя, наоборот, не привыкла. В отличие от наследников древней силы, которые ничего не делали для того, чтобы ее вернуть. И тогда Миледи вновь взяла дело в свои руки. Да, она нарушила множество правил, запрещающих хоть как-либо влиять на подопечных, но иначе эти самые подопечные могли и вовсе не выжить. И Миледи, решившись, заморочила голову — не только и не столько словами, сколько чарами — младшему сыну погибшего старика. С Вальдером оказалось сложнее: он был совершенно не испорчен и сопротивлялся намного дольше своего отца, но вода и камень точит, что уж говорить об изошренном воздействии на юный, неокрепший еще как следует разум? Вальдер сам не понял, как оказался в полной власти хранительницы рода. Он не мог отделить собственную волю от ее, а когда задавался вопросом, что же с ним происходит, Миледи усиливала контроль.

Вирану в замок привел Инар. Нет, он не желал ее смерти, но Миледи девушка приглянулась: сильная, энергичная, да еще и появилась накануне ночи кровавой луны, ночи, когда-то посвященной Темным богам. Кто бы упустил такой шанс? Вальдеру ничего не стоило заманить Виру в лес — она сама охотно пошла с ним, очарованная весенним полнолунием и обаянием своего спутника. Зря Вирана ненавидела Инара — по сути, он был виновен лишь в том, что она оказалась не в том месте и не в то время.

Жить Вира хотела ничуть не меньше, чем Миледи, и она была действительно сильной ведьмой, что и позволило ей остаться в этом мире. Призраком, не просто жаждущим мести, но способным на нее. Иной раз ненависть питает не хуже магического источника.

Вальдер сделал так, чтобы все считали, что Вирана сбежала. Девушка была сиротой, и повернуть это труда не составило. А после он и сам забыл о ней, по-прежнему опутанный чарами Миледи, словно муха — липкой паутиной.

Сейчас для него все воспоминания, связанные с воплощением ее плана, были словно в тумане. Его больше не оплетали чары, и впервые они ослабли после встречи со мной. То есть с Эммой. И с каждым разом становились слабее и слабее, пока это не заметила Миледи — и не попыталась избавиться от внезапной помехи. Она надеялась, что в проклятом лесу меня непременно загрызут, и тогда Вальдера уже ничто не будет отвлекать от великой цели, но, увы и ах, некоторые ведьмы принципиально незагрызаемы. Это расстроило Миледи настолько, что она твердо решила использовать мою сестру для спасения силы рода и себя любимой. Или хотя бы для того, чтобы отсрочить неизбежное. Жертву она выбрала идеально — никто бы не удивился, случись что с шептунной и не в меру любопытной девчонкой, — но с первой попытки ничего не вышло: мало того что наложенные на Дейдру чары подчинения долго не продержались, и очнулась она раньше, чем добралась до места, так еще и Эван вовремя подоспел. Да и я неладное заподозрила — нашу сестринскую связь Миледи не учла. Но она не сдалась, и даже появление Вираны обернула в свою пользу — я, находясь на грани смерти, не почувствовала бы беды, и Дейдры не хватило бы до утра, а чтобы сделать все быстрее, вместо леса сгодился и подвал. Единственное, на Вальдера пришлось воздействовать грубее и мощнее — слишком уж он сопротивлялся. Но в итоге сломался. А после столкновения с Вираной и вовсе ослаб настолько, что управлять им оказалось легче легкого.

И вряд ли мы сумели бы помешать этой сумасшедшей, если бы не Эван. Упрямый мальчишка, так раздражавший меня когда-то, спас всех, чуть было не пожертвовав жизнью.

Миледи сама себя погубила, нарушив древний завет, главное условие договора. Она нанесла вред представителю рода, который обязана была охранять ценой собственного существования, за что и поплатилась полным развоплощением. И теперь от нее остались только воспоминания. Увы, не слишком добрые.

Деррек выглядел потрясенным до глубины души. Атон недалеко от него ушел. Видимо, он успел записать дядю в главные злодеи и не знал, как втиснуть новые знания в уже сложившееся мнение. Вальдеру же, похоже, было абсолютно все равно, что о нем подумают его племянники. Он выглядел изможденным и не вызывал ничего, кроме сочувствия. Кто из нас смог бы устоять против подчиняющих чар, наведенных столь тонко и умело, что ни почувствовать, ни сбросить невозможно? Дерреку невероятно повезло, что Миледи до него не добралась, и ей хватило одного Грайвена для воплощения своих планов — а может, просто не было сил одурманить еще кого-либо. И я искренне считала, что судить Вальдера нечестно. Это и озвучила, нарушив воцарившееся молчание.

— Светлая, — слабо усмехнулся откинувшийся на подушки Вальдер, не открывая глаз. Переменами в моем облике он не слишком впечатлился, наверное, сил не осталось. — На всю голову светлая...

Не удивил и не обидел. Свой диагноз я давно уже знала и спорить с ним не собиралась. Со мной тоже никто не спорил. Илина с Дей, примостившиеся вдвоем в одном кресле, успели сладко задремать, а Деррек и Атон, подумав и справившись с эмоциями, признали мою правоту и решили родственника, и без того пострадавшего и побитого жизнью так, что и врагу не пожелаешь, ищейкам не выдавать. И сжимавшая сердце тревога отступила. Зато ее место заняла усталость, что немедленно заметил мой дракон и не терпящим возражений тоном отослал меня спать. А на попытку возмутиться обнял и шепнул:

— Тебе нужно отдохнуть. Мне — тоже. Потом мы непременно все обсудим. Прошу тебя, Светлячок.

И то ли от объятий, то ли от тихого ласкового голоса, то ли от непривычно-привычного обращения я растаяла, сдалась и поплелась к себе.

Самое интересное я уже услышала. Все остальное от меня никуда не денется. Как и Атон. Это я знала точно. Равно как и то, что и сама уже от него никуда и никогда не денусь...

Вид на закат с крыши замка открывался великолепный. Небо полыхало всеми оттенками красного, желтого и фиолетового, воздух благоухал ароматами черемухи и яблоневого цвета, свежий ветерок легко касался разгоряченной кожи, и было невозможно насмотреться, надыхаться этим моментом, как и удержать его. Вместе со своим драконом, которого я не услышала, но почувствовала. Улыбнулась, не отрывая взгляда от небесного пожара, откинулась назад и тут же оказалась в плену сильных рук Атона и ощутила теперь уже знакомое и такое нужное мне тепло его тела.

Пришедший с хозяином рыжик прыгнул на парапет и блаженно замурлыкал. Он так и просидел всю ночь в комнате — Атон приказал ему не вмешиваться. Котик ничем бы не помог, а вот пострадать от руки Виры или обезумевшей Миледи рисковал. И я подозревала, что он был весьма недоволен, пропустив все самое интересное.

Теневой кот дракона... Неудивительно, что он такой необычный. Вряд ли во всем мире сыщется подобный ему. Я потянулась и осторожно почесала рыжика за ухом. Он заурчал еще громче, а Атон тихонько фыркнул и поцеловал меня в макушку, отчего тоже захотелось замурлыкать.

Не знаю, чем он и Деррек занимались весь день. Я спала. Крепко, безмятежно, так, что впору было заподозрить незаметно наложенные сонные чары. Только это совершенно не рассердило, я была рада возможности как следует отдохнуть. Сомневаюсь, что после всего смогла бы уснуть самостоятельно. И даже мысль, что за это время Дейдра вместе с Эваном и Илиной могли разобрать замок по камешку, не волновала.

Чуть ли не впервые в жизни меня волновала я сама. Мои собственные стремления, мечты и желания. Это было ново, непривычно, но приятно. И этот миг, закат и обнимавший меня мужчина определенно стоили того, чтобы сбежать из дома и пройти через недавнее безумие. Они стоили гораздо большего. Особенно Атон, которого судьба, однажды отобрав, решила мне вернуть. Это ли не настоящее чудо?

И да, я и правда на него не злилась. Если сначала и задело, что он все решил за нас обоих, то теперь после долгих раздумий я поняла, что и сама вряд ли бы поступила иначе. Все, что было, осталось в прошлом и уже не важно. Важно то, что нам дали второй шанс. И я отчаянно надеялась, что прежние ошибки и осознание оных помогут нам избежать новых.

Но некоторые вопросы все же не давали покоя.

— Что ты делал у нас дома? Почему я не вспомнила тебя при первой встрече? — спросила я, продолжая наблюдать за изменчивым небом. — И почему ты даже не попытался все рассказать? — Я видел тебя в городе, тогда и узнал... Осознал, выяснил твой адрес и под предлогом консультации с госпожой Райной пришел в твой дом, — тихо сказал Атон. — Я полагал, что память и к тебе вернулась. Ты так странно отреагировала на мое прикосновение. Но промолчала, и я решил понаблюдать за тобой. И оставить тебе Мэта, ведь он мог быть рядом всегда. Уже потом я понял: что-то, вернее, кто-то перехватил воспоминания. Ты вела себя странно. В твоих глазах мне то и дело мерещилась чужая тень. Эван рассказал о случившемся на террейском кладбище и об особенном фоне, свойственном некоторым запрещенным ритуалам, и это при том, что ранее такого не случалось. Тогда я и заподозрил неладное. А когда ты назвала меня Тони, окончательно в этом неладном уверился. Так меня называла только она... Прав все же был дядя: ты пострадала из-за меня. Не покинь я тебя, ничего бы этого никогда не случилось.

Пришлось отвлечься от любования красотами природы и повернуться к Атону, преисполненному раскаяния.

— Во-первых, я пострадала из-за собственной мягкотелости, не позволившей сказать «нет» наглой младшей сестре, — твердо проговорила я, глядя в синие глаза. — А во-вторых, да, из-за тебя я тоже пострадала. Да еще как! Терпела всех этих женихов, регулярно поставляемых матушкой! Если бы не твое совершенно дурацкое благородство и самопожертвование, скольких неприятных моментов я бы избежала! И мама была бы неприлично счастлива...

— Из-за того, что ее зять — дракон? — удивился Атон.

— Из-за того, что ее зять — темный маг, как она всегда и мечтала, — хмыкнула я, ощутив, как екнуло сердце.

Зять! О свадьбе я и не помышляла, но если подумать... Нет, не буду думать! Потому что, хоть я и не злюсь, все еще сомневаюсь, а стоит ли прощать, даже не отомстив хорошенько. С другой

стороны, женитьба на мне — сама по себе изощренная месть. Одна будущая теща чего только стоит.

— Так давай ее осчастливим, — широко улыбнулся Атон и, резко посерьезнев, сказал: — Клянусь, что больше не позволю ничему и никому встать между нами и что никогда не буду решать за тебя. За нас. Кая, ты выйдешь за меня?

«Нет!» — панически возопил разум.

— Да, — вместе со мной выдохнуло далекое от разума сердце.

И я была ему за это благодарна. Кто знает, чего бы наговорила одна смятенная и окончательно смущенная ведьма, если бы голос ее сердца не оказался громче голоса всю жизнь побеждавшего рассудка?

Эпилог

Полтора года спустя...

Лопата подпрыгивала на усыпанных листьями тропках, оглашая окрестности зловещим шорохом, а при встрече с камнями — лязгом. Казалось, что десятки неживых и мертвых обитателей старого кладбища укоризненно буравили взглядами спину хмурой светлой ведьмы, посмевающей нарушить покой этой осенней ночи, теплой и до определенного момента тихой, но соваться к пребывающей не в самом радужном настроении обладательнице лопаты никто благоразумно не спешил.

Правильно. Когда ведьма зла, нет никакой разницы, темная она или светлая — мало никому не покажется. А я была пусть и не особо зла, но уж точно недовольна, потому как за полтора года мнения, что светлой ведьме на ночном кладбище не место, не поменяла. Более того, лишь укрепились в оном. Но нужда заставит, так о любом мнении и принципах думать забудешь. На сей раз ради разнообразия, наверное, нужда была моя собственная, с Дейдрой никак не связанная. Сестра в последнее время вообще доставляла на диво мало хлопот. Мне и папе. Ибо училась она теперь в высшей ведьмовской школе и оттачивала свои и без того острые навыки ходячей бессовестной катастрофы на преподавателях. Еще и маме доставалось, потому что моему доброму совету она не вняла и приняла младшую дочурку в свою школу, не желая признать очевидное: порой самое драгоценное лучше держать на расстоянии. Так блеск и прочие прелести, в отличие от изъянов, видны лучше.

Впрочем, сейчас и у мамы появился шанс отдохнуть от неугомонной Дей. Не знаю, кому именно в ученых верхах пришла в голову поистине безумная мысль о передаче бесценного опыта и налаживании дружеских отношений, но с этого года в высших магических учебных заведениях Терреи и еще парочки попавших под эксперимент городов-неудачников ввели программу обмена студентами, причем меняться должны были ведьмы и маги. Вроде как особо отличившиеся. Насчет ведьм и сомнений не возникало, что выберут самых одаренных. Насчет же магов... Подозреваю, под раздачу попадут самые шептуньи. В качестве наказания. Я поначалу даже и не знала, кому больше посочувствовать, но потом решила, что все-таки магам. Как тем, кого на целых два месяца сошлют в ведьмовскую школу, так и тем, к кому ведьмы нагрянут сами. В этом случае посочувствовать нужно было еще и преподавателям. В целом. И в частности — тем несчастным, что учатся и работают в Академии чародейства, ибо туда за выдающиеся успехи отправили Дейдру. Да сохранит Светлая пара стены оплота магических наук! И тех, кому выпадет счастье общаться с моей сестренкой.

Почему-то я сразу вспомнила об Эване, прилежно учащемся в том заведении, но тут же потрясла головой. Нет, это было бы слишком жестко по отношению к нему. Мальчишка и так настрадался. Академия большая, Эван на боевом факультете, ведьм по логике должны сплавить на целительский или к алхимикам... Авось и не встретятся. Если, конечно, младший брат моего мужа не исчерпал свою безумную удачу до доньшка.

Лопата звякнула особо неприятно и застряла. Я обернулась и радостно улыбнулась вцепившемуся в нее костлявому задохлику. Недобитое патрульными недоразумение вздрогнуло

и, поспешно выпустив инвентарь садовников, некромантов и чокнутых светлых ведьм, ретировалось от греха подальше. Я только плечами пожала и отправилась дальше, отбросив лишние мысли и при свете полной луны и золотистого светляка высматривая цель своего визита. Невзрачная травка, растущая только на кладбищах и столь же невзрачно цветущая каждое полнолуние до самой зимы, была последним ингредиентом зелья, которое должно было стать платой за одну необходимую мне вещь. Я бы охотно отдала за нее любые деньги, но старая карга, обладательница вожеленного предмета, проявила гадкую натуру во всей красе и пожелала зелье молодости. Редкое, сложное и ко всему прочему не особо законное, так что некоторые ингредиенты я, вместо того чтобы взять с полок собственной, недавно открытой лавки, вынуждена была разыскивать по всей Террее, включая окрестные леса. Спасибо Светлым богам, не требовалось ничего произрастающего, летающего либо прыгающего исключительно в другие сезоны.

Травка нашлась в дальнем конце кладбища, самом спокойном и тихом. Я неспешно обрывала и складывала в холщовый мешочек серенькие соцветия, мыслями витая далеко отсюда. Нужно бы завтра сходить на почту, отправить Илине купленную на днях книгу о секретах ведьмовского мастерства. Красивая книжка и, что важнее, полезная. Моя бывшая подопечная, конечно, уже многое знает и умеет, не зря же в столичной высшей школе ведьмовства уже второй год обучается, но знаний много не бывает. Я улыбнулась, вспомнив, как именно Илина попала в школу. Деррек все же отвез ее в столицу и представил ко двору — и кандидатам в женихи. Вот только его сестричка замуж не собиралась. Она лелеяла другие мечты и не желала хоронить свою силу под гнетом брака. Скандал вышел знатный... Деррека переубеждали и я, и Атон, и даже моя мама, уверенная, что таланты нужно развивать, а не губить. Она-то его и дождала. Быстро и профессионально, жаль, что сразу к ее помощи не прибегли.

С тех пор Илина и учится ведьмовским премудростям. Деррек же продолжает возиться с артефактами, игнорируя недвусмысленный интерес столичных леди к своей холостяцкой персоне, которой, как утверждает в письмах его сестра, ничуть не угасает. И кто знает, возможно, однажды одной наиболее настойчивой леди все же удастся отвлечь артефактора от его работы? Должно же когда-нибудь пасть проклятие, и вся надежда лишь на Деррека. Не на Вальдера же рассчитывать...

Он живет в старом поместье Грайвенов, давным-давно заброшенном, тихо и уединенно, и гостей не жалует. Терпит, конечно, но не более. Вальдер до сих пор не оправился от случившегося. Его лечили лучшие менталисты, но даже они не сумели искоренить чувство вины и ощущение безволия, что день за днем его точат. И я почти уверена, что он сам не хочет облегчить свою участь, цепляясь за прошлые прегрешения, в которых даже и не виновен по-настоящему, пытаясь в собственной боли найти искупление.

Вальдер не простил себя. Не захотел. И вряд ли захочет.

Настроение окончательно испортилось, и с кладбища я возвращалась еще более мрачная, чем прежде. Еще и Атона в городе нет... Уже неделю нет, и вернуться должен не раньше чем через еще одну. Все никак не привыкну, что мой муж — один из лучших охотников на нежить, а оттого и дома бывает не так часто. В нашем доме, который мы купили и обустроили вместе. Мы все делали вместе, и сейчас так хотелось обнять его, прижаться крепко-крепко и сказать... Как именно, я пока не придумала и оттого нервничала. Хотя наше жилище даже без Атона казалось мне надежным и уютным, иногда я все же ночевала у родителей. Сегодня об этом меня попросила мама, и я не смогла отказаться. Видела же, как радуется мое присутствие родителей... Вот только с ними поделиться переживаниями я не могла. Пока что не могла, потому что считала, что это будет неправильно.

Грозно позвякивала лопата, прыскала в разные стороны мелкая нежить, чувствующая, что сейчас лучше не выяснять, кто на погосте хозяин, а кто так, легкая закуска. На городских же улицах мне повезло — они были пусты, иначе репутацию светлой и доброй ведьмы я испортила бы всерьез и надолго.

Такой шанс выпал у самого дома. Не успела я коснуться калитки, как на меня налетели и обхватили со спины, шумно выдохнули в ухо... и болезненно взвыли, когда я наугад ткнула лопатой. Мгновенно обретя свободу, я развернулась, поудобнее перехватив инвентарь, и негодующе фыркнула, разглядев прыгающего на одной ноге маньяка. Традиционный веникоподобный букет валялся рядом, устрасая одним только видом.

— Будешь распускать руки — без головы останешься, — прошипела я. — Как только не стыдно приставать к замужним ведьмам!

— Кайра?! — вытаращился он на меня.

Света покачивающийся на столбе возле дома фонарь дает немного, но не настолько же, чтобы не разглядеть, на кого с объятиями бросаешься! Хотя тому, кто бесстрашно кидается на ведьму, рискуя получить если не чарами, то лопатой, отказывает не только зрение, но и инстинкт самосохранения.

— А ты кого ждал? — прищурилась я.

— Дейдру, — выдохнул Доран, и мне его даже жалко стало.

Насколько же градоправителю хотелось породниться с сильной темной ведьмой, если он раз за разом посылает своего единственного сына к ее дочерям! Мол, не со старшей, так с младшей обязательно выгорит. Вот только не учел вроде бы умный мужик, что в случае с Дейдрой выгореть может в прямом смысле, причем не дело, а сам его наследник. Не любит она, когда ее достают. Еще больше, чем я. И в отличие от меня не стесняется это демонстрировать. И в способах отшивания неугодных поклонников моя сестричка себя не ограничивает...

— Дейдры нет, и в ближайшее время не будет, — сказала я, подумав, как же повезло Дорану. — Иди-ка ты домой. И найди уже нормальную девушку, что ли.

— Я уже находил, — обиженно буркнул он, бросил опасливый взгляд на лопату и на всякий случай шагнул от меня подальше. — Вот только она, невзирая на мое признание, за другого выскочила.

— Не очень-то она тебе и нужна была, раз удержать не сумел, — не отказала себе в маленькой вредности я.

— Не успел, — поморщился Доран и горделиво выпятил грудь. — И потом, если бы не эти дурацкие законы, я бы его на поединок вызвал. И еще посмотрели бы, чья бы взяла.

— Так в чем дело? Давай найдем укромное место подальше от бдительного ока слуг закона и посмотрим. Может, хотя бы это отобьет у тебя желание на чужих ведьм глазеть, — недобро проворчали за моей спиной, и Дор сразу сдулся и попятился.

— Да я и не глазею... — пролепетал он. — Я вообще к Дейдре!

— Он к Дейдре, — не оборачиваясь, подтвердила я.

— Вот пусть и шагает к ней, — мрачно предложил Атон, и на мои плечи, согревая и успокаивая, легли горячие ладони. — Серенаду там под стенами академии споет, сердечко перед воротами нарисует, венки из цветов через ограду покидает...

— Я пойду, — быстро закивал Доран и, не встретив возражений, шустро убрался с глаз наших долой, не забыв прихватить означенный венок.

Надеюсь, что рванул он все же не в академию...

— И не стыдно детей пугать? — укоризненно спросила я, поворачиваясь к мужу и тут же утопая в объятиях и сияющем взгляде.

— Дети по ночам крепко спят, а не пытаются устроить свою личную жизнь, — отрезал Атон. — И что ты делаешь здесь в такое время и в таком виде?! — спохватился он, разглядев и мое облачение, и лопату, с которой я даже сейчас не рассталась.

— Возвращаюсь домой с шабаша, — хмыкнула я.

— Так и знал, что отлучаться чревато, — фыркнул Атон. — Маг из дома, ведьма на шабаш...

— Ты прекрасно знал, на ком женишься, — ткнула его в грудь пальцем я. — Не страдай теперь.

— Да разве ж я страдаю? Я наслаждаюсь, — обезоруживающе улыбнулся Атон и, пока одна наивная ведьма таяла от этой улыбки, коварно уточнил: — Так где ты была?

— На кладбище, — призналась я. — Травки искала...

— Кая! — укоризненно воскликнул он. — Тебе приключений мало было?

— Молния в одно место дважды не бьет, — отмахнулась я. — И потом, я же не по собственной прихоти! Мне нужно было.

— Зачем? — не отставал Атон.

Пришлось рассказывать. И про соседку, которую довелось не так давно лечить, и про книгу, что я заприметила у нее, и про цену за оную. И про то, что я заплатила бы любую, потому как в мечтах уже безраздельно владела толстенным старинным томом, оплетенным древними чарами и казавшимся самой желанной драгоценностью на свете.

— Зачем тебе эта книга? — нахмурился Атон.

Наверняка решил, что я окончательно спятила. Может, он и прав, но вот я считала иначе.

— Затем, что это наиболее полные сведения о драконах, в том числе и о полукровках, особенностях их развития, способах обретения второй ипостаси и прочих прелестях и гадостях, которых удалось бы избежать, будь эта книга у твоих родителей, — пояснила я и, видя непонимание в синих глазах, терпеливо вздохнула. — Я не собираюсь обращаться ни к твоему дядюшке, ни к кому бы то ни было еще из драконьих родственников. Уж извини, но то, что они сделали с нами, навсегда отбило у меня охоту с ними общаться.

— Зачем тебе с ними общаться? — окончательно запутался бедный Атон.

О, Светлая пара, совершенно не так я представляла наш разговор! Да и обстановка подкачала. Хотелось бы более приятной и романтической... Как и в плане моей собственной внешности, коей ночная вылазка на пользу наверняка не пошла. Но тут уж, видимо, ничего не поделаешь: какая ведьма, такая и романтика.

— Где-то ты чересчур догадливый, а где-то в упор ничего не замечаешь! — отбросив лопату, выдохнула я, досадуя не на него вовсе, а на себя, и безотчетным движением положила ладони на живот... а в следующее мгновение меня сжали в крепких объятиях, оторвали от земли и закружили.

— Люблю тебя, мой Светлячок, — прошептал Атон, не разжимая рук.

— И я тебя, — выдохнула, закрывая глаза и крепче прижимаясь щекой к пахнувшей свежим ветром, осенним небом и пьянящей свободой куртке.

Люблю. Всей душой. Темного мага, одного из тех, от кого всегда старалась держаться подальше и кого искренне считала источником всяческих неприятностей для бедных светлых ведьм.

Откуда же мне было знать, что на приятности они тоже способны?

Например, целовать так, что земля из-под ног уплывает и глупые мысли о неподходящих облик, времени и месте вылетают из головы. Да более подходящего момента было и не придумать! Просто потому, что здесь и сейчас мы вместе, что я чувствую, как взволнованно, в унисон с моим, бьется его сердце, как бережно сжимаются вокруг меня сильные руки... Что может быть романтичнее?

Разве что только полет над спящей землей, на который я, не раздумывая, согласилась.

Распахнулись широкие крылья, сверкнувшие серебром в свете ясной луны, и вышитое звездами небо стало таким близким — протяни руку, коснешься. И это небо мы с моим драконом тоже всегда делили на двоих.

Потому что одному там, по словам Атона, было пусто и холодно.

Толстый ковер листьев шуршал и пружинил под ногами, и приходилось ступать мягче, чтобы не выдать себя раньше времени. Теплая осенняя ночь обнимала древнее, раскинувшееся далеко за пределами города кладбище, баюкала его, обещая скорую зиму и желанный покой даже тем, кто давно его потерял.

По-совиному ухнуло, и огромная тень на миг скрыла луну. Вскинув голову, Эван успел заметить растворяющийся на фоне темного неба силуэт дракона и восседающей на его спине девушки. Усмехнулся, припомнив кое-чьи нотации об осторожности и ответственности, и вновь сосредоточился на своих ощущениях. Уже близко. Самая малость — и...

И он замер, разглядев чернеющий среди россыпи листьев зев ямы. Затаил дыхание, выжидая.

В яме было тихо. Правда, недолго. Сопение и чавкающие звуки, донесшиеся из нее, свидетельствовали, что Эван не ошибся и не опоздал. Оставалось лишь довести дело до конца. Выбравшаяся из ямы фигура с кряхтением распрямилась... и тут же упала обратно, получив сияющим шаром чар в лоб.

— Да чтоб тебя, Клайдан! — провыло оттуда. — В следующий раз нежить отыгрывать будешь ты!

Эван только усмехнулся и, склонившись над ямой, протянул пострадавшему товарищу руку. Нежить так нежить. Какая разница, чарами в Марта кидать или за пятку из кустов хватать? Итог всегда один.

Академия чародейства Эвана все-таки дождалась. Он без проблем поступил сразу на второй курс и теперь, учась уже на третьем, ничуть о том не жалел, хотя поначалу думал, что зря тратит время. Но учеба постепенно захватила и оказалась вовсе не такой скучной, каковой представлялась. Особенно сильно Эвану нравились практикумы, где можно было развернуться от души. К примеру, нынешний выдался весьма познавательным, а заодно позволил размяться и проверить, не утрачены ли былые навыки.

Практикум подошел к концу — последний «упырь», оказавшийся самым изворотливым, все-таки попался. Изворотливость изворотливостью, конечно, но вот терпение тоже недооценивать не стоит. Затаись Март — и Эван ни за что бы его не отыскал. Или все равно отыскал бы, если прежде умудрялся даже настоящих упырей замечать?

В портал, ведущий на территорию академии, толпа героических боевых магов и приунывшей «нежити», перепачканная настолько, что отличить одних от других не представлялось возможным, шла молча. Двое суток, проведенных на кладбище, оказались не только веселыми, но и изматывающими, и всем хотелось как можно скорее добраться до душа и кровати.

Засыпал Эван с чувством выполненного долга и без малейших опасений. С тех пор как игрунья исчезла, кошмары забыли дорогу в его сны. Зато следующий день начался поистине ужасно.

Выспаться не удалось. Кто-то барабанил в дверь и не сдавался, пока востряпанный и злой Эван — Март только сонно что-то пробормотал и плотнее завернулся в одеяло — не открыл.

— Клайдан, к декану! Срочно! — выпалил худющий мальчишка и, не дожидаясь реакции ошарашенного вовсе не благой вестью студента, умчался прочь.

Эван резко выдохнул и поежился от внезапно нахлынувшего дурного предчувствия. Идти не хотелось. Ну вот просто совершенно не хотелось! Но выбора не было: играть в прятки с деканом боевого факультета не рискнул бы даже самый отчаянный сорвиголова, к коим Эван с недавних пор себя не относил. Или же изо всех сил пытался не относиться. Правда, получалось из рук вон плохо, но тут уж ничего не поделаешь, не так-то просто меняться, даже всей душой того желая. По крайней мере в первый год обучения с деканом Иридайн Эван виделся чуть ли не каждую неделю... Но даже тогда его не мучило ощущение надвигающейся катастрофы, грозящей вот-вот погрести под собой всю едва начавшую налаживаться жизнь.

— Чего ты так напрягся? — хмыкнул продравший глаза Март, верный друг и соратник по безуспешным попыткам стать образцово-показательным студентом. — Думаешь, это насчет лаборатории?

— Вряд ли, — неуверенно отозвался Эван уже из-за двери ванной.

Лабораторию они разгромили на прошлой неделе, причем нечаянно. Эксперимент, щедро приправленный буйной фантазией, немного вышел из-под контроля, в результате чего лабораторию легче было отстроить заново, нежели отремонтировать. Бедовые экспериментаторы не пострадали лишь чудом и втык от разъяренного декана, а также от не менее разъяренной ректора уже получили, всю неизмеримую глубину своей беспечности осознали и почти искренне в содеянном раскаялись, а после ничего больше натворить не успели, так что и поводов для беспокойства вроде и не было. Что не мешало этому самому беспокойству острыми кошачьими коготками царапать сердце.

При мысли о кошках стало еще хуже. Интуиции Эван привык доверять и потому понял сразу, что влип. А переступив порог деканского кабинета, увидев двух сидящих возле стола девиц откровенно ведьм и некой наружности и вспомнив о программе обмена, единогласно признанной будущими боевиками крайне нелепой и бесполезной, лишь уверился в крайней степени собственной невезучести.

О чем именно пойдет речь, он догадался еще до того, как декан открыл рот.

— Хорошего дня, студент Клайдан! — зловеще улыбнулся Даниэль Иридайн в ответ на невнятное приветствие, произнесенное подозрительно осипшим голосом. — Рад видеть вас в добром здравии. Надеюсь, вы не откажете мне в маленькой услуге?

Эван судорожно мотнул головой, стараясь отрешиться от изучающего взгляда одной из девиц и не поддаваться растущей в душе панике. Отказал бы он с величайшим удовольствием. Но только не декану, который, несмотря на разгром лаборатории и прочие последствия студенческой любознательности, неоднократно спасал его от гнева ректора, дамы пусть и справедливой, но чрезмерно нервной.

— Тогда принимайте под опеку наших гостей, — жизнерадостно озвучил приговор декан. — Покажете им академию, расскажете о ней, поможете устроиться и обжиться...

— Почему я?! — Вопль отчаяния вырвался непроизвольно, хотя о причине и гадать не стоило. Аукнулась лаборатория...

— Я долго думал над тем, кому доверить столь важную и почетную миссию, — с издевательски серьезным видом заявил декан, — и пришел к выводу, что никто не справится с ней лучше вас, Эван. Вы — гордость нашего факультета, и с вами девушки будут в полной безопасности.

Может, и будут. Вот только будет ли сам Эван в безопасности в такой компании? Ведь с него после той истории было предостаточно. Особенно ведьмы конкретной, голубоглазой и темноволосой, пахнувшей сладкой вишней и шоколадом, в вызывающей остроконечной шляпе и излишне коротком платьице, да еще и с перевязанной черной ленточкой метлой в обнимку. Дейдру после свадьбы Атона и Каи Эван видел от силы два-три раза. Как-то закрутилось все, завертелось: поступление в академию, учеба, вечно бьющая ключом, а зачастую и кузнечным молотом по голове студенческая жизнь... Тут уж не до общения с новыми родственниками. Тем более что общения этого Эвану и в столь редкие моменты встреч хватало. С тех пор он был твердо убежден, что темные ведьмы страшнее самой жуткой нечисти. Даже очень красивые темные ведьмы. Даже пахнувшие вишней и шоколадом. Даже нахально снящиеся почти каждую ночь, причем вовсе не в том виде, в коем приличествовало бы сниться родственникам, пусть и не кровным. Без всякого на то желания Эвана, разумеется!

Рассеянный взгляд вновь зацепился за аккуратную метлу и прикипел к пышному, переливающемуся блестками черному банту на гладко отполированном древке. Как эта ведьма вообще додумалась до того, чтобы притащить метлу не просто в академию, а в кабинет декана?! И почему ей это позволили?

Впрочем, ведьмам, где бы они ни находились и чем бы ни занимались, по умолчанию дозволялось гораздо больше, чем магам. И почти утонув в огромных, подозрительно невинных глазах Дейдры, Эван с тоской осознал, что все его прошлые злключения вполне могут показаться медом по сравнению с грядущими, кои, естественно, не заставят себя ждать. «Ну, хотя бы сердце на месте останется», — не слишком уверенно подумал он, под воодушевляющее-ободряющие речи декана обреченно разглядывая своих подопечных. Во всем можно найти свои плюсы. Даже там, где их, казалось бы, и быть не может. Стоит лишь получше поискать...

/9j/4QAYRXhpZgAASUkqAAgAAAAAAAAAAAAAAAAAP/sABFEWNreQABAAQAAABIAAD/4QMZaHR0cDovL25zLmFkb2JlLmNvbS94YXAvMS4wLW48P3hwYWNrZXQgYmVnaW49Iu+7vyIgaWQ9Iic1TTBNCENlaGllemlJlU3pOVGN6a2M5ZC1PiA8eDp4bXBtZXRhIHhtbG5zOng9ImFkb2JlOm5zOm1ldGEVliB4OnhtcHRrPSJBZG9iZSBYTVAgQ29yZSA1LjMtYzAxMSA2Ni4xNDU2NjEsIDIwMTIvMDIvMDYtMTQ6NTY6MjcglCAGlCAGlC1IDxyZGY6UkRGIHhtbG5zOnJkZj0iaHR0cDovL3d3dy53My5vcmcvMTk5OS8wMi8yMi1yZGYtc3ludGF4LW5zIyI+IDxyZGY6RGVzY3JpcHRpb24gcmRmOmFib3V0PSliIHhtbG5zOnhtcE1NPSJodHRwOi8vbnMuYWRvYy9yY29tL3hhcC8xLjAvLjIjL291cmNlUmVmlYlgeG1sbnM6eG1wPSJodHRwOi8vbnMuYWRvYy9yY29tL3hhcC8xLjAvLiB4bXBNTTpEb2N1bWVudEIEPSJ4bXAuZGlkOjM2N0E2QUVFQkY2MzExRTICQUFCQjk4OTI4NTIGRTNClIb4bXBNTTpJbnN0YW5jZUIEPSJ4bXAuWlkOjM2N0E2QUVEQkY2MzExRTICQUFCQjk4OTI4NTIGRTNClIb4bXA6Q3JlYXRvelRvb2w9IkFkb2JlIFBob3Rvc2hvcCBDUzYgV2luZG93cyI+IDx4bXBNTTpEZXJpdmVkrRnJvbSBzdGFJZjppbnN0YW5jZUIEPSI4MDNEOEM2MkFFMzI5RDZlFjJGM0I1RDEwMDQ2NDA5OSlge3RSZlY2ZG9jdW1lbnRJRjD0iODAzRDhDNjJBRTMyOUQ2RUIyRjNCNUQxMTA0NjQwOTkiLz4gPC9yZGY6RGVzY3JpcHRpb24+IDwvcmRmOIJERj4gPC94OnhtcG1ldGE+IDw/eHBhY2tldCBibmQ9InliPz7/7gAOQWRvYmUAAZMAAAAAB/9sAAAEAwMDAwMEAwMEBQMDAwUGBQQEBQYHBgYGBgYHCQcICAgIBwkJCwsMCwsJDAwMDAwMEBAQEBAEhISEhISEhISAQQEBACHBw4JCQ4UDg0OFBQSEhISFBISEhISEhISEhISEhISEhISEhISEhISEhISEhISEhISEhISEhL/wAARCAQAZ4DAREAAhEBAxEB/8QAZgAAAgMBAQEBAQAAAAAAAAAAAABQYDBAcCCAECQAEEAAgMBAQEAAAAAAAAAAAAAAAAAwQBAgUABgcQAAlBAwMCBAQDBQUDCQMFQECAxEEBQAhEjEGQVEiE2FxF AeBMiOrOJUSFbHBYiQIcjMW8NHhgkNTNCUX8ZImorLCY3ODk0RkhNKzW6PTVJSktGU3GBEAAQMCAIHBgUCBQQCAwADAQARAIEDMUESBFEF8GFxgZEiE6GxwdEyFOFCUiMG8ZJicqJTFYIzQyTCNLLiY/KDNf/aAAwDAQACEQMRAD8AzjtZDLjFR7zI x3Oey6Bi0wU8yBUJGPiO5U05YtC2WM/PL2/FatWzH6j5j0YJhFpHf2KAKLec+uMod4p0JA ZTtWjD8RpylyAyPuKIRqCCwZrH4nMCKbha2vell9aU9Kot9CxikUVoF90L8uQ0qN5C3NyGEh qb/Fn4pMXNMw/wCYe38UZ7a7jx3ccE0trE1rNYSCKeCQKWUtUqwZahgQD003tN7G9EKAgo1q 4LmAwRwRIwoPSntOP7NMu6uQAvxRWNABRfy0Hp+IA8DrnCGzr20EeffSKE7r1APnT4aiUgo0 18F+CqpAHEV2BoOp8dDN0K0ba6IeQjmQ7CnCorQA9NTblVdOCnigAkVICmUEPyIruDXcHYjb x0wACGyQKq0IQ8skzqkbSOX4ovFRU1oAKAD4eGpgAFSTIWljChRxFT1FKV03EBBJKnESVAID